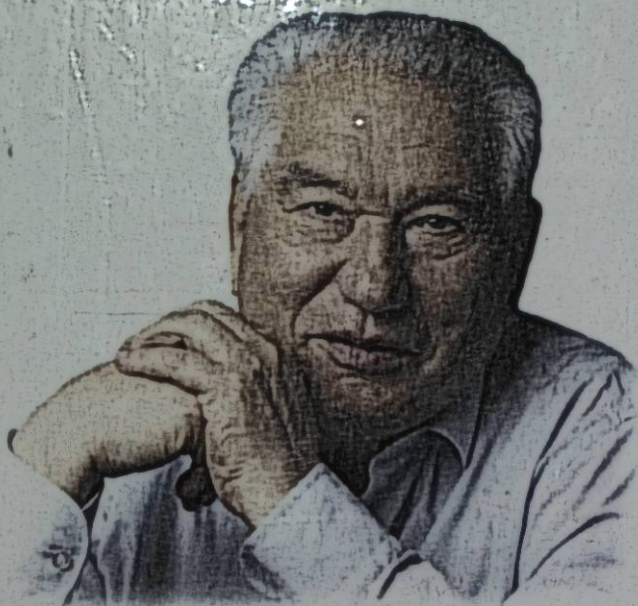

**ЖУМАГУЛ
СААДАНБЕКОВ**

**ФИЛОСОФИЯ
ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА**

Бишкек – 2013

ЖУМАГУЛ
СААДАНБЕКОВ

ISBN 978-9957-0-1111-1

2

© Сааданбеков Жумагул
Философия Чингиза Айтматова - Бишкек, 2013
- 256 с.

ФИЛОСОФИЯ

ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА

Философия Чингиза Айтматова - это философия жизни, философия человека, философия культуры. Она не является ни идеологией, ни религией, ни политическим учением. Это философия, которая рождается из жизни и возвращается к жизни. Она исследует проблемы бытия, сознания, свободы, ответственности, любви, смерти. Она пытается ответить на вопросы: кто мы, откуда мы, куда мы идем? Она пытается найти смысл жизни, смысл культуры, смысл истории. Она пытается понять, что такое человек, что такое культура, что такое история. Она пытается показать, как человек может жить достойно, как человек может быть свободным, как человек может быть ответственным. Она пытается показать, как человек может любить, как человек может умирать. Она пытается показать, как человек может быть счастливым. Это философия, которая рождается из жизни и возвращается к жизни. Она исследует проблемы бытия, сознания, свободы, ответственности, любви, смерти. Она пытается ответить на вопросы: кто мы, откуда мы, куда мы идем? Она пытается найти смысл жизни, смысл культуры, смысл истории. Она пытается понять, что такое человек, что такое культура, что такое история. Она пытается показать, как человек может жить достойно, как человек может быть свободным, как человек может быть ответственным. Она пытается показать, как человек может любить, как человек может умирать. Она пытается показать, как человек может быть счастливым.

ISBN 978-9957-0-1111-1

© 0301020000-13

УДК 1/14
ББК 87
С 12

С 12 Сааданбеков Жумагул
Философия Чингиза Айтматова. – Бишкек: 2013.
– 256 с.

ISBN 978-9967-27-220-0

В своей новой книге «Философия Чингиза Айтматова» Жумагул Сааданбеков раскрывает феномен Айтматова не только как великого художника, но и как выдающегося философа, который является едва ли не самым актуальным для нашего времени мыслителем мирового масштаба. Именно как философ-мыслитель Чингиз Айтматов в своих произведениях и публицистических статьях сумел подняться над важнейшими вопросами национального бытия, и поставил до сих пор волнующие человечество «проклятые вопросы» нравственного здоровья человека и общества, свободы, демократии и социальной справедливости. Планетарное, космополитическое мышление и национальное мировоззрение, кыргызский народ и «принудительная» демократия - вот лишь некоторые аспекты философии Айтматова.

С 0301020000-13

УДК 1/14
ББК 87

ISBN 978-9967-27-220-0

© Сааданбеков Ж., 2013

Посвящается памяти великого
художника и мыслителя
Чингиза Торекуловича АЙТМАТОВА

*Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало!*

Н.А. Некрасов

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале 60-х годов прошлого века, когда взойшла звезда Айтматова, я окончил Пржевальский (ныне Каракольский) пединститут и работал учителем физики и математики в сельской школе. Тогда кем бы ты ни был по образованию – физиком или медиком, люди моего поколения во главу угла духовных потребностей ставили художественную литературу. Книги имели над нами абсолютную власть. По своим духовным интересам мое поколение оказалось одним из самых книжных в истории нашей страны – и слава Богу.

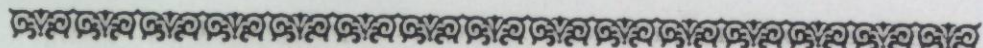
Чингиз Айтматов потряс мою душу более чем кто-либо из писателей и мыслителей. Его первый сборник произведений под названием «Повести гор и степей», удостоенный Ленинской премии, с пронизывающей остротой запал мне в душу, сместил какой-то центр моего сознания, я вдруг увидел мир как бы уже не своими глазами, но глазами всего нашего народа. Эта книжка была историей души кыргызского народа с её трагедиями – сокровенными, задавленными, осмеянными, кричащими о себе. Айтматов явил такое сочувствие простому человеку, что мир, казалось, должен был вздрогнуть и перевернуться. В повести «Материнское поле», увидев, что Толгонай с вознесенными ввысь руками разговаривает с матерью-землей, я был ошеломлен и очарован, перед моим внутренним взором стояла живая, скорбящая, глубоко страдающая и вечная Праматерь нашего народа, противостоящая хаосу и сомнениям, вседозволенности, относительности добра

и зла. Да, только любя и страдая, может возвыситься художник до таких откровений в своих созданиях, только душевным самопожертвованием дарит он людям радость возвышения от соприкосновения с явленным шедевром.

Я не принадлежал к близкому окружению, друзьям Айтматова, но были между нами теплые деловые отношения. Лишь однажды, в конце 80-х годов я как заведующий идеологическим отделом ЦК Компартии Киргизии имел с Айтматовым достаточно длительную, задушевную и доверительную беседу по очень наболевшей проблеме – национальному вопросу. Он много шутил и от души смеялся, спорили мы как равные, и так поразило меня в эти минуты его лицо! Да, вот оно, это настоящее лицо Чингиза Торекуловича, каким я представлял себе, читая его романы. Как бы озаренное властной думой, оживленно-бледное и совсем молодое, с проникновенным взглядом глубоких потемневших глаз, с выразительно-замкнутым очертанием губ. В эти мгновения лицо его больше скажало мне о нем, чем все его повести и романы. Это было лицо великого человека, историческое лицо. Я ощутил тогда всем своим существом, что то был человек необычайной духовной силы, неизмеримой глубины и величия, действительного гения, которому не надо слов, чтобы видеть и знать. Он все угадывал и все понимал каким-то особым чутьем.

У меня еще тогда зародилась мысль написать книгу об Айтматове. За прошедшие более чем двадцать лет мы все оказались в таком переплете истории, в такой круговерти перманентных революционных потрясений, что, честно говоря, было не до книг, и я страшился брать на себя такую воистину неподъемную ответственность, как написание книги об Айтматове. И потом я всегда надеялся, что найдется прежде меня автор, который объемней и глубже осветит эту непростую тему. Однако при всем блистательном наборе философов и публицистов до сих пор не появилась такая работа с философским уклоном. Вот я и взялся за перо и в меру своих сил написал эту книгу, в которой попытался раскрыть философию Айтматова.

Бишкек, 20 сентября 2013 г.

ГЛАВА I
МИРОВОЗЗРЕНИЕ

ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА

Чингиз Айтматов был одним из великих писателей, каких немного рождается в течение столетия. Ибо он один из тех редких гигантов, кто знаменует собой новую эпоху в развитии мировой художественной мысли. Самое большое, самое сильное впечатление, оставляемое Айтматовым, – жизненность его произведений, где ощущается та высшая правда, которая доступна только самому великому искусству. Читая Айтматова, мы познаём жизнь драматически напряжённую, глубже понимаем движение истории, проникаем в суть важнейших жизненных явлений, лучше постигаем себя и окружающих.

За более чем шестьдесят лет неустанного труда Айтматов создал огромное литературное наследие: романы и повести, рассказы, пьесы, литературно-критические статьи. Регулярно выступал в СМИ на самые актуальные темы повседневной политики. За этот период сочинения Айтматова изданы миллионными тиражами на десятках языках мира. То есть по мере исторического развития все больше становится ясным, что Айтматов – имя бессмертное и принадлежит всему миру.

Как художник, создавший произведения, которые всегда будут ценимы и читаемы во всем мире, Айтматов, вместе с тем, выдающийся мыслитель, поставивший в своих работах великие вопросы демократии, свободы и справедливости. Айтматов дорог современному читателю не только тем, что он дал несравненные картины кыргыз-

ской национальной жизни и создал первоклассные произведения мировой литературы, но и тем, что, используя художественные средства, мастерски изобличал пороки тоталитаризма, в оковах которого сам жил и творил, через судьбу отдельно взятого человека сумел изобразить исторические судьбы всего народа.

Поистине изумителен Айтматов как мыслитель. Его мировоззрение не только соответствует силе его художнического гения, но, быть может, подчас превосходит его художественный дар.

В мировой истории культуры подобный синтез, совпадение философского ума и художественного дара встречается, но редко. Известный русский философ Н.Бердяев в этом смысле даже Л.Н.Толстого ставит ниже Ф.М.Достоевского. Он писал, что Толстой «поражает неповоротливостью, прямолинейностью, почти плоскостью своего ума, не стоящего на высоте его гениального художественного дара. Конечно, не Толстой, а Достоевский был великим мыслителем. Творчество Достоевского есть изумительное по блеску, искристое, пронизывающее откровение ума. По силе и остроте ума из великих писателей с ним может быть сравнен лишь один Шекспир, великий ум Возрождения. Даже ум Гете, величайшего из великих, не обладал такой остротой, такой диалектической глубиной, как ум Достоевского»¹.

Духовно-философский феномен Айтматова невозможно раскрыть и понять без расшифровки своеобразия и парадоксальности развития самой кыргызской литературы. Она, в отличие от русской и европейской, с западной точки зрения, литературой-то не являлась. Кыргызский народ в прошлом преодолевал длительный путь феодально-патриархального политогенеза, и для него было харак-

терно фольклорно-эпическое сознание. В центре устного творчества и фольклора находился акын – фигура переходная от народного певца-сказителя к «письменному» поэту-литератору. Произведения акынов и акылманов (мудрецов) заменяли, по существу, философию и религию. Ислам как религия начал распространяться среди кыргызов лишь к концу средневековья и, в отличие от западных церквей – католической и протестантской, никогда не пользовался в народе большим авторитетом. В кыргызских народных сказках, притчах и анекдотах полно издевки и насмешек над муллами, эшенами (священнослужителями), которые изображаются, как правило, алчными, глупыми и хитрыми людьми. Ислам кыргызским народом был усвоен настолько формально и поверхностно, что с древних времен и по сей день не появился ни один сколько-нибудь выдающийся религиозный деятель. Так что я уверен в том, что в недрах кыргызского общества никогда не появится аятолла Хомейни.

На Западе были созданы целые философские системы – такими мыслителями, как Г.В.Гегель, И.Кант, К.Маркс и другими. В России блистали такие яркие имена, как Н.Бердяев, П.Чаадаев, В.Соловьев, К.Леонтьев и т.д. У кыргызов исторически, как уже говорилось, философов заменяли такие великие акыны-сказители и акылманы, как Калыгул, Арстанбек, Молдо Кылыч, Тоголок Молдо, Токтогул, Барпы, Женижок и другие. Они были очень популярны и пользовались огромным уважением. Их в народе нередко воспринимали как пророков, приписывали им большие возможности и ждали от них общественных деяний крупного масштаба. В силу этого их творения постепенно приобретали функции, вовсе для них не характерные. Как и в религии, их стихи и сентенции несли в себе огромный нравственный заряд и, как и в философии, нередко брали на себя интеллектуальную трак-

¹ Бердяев Н. Миросозерцания Достоевского. – М., 2001. – Стр. 22-23.

товку окружающего мира. Так, «Пир Беркута», «Пернатые» Молдо Кылыча — это воистину богатейшая энциклопедия мира пернатых. Именно на плечах этих могикан зарождалась кыргызская письменная национальная литература, выросла плеяда таких замечательных писателей, как К. Тыныстанов, Т. Сыдыкбеков, А. Токомбаев, М. Элебаев, А. Осмонов, Т. Уметалиев, Ж. Боконбаев, Т. Касымбеков и другие. И, разумеется, Чингиз Айтматов как писатель тоже состоялся и закалялся вместе с ними в условиях господства коммунистической идеологии, социалистического «реализма» и цензуры.

Литературно-художественное наследие Чингиза Айтматова основательно изучено и проанализировано такими видными литературоведами и критиками, как К. Асаналиев, К. Бобулов, А. Салиев, М. Рудов, Т. Аскарров, А. Акматалиев, М. Борбугулов, Ж. Бакашева, К. Ибраимов, Г. Гачев, О. Ибраимов, В. Левченко, А. Эркебаев и др. Я с благодарностью, внимательно изучил их опыт и опирался на него, но старался не переступать черту их литературно-критических исканий.

Моя же скромная задача состоит в том, чтобы показать Чингиза Айтматова как мыслителя и философа, и название настоящей книги отнюдь не означает, что ему принадлежит какая-то своя философская система, скажем, подобная диалектическому материализму К. Маркса или идеалистической философии Гегеля. Чингиз Айтматов — такой же философствующий писатель, как Л. Толстой, Ф. Достоевский или Г. Маркес. Он среди советских писателей был одним из самых образованных и не понаслышке знал, а постоянно читал и изучал К. Маркса и И. Канта, Ф. Ницше и Ж. П. Сартра, Конфуция и М. Ганди и других корифеев философии, таких далеких друг от друга и не схожих друг с другом. Однако само сочетание этих не

совместимых имен исключает мысль об эклектическом синтезе. Их невозможно примирить, но Чингиз Айтматов, пропустив их через свой личный духовный опыт, в результате явил на свет совершенно новое и оригинальное мировоззрение.

Оно — есть синтетическая философия Чингиза Айтматова, сердцевинной которой является экзистенциальная составляющая. Как писал Ж. П. Сартр, «литература есть ангажированная философия, экзистенциально-политическая активность, состоящая «на службе свободы»»² (курсив мой. — Ж. С.).

Философия Чингиза Айтматова дуалистическая. Это — дуализм духа и материи, реального и идеального, свободы и детерминации. «Чем дальше, — писал сам Айтматов, — тем больше я уверен в том, что удельный вес философичности в прозе должен быть как можно выше. Если он низок, то произведения, привлекавшие сиюминутной актуальностью темы, со временем теряют интерес. Попытки достичь художественной высоты без философского подхода обречены на провал»³.

Осевая линия философии Чингиза Айтматова проходит через осознание центрального противоречия человеческого бытия между внутренней свободой личности и определяемостью ее внешними причинами. Сознющая себя свободной, личность вынуждена жить в мире несвободы. Речь идет не только о природной необходимости. Самое тяжелое, если не трагичное, для Чингиза Айтматова — необходимость социальная, постоянно воспроизводимая свободными актами людей, общества и государства. В этом случае результат свидетельствует о какой-то коренной отягощенности несвободой самой свободы людей. Еще страш-

² Современный философский словарь. — М., 1998. — Стр. 967.

³ Айтматов Ч. Т. Собр. соч. — Т. 3. — М., 1984. — Стр. 316.

нее, еще беспросветнее рабство человека в самом себе. При этом человек становится рабом того, что находится как бы вне его, что отчуждено от него, но источник рабства – внутренний. Айтматов имеет в виду человека – раба низменных страстей, раба вещей, раба желудка и т.д.

Двойственная природа мировоззрения Чингиза Айтматова особенно ярко проявляется, когда он погружается в толщу народного сознания, прозревая в нем глубины почти мифологические. *Он в художественном изображении постигал и показывал нечто, чего не знал на уровне собственного рефлексивного сознания, что могло даже противоречить его убеждениям* (курсив мой – Ж.С.). Так, в свое время разгорались большие споры союзного масштаба вокруг повести «Белый пароход». Сам Айтматов считает, что, показывая гибель мальчика в данной повести, он отнюдь не возвышает зло над добром, а преследует цель жизнеутверждающую – через неприятие зла в его самой непримиримой форме, через смерть героя. Однако многие известные критики, в частности Д.Стариков, А.Алимжанов и др., доказывали, что были реальные условия и реальные силы, которые могли бы оградить мальчика. Было бы более чем прискорбно отсутствие таких условий и сил. Именно поэтому смерть мальчика кажется чудовищной и невыносимой.

Отвечая им, Айтматов писал: *«Некоторые читатели сетуют: разве не властен был автор иначе распорядиться судьбой героя? Нет, не волен я был. Такова логика художественного замысла, имеющего свои неподвластные автору принципы* (курсив мой – Ж.С.). Не мог я поступить так, как посоветовал в письме ко мне один читатель: Орозкула арестовать, деда Момуна отправить на пенсию, мальчика – в город, в школу-интернат. Это мило, но это означало бы амнистию злу. У меня был только один выбор – писать или не писать повесть. А если пи-

сать, то только так»⁴. Словом, герои Айтматова втягиваются в какую-то мельницу, водоворот, из которого выходят в совершенно непредсказуемом обличье. Всякая настоящая мысль или характеристика персонажа у него не предзаданы, а варятся лишь в раскале пишущегося текста и рождаются лишь в борениях ума и души. Потому и смерть мальчика, например, для него есть проблема скорее определенного строя души, чем наличия каких-то реальных сил и реальных условий существования мальчика.

Многие критические, философские статьи того времени показались Айтматову слишком рационалистическими и далекими от жизни, его же влекут не общие философствования, не сухие теории, как бы ни были хороши и правильны они сами по себе. Дело писателя, говорил он, выявлять и в наглядных, убедительных образах возводить подспудно нарождающиеся процессы в сферу общественного самосознания.

В основе философствований Айтматова лежит метафизическое восприятие мира, гениальная интуиция. Айтматовские произведения пронизывает феноменологическое начало, которое касается жизненного материала в разрезе самых высоких метафизических понятий – Бог, Вечность, Смысл жизни, Судьба, Душа и т.д. Именно через такие подходы и методы Ч.Айтматов ищет ответы на извечные, так называемые «проклятые вопросы», которые испокон веков волнуют, духовно терзают человечество, а сегодня, в условиях глобализации, они сделались слишком жизненными, слишком реальными, слишком серьезными вопросами. Это – интуиция художественная, но не только. Это также идейная, познавательная, философская интуиция. Она позволяет понять, что, помимо

⁴ Айтматов Ч.Т. Собр. соч. –Т.3. – М., 1984. – Стр. 320.

той жизни, которой мы живем и которую называем реальной, обыденной жизнью, есть еще какая-то другая, более реальная, чем та, которую мы считаем повседневной и обыденно-реальной. Эта жизнь самой мысли, самого духа и моральных институций (честь, совесть и т.д.), которые не имеют зрительных образов и не поддаются простому описанию, но которые, тем не менее, играют мощную подспудную и существенную роль не только в жизни отдельной личности, но и в исторической судьбе всего человечества.

Могут возразить, что я чрезмерно преувеличиваю роль интуиции в творческом процессе. Однако даже в таких точнейших фундаментальных науках, как физика, интуиция придает первостепенное значение. В научном мышлении, — заметил однажды Эйнштейн, — всегда присутствует элемент поэзии» (а ведь поэт мыслит чувствами, которые целиком принадлежат сфере интуиции: Ж.С.). Другой не менее одаренный физик; Поль Дирак прямо высказал мысль, что «красота физический теории следует признать одним из критериев ее истинности»⁵

Весьма любопытную мысль по этому поводу высказывает известный писатель Владимир Войнович: «Инстинкт умнее ума. Интуиция — это тоже инстинкт, который неведомыми путями оценивает ситуацию и оценивает правильно. Гений инстинктивен и обладает мощным интеллектом. Но интеллект не заслоняет инстинктов, доверяет им. Гений совершает поступок интуитивно, а потом может подумать и объяснить, почему он его совершил. Это интеллект обладает сильным интеллектом и слабым инстинктом. Он сначала долго думает, потом совершает поступок. И, как правило, не впадает. Кант говорил (примечание от автора перевода) интуитивный философ

⁵ Цит. по кн.: Кузнецов В.Г. Эйнштейн. — М.: Издательство АН СССР, 1967. — Стр. 87.

близительно), королева умнее гностика. Она не думает, но знает точно, какую траву можно есть, а какую нельзя. Гностику всегда думает и всегда есть не то»⁶. Выдающийся философ современности Мераб Мамардашвили писал: «Достаточно просто больше верить своей интуиции и тому, что заложено в наши души»⁷. Отвечая на вопрос корреспондента «Московских новостей», как его замысел воплощается на практике, сам Ч. Айтматов подчеркнул: «В творческой практике я скорее подсознательно (это же прежде всего глубинный пласт интуиции — Ж.С.), нежели рационально, имею в виду все эти факторы, чувствую. Я не просто представитель определенной национальной литературы, я обязан сказать нечто большее»⁸. Думается, что благодаря именно своей оригинальной интуиции ему удалось сделать изумительные открытия о человеке. Интуиция Ч. Айтматова имеет свой путь философствования. Он созерцает глобальные, общечеловеческие идеи, но всегда в движении, в динамике, в трагической их судьбе. Ч. Айтматов иногда любил себя называть непоколебимым почитателем социалистического реализма и считал свои достижения результатом того, что он неуклонно руководствуется этим принципом. Но на деле он далеко не всегда был соцреалистом в том смысле, в каком советская традиционная критика утверждала у нас существование социалистической школы реализма. Айтматов чем дальше, тем больше отдаляется от социалистического реализма, становится мастером фантастического, магического реализма, тяготеет к экзистенциальной философии, метафизические методы познания которой позволяют широко

⁶ Войнович В. Собр. соч. Т. 5. — М., 1995. — Стр. 97-98.

⁷ Мамардашвили М. Опыт физической метафизики. — М., 2009. — Стр. 20.

⁸ Московские новости. — 1981, 26 апреля. — С. 7.

использовать в творчестве символику и метафоры, мифологию, моралистику и т.д. «Что касается значения фантастического вымысла, — писал Айтматов, — то еще Достоевский писал, что фантастическое в искусстве имеет предел и правила. Фантастическое должно до того соприкасаться с реальным, что надо почти поверить ему. Достоевский точно сформулировал закон фантастического. Действительно, мифология ли древних, фантастический ли реализм Гоголя, Булгакова или Гарсия Маркеса, научная ли фантастика при всей их разности убедительны именно в силу своего соприкосновения с реальным. Фантастическое укрупняет какие-то из сторон реального и, задав «правила игры», показывает их философски обобщенно, до предела стараясь раскрыть потенциал развития выбранных черт.

Фантастическое — это метафора жизни, позволяющая увидеть ее под новым, неожиданным углом зрения. Метафоры сделались особенно необходимыми в наш век не только из-за вторжения научно-технических свершений в область вчерашней фантастики, но скорее потому, что фантастичен мир, в котором мы живем, раздираемый противоречиями: экономическими, политическими, идеологическими, расовыми. Габриель Гарсия Маркес говорит: «Я исхожу из необходимости разрушить демаркационную линию между тем, что казалось реальным, и тем, что казалось фантастическим, ибо в мире, который я старался воплотить, этого барьера не существовало»⁹.

Проза Айтматова — воистину царство фантастических метафор, мифов и легенд. Символы и метафоры водопадом обрушиваются на читателя. Бывает, что в одну фразу вмещено несколько символов и метафор, взятых из самых чуждых друг другу сфер бытия. И убеждаешься, что ре-

альная действительность может быть художественно выражена лишь в символах, и искусство никогда не отражает эмпирической действительности без проникновения в психологические глубины духовного мира человека. Но этот мир доступен искусству лишь в символическом отображении. Искусство Айтматова все — о глубочайшей духовной действительности, о метафизической реальности, оно менее всего занято обыденным, повседневным бытом. Все сложные столкновения и взаимоотношения людей обнаруживают не предметно реальную действительность, а внутреннюю жизнь, внутреннюю судьбу людей.

Историки литературы и литературные критики, любящие вскрывать разного рода влияния и заимствования, любят указывать на некоторое влияние на Айтматова, особенно в первый период его творчества. Конечно, это вполне возможно. Мне кажется, что если Айтматов и испытал чье-то влияние, то — одного из самых великих русских писателей — Достоевского. Ведь в прозе Достоевского достигает вершины русская литература, в ней совершается уже прорыв в глубинные пласты человеческой психики. Айтматов непосредственно примыкает к Достоевскому, особенно в своих трагических повестях и романах. А трагедия Достоевского, как и всякая истинная трагедия, имеет катарсис, очищение и освобождение. Если можно назвать Достоевского реалистом, то — реалистом магическим, фантастическим. И неудивительно, что его произведения подчас выглядят реальнее самой реальной действительности. Сам Достоевский писал: «...Совершенно другие я понятия имею о действительности и реализме, чем наши реалисты и критики. Мой идеализм реальнее ихнего. Господи! Пересказать толково то, что мы все, русские, пережили в последние 10 лет в нашем духовном развитии, — да разве не закричат реалисты, что это фантазия! Между тем это исконный, настоящий реализм! Это-

⁹ Айтматов Ч.Т. Собр. соч. — Т.3. — М., 1984.

то не есть реализм, только глубже, а у них мелко плава-
ет. Ихним реализмом сотой доли реальных, действи-
тельно случившихся фактов не объяснишь... У меня свой
особенный взгляд на действительность (в искусстве), и
то, что большинство называет (почти) фантастическим...
то для меня (иногда) составляет самую сущность действи-
тельности. Обыденность явлений и казенный взгляд на
них, по моему, не есть еще реализм, а даже напротив...
Неужели фантастичный мой «Идиот» не есть действитель-
ность, да еще самая обыденная! Да именно теперь то и
должны быть такие характеры... Я не за роман, а за
идею мою стою»¹⁰

Когда Айтматов встал во весь рост и сказал свое новое
творческое слово, он уже был вне всех влияний и заим-
ствований, он — единственное и национальное, чи-
сто человеческое творческое явление...
Не только фантастический, но и трагический реализм
является философским методом познания Айтматова. Ге-
рои Айтматова живут в запредельных, неведомых и жут-
ких ситуациях, их души пронизываются трагическими
токами, в них совершается переход от душевной обыден-
ности к окраинам души, к противоположным полюсам,
происходит раздвоение их душевной жизни. В этой связи
привожу ниже некоторые фрагменты беседы японского
философа Икэды с Айтматовым:
Икэда. Порассуждаем о трагическом. Немало произве-
дений имеет трагический конец, когда, пройдя через борь-
бу добра со злом, главный герой в конечном счете терпит
поражение. Это особенно ярко проявилось в ваших рома-
нах «Плаха» и «И дольше века длится день». Крушение
надежд, смертельный исход как бы показывают людям,
глядящим сквозь щели изгороди, глубину пропасти, ув-

¹⁰ Селезнев Ю. Достоевский. М., 1981. Стр. 388. мет. удже М. И. н. в. т.

которую может ввергнуть их судьба. И эта бездонная глу-
бина вырывает нас из повседневности, побуждает задуматься над изначально присущим нам предназначением, пробуждает жажду жизни. Разве не в этом эффект трагедии? Разве в конечном счете она не обращает человека к добру, не заставляет поверить в его существование?

...Вы и сами говорили, что в истории движущей силой мышления, творческого таланта является трагедия. Не изложите ли подробнее вашу точку зрения на этот вопрос?

Айтматов: Трагичность — знаменатель внутреннего мира человека. Свойства личности раскрываются через трагические переживания, когда он наталкивается в своем движении к истине, к праведности, к справедливости на противодействие отрицательных сил действительности. Не следует забывать: *трагедия — горький спутник счастья...* (курсив мой — Ж.С.) В преодолении трагической ситуации человек гибнет или выпрямляется. Понятие безысходности в жизни и в искусстве не всегда совпадает. Что такое гибель Джульетты с точки зрения житейской? Это — отчаяние и безысходность, это — самоубийство слабого духом. Что такое гибель Джульетты в искусстве? Казалось бы, почти то же самое, но под пером Шекспира эта безысходность обретает мощную силу обратного воздействия — это сила духа, это непреклонность и непримиримость, это убежденность и бескомпромиссность. Это одновременно любовь и ненависть, вызов и верность, это, наконец, утверждение личности ценою собственной жизни.

Икэда. Эти ваши слова — «Трагедия — горький спутник счастья...» — наиболее точный ответ на мою постановку вопроса. Отдавая им должное уважение, я позволю себе изложить мой принцип: «Волны, встречаясь с препятствиями, лишь усиливаются». Препятствие, трагедии закаляют человека, добавляют человеческой жизни но-

вую глубину и силу... Счастье венчает своим блеском лишь того человека, который борется, который в конечном счете не боится борьбы с самим собой. Вершиной истории искусства является не столько комическое, сколько трагическое, представленное, например, греческим трагедиями или трагедиями Шекспира. Людям не надоедает сотни и тысячи раз перечитывать или смотреть трагедии, потому что они очищают дух человека, совершая «духовный обмен веществ», подобно тому, как соответствующее движение освежает физические силы человека.

В вашем «Белом пароходе» чистая душа ребенка ведет смертельную схватку со злом. А как, интересно, отнеслись читатели к трагедии «Белого парохода»?

Айтматов. Судя по моей почте, большинство правильно поняли трагический финал «Белого парохода». Не потому он неизбежен, что его «предсказала» Рябая Хромая Старуха, а потому, что добро в лице мальчика оказалось несовместимым со злом. Непримиримость мальчика к злу остается с ним. С этой непримиримостью он «уплывет»... И если он найдет пристанище в сердцах читателей, то в этом его сила, а не «безысходность». Откровенно говоря, я горжусь своим мальчиком.

Икэда. Чем вы объясняете в принципе такое несходство восприятия трагического искусственными критиками и простыми читателями?

Айтматов. Наверное, «искусственностью» первых, которые «знают», как должен видеть и соответственно отражать жизнь писатель, и «простотой» вторых, кто хочет правды, желанной правды. Трагедия требует соучастия. В этом её сила. *Что и говорить, наше общество, каждый человек живет ныне в жанре трагедии. И не только личной. Её переживает все человечество* (курсив мой — Ж.С.). От этого не уйдешь. Не скроешься в литературе с непременно счастливым концом. Преодолеть — вызвать

огонь на себя. Испытать, если угодно, то, что испытывают самые честные, благородные и чистые душой люди, герои.

Икэда. Но «добро» и «зло» — понятия социально конкретные. Они не существуют вне времени. Можно не сомневаться, сегодняшнее зло показалось бы невероятным людям прошлых веков. Какими же средствами должен художник изображать сегодня природу и сущность «зла», чтобы потрясти воображение человека XX столетия? Все правы, реальная действительность фантастична. И не только. Она страшнее фантастики, ибо... реальна¹¹.

В том же романе «Тавро Кассандры» кассандра-эмбрион — это фантастика, но 1,5 миллиарда голодающих детей Земли разве не страшнее фантастики? Монах Филофей — фантастика, но невежество и агрессивность толпы, для которой убивать человека все равно, что раздавить муху, разве это не страшнее фантастики? Мотивы рока, ключевого в древнегреческой трагедии, грехопадения, потоп и другие природные катаклизмы, апокалипсические ноты в последних романах Айтматова несут огромную нагрузку, тем более что каждый из них как бы приобретает магическую силу, поскольку подвергается фантастическому переосмыслению. Даже в таком, казалось бы, художественно созданном, органичном для романа «Когда падают горы» эпизоде, когда олигарх Эрташ Курчал отбивает любимую женщину Арсена Саманчина, оживает древний кыргызский миф о вечной невесте, ставшей символом невыносимого страдания возлюбленных — охотника и его невесты.

Ч.Айтматов с ранних лет и до последних дней своих всем сердцем любил простой народ, его телесную и нравственную силу. Никакие пороки и неблагоприятные поступ-

¹¹ Айтматов Ч.Т. Тавро Кассандры. — М., 1998. — Стр. 301.

ки, имевшие место в истории, не могли смутить его. Он умел отличать здоровое зерно в простом человеке от наносного дурного, что пристало к человеку под воздействием постыдной бедности и рабской зависимости от тоталитарной системы власти. Айтматов любил наблюдать трудовую и семейную жизнь простых людей – крестьянина, учителя, рабочего.

Такая связь с народом, тесная солидарность с ним, с его жизненными интересами, с его радостями и горестями и составляла прочную основу духовного демократизма Айтматова, всего его творчества, проникнутого высоким гуманизмом, да и всей общественно-политической деятельности писателя. Не случайно, конечно, что все созданные им наиболее обаятельные и трогательные образы (Дюшен, Жамийля, Танабай, Едигей и др.) – выходцы из народа. И у всех у них тяжелая, но по-своему завидная судьба.

Все герои Айтматова – люди идейные, опаленные, сжигаемые внутренней духовной страстью. Они – это сам Айтматов, его собственный путь, различные стороны его существа, его муки, его вопрошания, его страдальческий опыт. Герои Айтматова принадлежат массам XX века, которые вышли на авансцену истории как творцы идей, движущих нацию, страну, цивилизацию. «Умственная жизнь, – писал Айтматов, – так называли в старину все то, что входило в круг интеллектуальных, духовных интересов человека, от политики до музыки. Этот круг интересов в наше время неуклонно расширяется и в «акватории» отдельной личности, и, в особенности, – охватывая широкие слои масс. Умственная жизнь, таким образом, уже не привилегия элиты, а неотъемлемое достояние всех народов. Это, несомненно, выдающееся революционное завоевание двадцатого века. Я имею в виду повсеместный культ стереотипов, стандартизацию умственной жизни, вызываемую в значительной степени расце-

том современных средств массовой информации, и прежде всего телевидения. Речь не идет о том, чтобы ограничить эти средства. Нет, наоборот, всемерно используя достижения научно-технической революции, необходимо придать умственной жизни черты высокого творческого мышления»¹². Здесь Айтматов предвосхищает и глубоко понимает, насколько вопрос об идеях усложнился, как радикально изменилась сама структура производства идей. Оказалось, что они могут производиться в обществе не мыслителями, не художниками, не интеллигенцией, а – массами, то есть идеи стали производиться не в специализированной сфере, не внутри науки или искусства, а как бы «спонтанировать» в массовом сознании. В то же время Айтматов философски озабочен, что массовизация идейной сферы чревата порождением пагубных, вредных стереотипов и штампов национальной культуры, что необходимо изживать, вытравлять из общественного самосознания. В этом смысле он часто ссылается опять-таки на опыт Достоевского, который всячески изживал все то, что помимо его воли входило в него в виде инстинктов русской толпы того времени, например, странное, фантастическое почтение к «униженным и оскорбленным». «Он первым поставил под вопрос эту манию, литературную и общеинтеллигентскую. Он обратил внимание на то, что нищета – это ведь тоже обладание, тоже своего рода гордыня и способ угнетения других. И, «обладая нищетой» можно быть таким же негодяем, какого формирует обладание богатством. В то время как в интеллигентском общем мнении почти автоматически предполагалось: если человек беден, то по определению прост и честен, коли плохо одет и социально унижен, значит – носитель добродетели и здравого смысла... Дело даже не в том, истинно

¹² Айтматов Ч.Т. – Собр. соч. – Т.3. – М., 1984. – Стр. 315-316.

это или ложно, а в том, что тут работают некие априорные и почти бессознательные установки, существующие уже в готовом виде и жестко задающие кодекс поведения»¹³.

Вспомним неприятие значительной частью кыргызской общественности, особенно именитых аксакалов в литературе, повести «Джамиля» и тем более фильма А. Михалкова-Кончаловского по повести Айтматова «Первый учитель», что вызвано именно априорными, ветхозаветными предрассудками о кыргызской женщине. До «Джамили» и этого фильма в национальном кино и литературе в целом как бы главенствовало, стало само собой разумеющимся и обрело качество психологического и эстетического штампа желание увидеть себя самих на экране в благопристойном, достойном виде независимо от истории, от исторических изменений. «А картина вдруг обнажила и те отрицательные качества, что достались нам в наследство. Фильм раскрыл не результат, а процесс великих изменений во внутреннем мире человека, народа, его психологии, показал нам наше прошлое без психологической и эстетической косметики, к которым, кстати, приучило часть зрителей само же искусство, от того и самому зрителю надо было – и было это нелегко – найти в себе мужество, чтоб сказать: «Да! Это было действительно так»¹⁴. Национальная гордость и кичливость – как известно, совершенно разные вещи: в первом случае гордятся своими несомненными достоинствами, не выставляя их навязчиво на показ, во втором – мнимыми достоинствами, чтобы выглядеть «на людях» не хуже, чем другие, кичиться даже собственными недостатками.

Айтматов открывает новые миры. Миры айтматовской прозы – среди всех побед и потрясений нашей истории –

¹³ Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. – СПб, 2011. – Стр. 184.

¹⁴ Айтматов Ч.Т. – Собр. соч. – Т.3. – М., 1984. – Стр. 562.

одни из немногих художественных миров, которые, в известной мере, наиболее соответственны, внутренне адекватны уровню надежд и тревог, бурь и скоростей, взлетов и падений XX века. В свернутом виде они заключают в себе самые сложные гуманистические проблемы времени, и прежде всего проблему сохранения, сбережения жизни на земле. Айтматовский «космос» – это та вымышленная, но не иллюзорная, а нужная каждому действительность, которой поистине надо «наглотаться», чтобы сберечь, удержать и развить в себе благородство, мужество и деятельный гуманизм в современной борьбе за мир. «История поставила перед нами жесточайшие условия выбора: «или – или», – писал Айтматов. – Я далек при этом от мысли убеждать кого-либо здесь в необходимости бороться за мир на земле – это аксиома. Разве существует какая-то альтернатива этому? Надо ли сомневаться, что каждый из нас в полную меру своих возможностей делает и будет делать все ради сохранения жизни на земле?! В наши дни конкретная форма этой борьбы заключается в воплощении – в поступках и устремлениях – решений, принятых в Хельсинки, за превращение рядки международной напряженности в необратимый процесс. Опять же, как было сказано выше, альтернативы нет. Нет альтернативы духу Хельсинки на сегодня. Коллективный разум человечества не изобрел пока ничего иного» (курсив мой – Ж.С.).

Академик Вернадский писал, что человечество в XX веке перешло из простой биосферы в ноосферу, своеобразное царство разума, в котором свободно мыслящее человечество как единое целое отныне стало мощной силой. В век расщепления атома в каждом мгновении стал виден свой микрокосмос, своя неучтенная энергия, а потому... «В этом явлении микрокосмоса, – отмечал создатель учения о ноосфере, – для нашего сознания бездонного мы

подходили к длению нашей личности, сколько бессознательных и сознательных процессов переживает каждый из нас в ничтожную долю времени, в мгновение»¹⁵.

Но чтобы научиться так продлевать, длить свою личность, увеличивать объем духовной жизни и нить чувств, Айтматову нужно было подняться на уровень научного и философского познания от футурологии до космогонии, быть способным продлиться в освоенные, рожденные новыми историческими процессами психологические миры. Впрочем, среди его прозрений есть и космогонические. «Думаем ли мы о том, – вопрошает Айтматов, – что нам доверен мировой разум, субстрат, а вернее, ипостась вечности? Сомневаюсь. Где-то среди нас, в стихии нашей, происходит срыв, обвал, извращение нравственности, незримая радиация зла и страха распространяется из того обвала по миру, нарушается космическая справедливость, думаю, что существует такая справедливость, искажается гармония бытия, и тогда киты не выдерживают и тоже срываются, плывут к берегу и выкидываются разом, выбрасывают себя на погибель, совершают самоубийство»¹⁶. (Такие случаи несколько раз освещались в СМИ в 70-80 гг.).

К последнему роману Айтматова «Когда падают горы» приложен небольшой рассказ «убить – не убить», и там есть такая эпиграмма, высказанная устами цыганки: «И только солнце останется не забрызганным кровью... и конь ускачет без седока»¹⁷ (курсив мой – Ж.С.). Какое жуткое, леденящее душу полотно, какой беспощадный экзистенциализм! И как еще Голливуд это не заметил и не поставил?

¹⁵ Вернадский В.И. Проблема времени в современной науке (1931). / Размышления натуралиста. – М.: Наука, 1975. – Т.1. – Стр. 48.

¹⁶ Айтматов Ч.Т. – Собр. соч. – Т.3 – М., 1984. – Стр. 373.

¹⁷ Айтматов Ч.Т. Тавро Кассандры. – М., 1995. – Стр. 46-45.

При изучении трудов Айтматова в экзистенциально-политическом плане бросается в глаза большое духовное беспокойство писателя, заставляющее его болезненно чувствовать турбулентный характер мирового развития, «подземные» толчки текущих и грядущих социальных бурь и кровопролитий на земле. Он тонко предчувствовал наступление общемировых угроз и вызовов катастрофического характера: угрозы ракетно-ядерной войны, международного терроризма, деградации и уничтожения окружающей природы, противоборства наций и государств за захват территорий и материальных ресурсов, из-за конфликтности религий и культур.

На мировоззрение и творчество Чингиза Айтматова наложила неизгладимый след рыночно-демократическая революция, произошедшая в СССР в 1990-2000 гг., последствия которой по сей день полны социального трагизма и алармистских настроений. Осознание и осмысление всего этого было у него настолько глубоко, настолько невыразимо обычным художественным словом, что он, в конце концов, в своих философско-политических публикациях и выступлениях заговорил как пророк.

Безмерная любовь к жизни, честнейшее подвижническое отношение к слову, орудию мысли писателя – все это составляло неизменный тон жизни, душевное обаяние Айтматова. Оно обрело ныне необыкновенную силу нравственного примера.

«...НАЙТИ ЧЕЛОВЕКА В ЧЕЛОВЕКЕ»

Ф.М. Достоевский

Чингиз Айтматов, как и вся наша советская интеллигенция, изучал философию по вузовской программе, где доминировали известные западные философские системы: античных философов Сократа, Аристотеля и Платона, философии Канта и Гегеля и, разумеется, Маркса как основоположника теории социализма. То есть он не имел специального академического философского образования, но его глубокое знание предмета является результатом неустанного, постоянного и напряженного философско-исторического самообразования.

Как известно, все выше названные философские системы зародились благодаря тому, что занимались исследованием проблем человека, государства и общества. Но парадоксально, что все они игнорируют конкретного человека с его правами и возможностями, переживаниями, болями и страданиями. Так, Ф.Ницше писал: «Человек – это скопище стыда и позора, человека надо преодолеть и переступить». По сути, это означало: с гуманизмом надо покончить, чтобы открыть дорогу «сверхчеловеку». Даже такие философы и идеологи, как Кант, Конт, Спенсер, вплоть до Гуссерля, выступали с антигуманистических позиций. Маркс также пожертвовал человеком и гуманизмом, принося их на алтарь антигуманному, надличностному царству коллективизма. Вспомним его знаменитый тезис о том, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть

совокупность всех общественных отношений»¹. Однако можно ли, не погрешив против истины, любого конкретного человека считать совокупностью всех общественных отношений, когда сфера его деятельности заведомо включает лишь незначительную часть этих отношений? Общество и человек не тождественны, мало того, в повседневной жизни они часто выступают как противоположности.

В философии Гегеля (разум, знание, интеллект) возведен в наивысший ранг. Гегель уверенно, заявляет: «Когда Я мыслю, Я отрекаюсь от всех своих субъективных особенностей, углубляюсь в самую вещь, и я дурно мыслю, если прибавлю хоть что-нибудь от самого себя»². То есть разум не ограничивается рассмотрением бытия извне, а включает его и растворяет в себе. Человек экстериоризует себя и теряется в вещах.

Датский философ Сёрен Кьеркегор категорически отрицает взгляды Гегеля. «Существующий человек, – писал он, – не может быть ассимилирован разумом, системой наук. Хотя о страдании можно говорить и думать, оно ускользает от познания... Это внутреннее содержание, притязующее, вопреки всякой философии, утвердиться в своей ограниченности и в своей неизмеримой глубине, эта субъективность, открытая по ту сторону языка как личная участь каждого перед другими и перед Богом и есть то, что называется «экзистенцией». Кьеркегор, возможно, был первым, кто выразил, наперекор Гегелю, несоизмеримость реальности и знания. По его убеждению, не идеи изменяют людей: «Чтобы подавить страсть, недостаточно познать причину – надо пережить её, противопоставить ей другие страсти, надо упорно бороться с нею, короче говоря – трудиться»³ (курсив мой – Ж.С.).

¹ Маркс К. и Энгельс Ф.. Соч. – Т.3. – Стр. 36.

² Цит. по кн.: Сартр Ж.-П. Проблемы метода. – М., 2008. – Стр. 15-16.

³ Кьеркегор С. Наслаждение и долг. – М., 1998. – Стр. 392.

Эта позиция экзистенциализма как раз соответствует мировоззренческому кредо Чингиза Айтматова: «...главная суть и ценность мировоззрения, — писал он, — человек. Можно писать о социальных, о международных, о научно-технических условиях современности, но при этом лишь человек, живущий на земле, должен тревожить и вдохновлять художника. Без этого искусство мертво. Общеизвестно — трудолюбие одно из непреходящих мерил достоинства человека. По труду судят, кто он и что он. В том смысле Едигей Жангельдин — Буранный Едигей, так еще называют его знающие люди, — поистине настоящий труженик, он один из тех, на которых, как говорится, земля держится»⁴ (курсив мой — Ж.С.).

Почти все герои произведений Ч.Айтматова — люди труда и идеи. Идеальная диалектика пронизывает все его творчество. Он своей художественной силой проникает в первоосновы жизни идей, и жизнь идей пронизывает его творение. И вот вникая в глубины мира идей героев Ч.Айтматова, мы пытаемся постигнуть его мировоззрение.

В повести «Прощай, Гульсары» Ч.Айтматов показал раскаленную диалектику идей, зарождение и вырождение, перерождение высокой идеи социализма и коммунизма в контексте послевоенного кыргызского села. В конце 50-х годов сельское хозяйство Кыргызстана, как и во всей стране, лежало буквально в руинах. Не было ни техники, ни кормов, ни чабанского жилья.

Перед чабаном Танабаем Бакасовым стояла труднейшая задача без потерь проводить весенний окот, сохранить поголовье. Как у подавляющего большинства коммунистов того времени, у Танабая сохранилась вера в силу и авторитет партии, идеалы существующего общественного строя. Но реальная повседневная жизнь свирепствовала,

говоря словами самого Ч.Айтматова, было «все переименовано, все подвержено лицемерию». Расточительно расходовался капитал доверия народа к партии. Вот что говорил сам первый секретарь ЦК КПСС Н.С.Хрущев в те годы: «Мы уподобились попам-проповедникам: обещаем царство небесное на небе, а сейчас картошки нет. И только наш многотерпеливый народ терпит, но на этом терпении дальше ехать нельзя. А мы не попы, а коммунисты, и мы должны это счастье дать на земле»⁵.

Такую ситуацию философия экзистенциализма и неопозитивизма определяют как «ситуацию абсурда». «Бродил Танабай ночью по кошаре, служил свою горькую службу и думал свои горькие думы. Отчего же теперь все лезет по швам? А может, ошиблись, не туда пошли, не той дорогой? Нет, не должно быть так, не должно! Дорога была верная. А что же тогда? Заплутали? Сбились? Когда и как это случилось?» Таковы были горькие думы еще верящего в идеалы своей партии коммуниста Танабая.

Исходя из тезиса об абсурдности окружающей действительности (и природной и социальной), некоторые идеологи экзистенциализма рассматривают эту абсурдность как некий изначальный, принципиально неустранимый для практического действия факт. Поэтому проблема свободы с самого начала ставится этими экзистенциалистами не как вопрос о преодолении абсурда, что принципиально невозможно с их точки зрения, а как вопрос «о бегстве от абсурда».

Наиболее пессимистическое толкование эта проблема получает в немецком варианте экзистенциализма, развиваемом М.Хайдеггером и К.Ясперсом. Согласно М.Хайдеггеру, человек всегда «заброшен» в мир, то есть не властен над господствующими над ним обстоятельствами,

⁴ Айтматов Ч.Т. Собр.соч. — М., 1984. — Стр. 312-313.

⁵ Яковлев А. Крестосев. — М., 2000. — Стр. 6.

бессилен перед ними. Поэтому, с точки зрения Хайдеггера, глубочайшей сущностью человека является страх, который проявляется в постоянной озабоченности людей самой возможностью своего существования. Эта озабоченность вызывает стремление выйти «за пределы» давящего своей абсурдностью мира. Последней и единственной подлинной возможностью, открывавшейся человеку, осуществившему «выход за пределы» – «забегание», как говорит Хайдеггер, является смерть. Человеческая жизнь, по Хайдеггеру, всегда «бытие для смерти». (В 1986 году я впервые побывал в Америке и, посетив Арлингтонское кладбище в Вашингтоне, увидел надпись на надгробном камне Мартина Лютера Кинга: «Наконец-то свободен» и был глубоко потрясен. Не понял я тогда смысл этой надписи).

Иной вариант решения проблемы пытается дать известный французский писатель А. Камю: «Существует лишь один действительно серьезный вопрос – это вопрос о самоубийстве. Стоит ли жизнь того, чтобы жить, или не стоит – рассуждать об этом – значит отвечать на основной вопрос философии», – так формулирует Камю в своем эссе «Миф о Сизифе»⁶. В этой связи М. Мамардашвили говорит об одном из первых философских трактатов в истории человечества, написанного на египетском папирусе: «Беседа человека, утомленного жизнью, со своей душой». Человек беседует со своей душой и доказывает ей, что мир плох, и поэтому он должен покончить с собой (и тем самым быстрее воссоединиться с высшим миром). Это сочетание самовлюбленности с самоуничтожением – изначальная структура так называемого мирового зла – зла, которое заключено в самом человеке, и в этом случае всякая философия есть философия,

⁶ Цит. по кн.: Бычко И.В. Познание и свобода. – М., 1969. – Стр. 114-116.

отвечающая на проблему самоубийства. И вот человек говорит своей душе, что хочет «перескочить» наверх путем самоубийства, на что душа отвечает: наверху – так же, как внизу. То есть низ должен быть так развит, чтобы на него можно было опереть весь верх. Наверху, в небесах, нет ничего такого, что не выросло бы из плоти, в самом низу.

И нечего говорить, что плохо. Если плохо, то потому что ты не развил земную жизнь, не сделал её такой, чтобы она могла нести на себе верх, а там, наверху, – то же самое, что и на земле.

Это очень древняя мудрость; она известна уже около трех тысячелетий, и не мешало бы нам о ней вспомнить. Ведь и мы хотим перескочить через труд свободы, через бремя развития самого себя, но это невозможно. Нужно решиться на труд жизни, ибо только это и есть свобода; решиться в истории, в реальности, и в малых делах, и в больших. История есть драма свободы. Там нет никаких гарантий, как нет и никакого самого по себе движущего его механизма. Это драма свободы, где каждая точка окружена хаосом. Если не будет напряжения труда, то есть напряжения свободы, требующей труда, то ты с этой исторической точки падаешь в бездну, которая окружает все точки, и не где-нибудь там, в небе или под землёй, а здесь на земле⁷. Чабан Танабай Бакасов не приемлет позицию о самоубийстве, даже в страшном сне ему не снится вопрос о собственной смерти, напротив, он берет на себя все бремя свободы и ответственности в сложившейся абсурдной ситуации. Иначе говоря, он свободен изнутри, осознав всю абсурдность внешней необходимости.

Чингиз Айтматов писал: «Моя совесть – мое «Я». И у Танабая свое «Я», т.е. совесть, чиста перед народом, пе-

⁷ Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. – М., 2011. – Стр. 177-178.

ред государством. Но его «Я» здесь раздваивается. Как ортодоксальный большевик он безгранично верит в правоту деяний партии, советской власти. В годы коллективизации раскулачил даже своего сводного брата Кулубая. Но, с другой стороны, в его душу вкрадываются большие сомнения насчет разумности и справедливости существующего строя. «Нет, не должно быть так, товарищи, что-то тут не в порядке, какая-то тут большая загвоздка у нас, — говорил Танабай. — Не верю, что так должно быть. Или мы разучились работать, или вы неправильно руководите нами... Раньше не сомневался, а после войны порой думал иначе»⁸.

Кстати, одну из фундаментальных категорий философии — дуализм, раздвоение личности превратили в бранное слово, «политически вредные явления» идеологи сталинского тоталитаризма. За рассказ «Усомнившийся Макар» выдающийся русский писатель А.Платонов в 20-годы оказался в опале. Вспышки своеобразной критической брани, даже истерии, обрушившейся на писателя, придали всей его жизни трагический отсвет. Спрашивается, в чем был виноват А.Платонов? Оказывается, герой рассказа Макар Ганушкин страстно мечтает о Руси машинной, индустриальной и вспоминает, «где он видел железо, и не вспомнил, потому что вся деревня была сделана из глины, соломы, дерева и пеньки», а это не понравилось Сталину, который расценил рассказ Платонова как «двусмысленный» и в политическом плане вредный. И пошло, поехало. Критики разных мастей, даже такие видные литераторы, как А.Фадеев, Л.Авербах, чрезвычайно «тонко» улавливали смысл сталинских оценок и писали о сложности, двусмысленности, двойственности рассказа Платонова. Так, Л.Авербах писал: «Рассказ Платонова — идеоло-

гическое отражение сопротивляющейся мелкобуржуазной стихии. В нем есть двусмысленность... Наше время не терпит двусмысленности»⁹. «Меня ищут в РАППе, — писал А.Фадеев, — ищет Гослитиздат, ищут мои редакции в «Октябре», я прозевал недавно идеологически двусмысленный рассказ А.Платонова «Усомнившейся Макара», за что мне поделом попало от Сталина — рассказ анархистский»¹⁰. Итак, два смысла, какое-то вязкое, почти нерасторжимое единство согласия и «сомнения», совмещенность в рассказе событий настоящего и тревожных взглядов на них же как бы из будущего. В этом, как мы увидели, суть «Усомнившегося Макара»: понять и принять эту сложную, опередившую всех позицию писателя тогда никто не захотел.

И Танабай сомневается, но при этом даже не подозревает, что командно-административная система вошла в фазу глубокого кризиса, начался закат Советского государства. К тому же все чаще получается, что, стремясь сотворить добро колхозу, общему делу, наживает он лишних врагов себе и колхозу, подчас причиняет зло и ущерб безвинному другому.

Танабай раздваивается, и его второе «Я» является бунтующим «Я». Оно яростно сопротивляется, не желает мириться с абсурдной ситуацией. Символ его второго «Я» — несравненный иноходец Гульсары, в котором бушевал огненный дух бега. (В нем красота и сильная натура самого Танабая, его горячий темперамент, страстная любовь). Гульсары олицетворяет не столько бегство души Танабая, т.е. его второго «Я» от абсурда, сколько его не-

⁹ Авербах Л. О целостных масштабах и частных Макарах. / На литературном посту. — 1929. — Кн. 21-22. — Стр. 164.

¹⁰ Фадеев А.А. Повесть нашей юности: Из писем и воспоминаний. — М., 1961. — Стр. 189-190.

⁸ Айтматов Ч.Т. Собр. соч. — Т1. — М., 1982. — Стр. 399-400.

примиримый протест. Не мог смириться Гульсары с неволей в конюшне. И он тогда по-своему поднимал бунт, мятеж — трижды убежал от своего нового хозяина. Тогда свирепствующие правители колхоза и района вынуждены были заковать его в железные путы — кишен, но даже кишен не смог удержать его в неволе. Иноходец убегает три раза, и в последний раз — в кандалах. Строптивость Гульсары приведет к его осклопению. Это уже духовная смерть второго «Я» Танабая.

Как уже говорилось, совесть Танабая, т.е. его «Я», подчиняясь абсурдной необходимости, честно, как говорится, денно и ночно выполняет свои трудовые обязанности. Но он терпит все это лишь до поры до времени, и настанет момент, когда он взрывается, восстает против правящей бюрократии. Вот ниже приведем раскаленные страницы повести, где происходит схватка между Танабаем и прокурором Сегизбаевым:

«—Что же это ты, товарищ, — кивнул он (Сегизбаев) в ту сторону, куда отнес Танабай мертвых сосунков, — чабан-коммунист, а ягнятадохнут?

— А они, наверное, не знают, что я коммунист, — съязвил Танабай...

— То есть как? — Сегизбаев побагровел. И замолк. — Социалистические обязательства принимал? — нашелся он наконец, одергивая для остротки голову иноходца.

— Принимал.

— А что там было сказано?

— Не помню.

— Вот потому идохнут у тебя ягнята! ...Да ты вредитель! Ты уничтожаешь колхозное добро. Ты враг народа. В тюрьме твое место, а не в партии!..

— Угу, в тюрьме мое место, в тюрьме, — подтвердил Танабай также спокойно. И губы его запрыгали, смеясь от раздражающего приступа бешенства, вспыхнувшего в

нем от обиды, от горечи, от всего того, что переполнило чашу его терпения. — Ну! — уставился он на Сегизбаева, сясь унять прыгающую губу, — Что ты еще скажешь?..

— Танабай, Танабай! Опомнись! — побелевший Чоро спрыгнул с седла.

— Прочь! — оттолкнул его Танабай. — Плевал я на свои обязательства, на всю свою жизнь плевал! Уйди! Мое место в тюрьме! Ты зачем привел этого манана в кожаном пальто? (курсив мой — Ж.С.) Чтобы измывался он надо мной? Чтобы в тюрьму меня сажал? А ну, давай, сволочь, сажай меня в тюрьму! — Танабай метнулся, чтобы схватить вилы, стоявшие у стены, и кинулся с ними на Сегизбаева. — А ну, вон отсюда, сволочь! Убирайся! — И, уже ничего не соображая, замахал вилами перед собой¹¹. Это событие было прологом предстоящей личной трагедии Танабая. Предстояли исключение из партии, осклопение Гульсары, расставание с любимой женщиной и т.д. Да, ситуация абсурда, которую он недостаточно учитывал и не всегда принимал в расчет, оказалась сильнее. Грустно, но что поделаешь? Но Танабай будет жить в благодарной памяти всех благородных людей, которые рано или поздно переделают «абсурдные обстоятельства».

А вот «бегство от абсурда» младшего помощника Танабая Бектая совсем иного рода. Он человек новой генерации, представитель зарождающегося в советском обществе мещанства, потребительской идеологии. Вспомним, как в конце 50-х рвались люди из деревни в город, где было водоснабжение с электричеством, магазины, кинотеатры и т.д. Уже тогда мещанство проявляется в агрессивном отрицании духовной стороны жизни в пользу полноты материального благополучия. Максим Горький в свое время писал, что мещанин «способен возвести свою зуб-

¹¹ Айтматов Ч.Т. Собр. соч. Т.1. — М., 1982. — Стр. 476-477.

ную боль на степень мирового события». Аналогичный образ у Ф.М. Достоевского. «Свету ли провалиться или вот мне чаю не пить?» – задал риторический вопрос герой «Записок из подполья»: «Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить». У мещанина желание хорошо, удобно жить является смыслом этой самой жизни. Бектай убегает от абсурда форменным дезертирством, бросая все хозяйство на плечи Танабая.

Злоба, клокочащая в Бектае, – не простая злоба. Это удивительная смесь гордости и унижения, которую умел описать только Ч. Айтматов, который считал, что это чувство всегда было присуще слабым, у которых ощущение собственной неполноценности рождает ненависть к сильному (анонимному горожанину или Танабаю?). Но злость Бектая имеет социальную природу. Она существовала не всегда и возникает там, где человек уже осознал себя равным другому. Это чувство не испытывают по отношению к людям другого сословия, расы и пр., а к своим – с такой яростью и ненавистью.

Бектай, поправ элементарные нормы нравственности, проявив своеволие, бросил работу и убежал. Конечно, он подался в город, нашел работу, но злоба его еще более усилилась. Это бессильная злоба и зависть к тому, кто равен тебе и одновременно непреодолимо неравен. Бектай – порождение эпохи, провозгласившей равенство в неравных условиях. Но стремление бектаев к равенству тоже противоречиво, поскольку, завидуя более богатому соседу, мещанин хочет всех и вся уравнивать, а с другой стороны, боится равенства, потому что он понимает это так, что у него тоже убудет. Бектай кончил свой путь как подлый глупец, работал в городе развозчиком пива, стал пьяницей, вором. Вот два трагических «бегства от абсурда», два поражения – Танабая и Бектая. Если уж поражение, то предпочтительнее поражение Танабая, хоть и односторонне

– беспомощного перед силой обстоятельств, но, по крайней мере, оправданного своим благородством принципа.

А вот поражение Бектая – это непоправимая трагедия. Ибо просчет в соединении с преступным своеволием против элементарной нормы добропорядочности приводит тут к концу, который воспринимается, кроме всего прочего, еще и как нравственное возмездие... Как крах, как полное разложение личности.

Чингиз Айтматов как-то говорил, что свой роман «И дольше века длится день» вначале намеревался называть «Обручем».

«Обруч» – это по-кыргызски «шири», он сделан из выючной шкуры верблюда, и его напяливали на обритые головы пленных. Тот, кто подвергался такой процедуре, либо умирал, либо лишался на всю жизнь памяти, превращался в манкурта – раба, не помнящего своего прошлого. В данном романе человеческая свобода подвергается насилью на уровнях трех «обручей», трех разновидностей насилия и диктата.

Символически обруч – это тоталитарное государство, превратившее национальную святыню – древнее кладбище «Ата-бейит» в запретную зону, оградив ее колючей проволокой. Как известно, идеология и политика интернационализма КПСС и советского государства были направлены на унификацию общества под знаком формирования новой исторической общности – «советский народ». Это означало, что вольно или невольно подавлялся национальный фактор. Фактически насильственно оттирались национальные языки, традиции и культура. Нынешнее поколение не поверит, но факт, что в городе Фрунзе – столице республики в 50-60 годы прошлого века была единственная кыргызская школа. Притеснялись или запрещались национальные обряды. Помнится, какая баталья состоялась на бюро ЦК Компартии Киргизии по мате-

риалу центральной газеты «Социалистическая индустрия», где в оскорбительном тоне рассказывалось о похоронах 90-летнего старика и проводилась идея, что, мол, кыргызы только внешне являются атеистами и приверженцами советского образа жизни, а внутренне они – исламисты и поклонники отживших традиций. Это во-первых.

Во-вторых, обруч – это самосознание того человека, который отрицает язык, традиции и культуру своего народа. Такой феномен является весьма распространенным качеством современного «массового человека», что будет подробно раскрыто в соответствующей главе. Лишь одно неоспоримо – «манкуртство» как факт из древнейшей жизни кыргызов имело место в национальном фольклоре, но философское переосмысление, переработка и превращение данного явления в актуальный феномен общечеловеческого масштаба принадлежит именно Ч.Айтматову.

В-третьих, обруч – это, наконец, современные глобальные угрозы и вызовы самому человечеству, которые обрели его на полное самоуничтожение. И потрясающе символично, что в финале романа все эти «обручи» как бы смыкаются, в момент сокрушающего грохота и всеохватывающего света боевых ракет – роботов, и тогда человек, верблюд, собака – эти простейшие существа, обезумев, бежали прочь.

Как ни парадоксально, но манкурт (раб) обладает «абсолютной свободой». Он не думает, не переживает ни за что, за него принимают решения другие, и другие отвечают за последствия. «Лишенный понимания собственного «Я», манкурт с хозяйственной точки зрения обладал целым рядом преимуществ. Он был равнозначен бессловесной твари и потому абсолютно покорен и безопасен. Он никогда не помышлял о бегстве. Для любого рабовладельца самое страшное – восстание раба. Каждый раб потенциально мятежник. Манкурт был единственным в своем

роде исключением – ему в корне чужды были побуждения к бунту, неповиновению»¹².

Свою судьбу главный герой романа «И дольше века длится день» Единой Жангельдин выстрадал своим сердцем в условиях нечеловеческих испытаний, выпавших на долю страны, народа, тяжесть которых он разделил, как принял бы на свои плечи любое бремя всенародной судьбы. Его характер определен духом народа, повергнувшего в прах самое страшное зло на земле – фашизм. Тогда понятия «отчизна», «народ», «мужество», «честь», «совесть» имели особую цену. «На ком земля держится? Стоило задать себе этот вопрос, – писал Чингиз Айтматов, – как в моем воображении стал рисоваться некий образ человека, который в дальнейшем материализовался в Буранного Едигея. Что здесь было «зерном»? Известная, в общем-то метафора. Разве что стертая от частого употребления. Но я как бы «открыл» её впервые, её поэтический и философский смысл. Они сошлись воедино. Тут-то уже я знал, что из нее вырастет, не раз говорил и готов повторить снова, что образ Буранного Едигея – это мое отношение к коренному принципу социалистического реализма, главным объектом которого был и остается человек труда. Для Едигея труд не средство существования, но прежде всего цель его жизни, призвание, долг перед людьми. Он свободен в своем выборе. Этот выбор требует мужества и благородства. И потому он человек в полном смысле этого слова. Ему чужда всякая корысть, выгода. Любая привилегия, которую он мог бы получить, для него оскорбление достоинства. И главное – благодаря такому отношению к труду он ощущает свою кровную причастность эпохе, народу, вне чего он не мыслит себя, свою судьбу. А мыслит он благодаря им. Потому что мыслить для такого чело-

¹² Там же, стр. 301.

века, как Едигей, — не одно и то же, что праздно рассуждать, разглагольствовать по какому-либо поводу или вовсе без повода. И «последнее» слово, которое он произносит, родилось в его душе в самый горький момент его жизни — перед лицом неумолимой вечности: оно обращено к умершему другу, Казангапу, и ко всем живущим, ибо это слово — долг Едигея. Долг поведать о великой и мудрой жизни человека-труженика — «последнее» слово Едигея и его же «первое» слово. Во всяком случае, «вслух». То, чего не скажет Едигей, должен был сказать Я, писатель. У каждого свой долг. А Едигей? Он молча будет продолжать жизнь, «держатъ землю»... В нем для меня воплощается, я бы сказал, генетическая человечность¹³.

Мера его человечности — высокая ответственность за все, что он имеет непосредственное отношение. Умирает друг Казангап, непростую ответственность за его похороны Едигей берет на себя, бедствует семья репрессированного друга Абуталипа, заботу и помощь бедствующей семье Едигей берет на себя, берет на себя даже ту тяжелую ответственность за переговоры (конечно, не состоявшиеся) с анонимным руководством космодрома, которое железным «обручем» закрыло святая святых «Ата-Бейит» и т.д. А родной сын Казангапа Сабитжан — как ведет себя в данной ситуации?

«— Слушай, Сабитжан, руки у нас освободились, и есть теперь один разговор, как же быть с нашим кладбищем Ата-Бейитом? — сказал он о том, что его очень тревожило.

— А что как быть? Тут и голову нечего ломать, — ответил Сабитжан. — План есть план. Ликвидировать будут его, сносить по плану. Вот и весь сказ.

— Да я не об этом. Так можно на любое дело махнуть рукой. Вот ты родился и вырос здесь. Выучил тебя отец. И теперь мы его похоронили... Ты грамотный, работаешь

в области, слава богу, разговоры можешь вести с кем угодно, книги разные читал...

— Ну и что из этого? — перебил его Сабитжан.

— А то помог бы ты мне в разговоре, отправились бы мы с тобой, пока не поздно, но не откладывая, прямо завтра же; в этом городке кто-то самый главный. Нельзя, чтобы Ата-Бейит сровняли с землей. Ведь тут история.

— Это старые сказки, пойми, ты, Едике. Здесь решаются мировые, космические вопросы, а мы пойдем с жалобой о каком-то кладбище. Кому это нужно? Для них это — тьфу! Да и все равно туда не пустят.

— Так если не идти, то не пустят. А если потребовать, то и пустят. А нет, так сам начальник может подъехать на встречу. Не гора же он, чтобы с места не трогаться.

Сабитжан метнул на Едигея раздраженный взгляд.

— Оставь, старик, это пустое дело. А на меня не рассчитывай. Мне это совсем ни к чему.

— Так бы и сказал. И разговору конец. А то сказки...

— А как же ты думал? Что я так и побегу? Ради чего? У меня семья, дети, работа. Зачем мне против ветра мочу пускать? Чтобы отсюда один звонок, и мне пинком под задницу? Нет уж, спасибо!

— Ты свое спасибо сам принимай, — бросил Буранный Едигей и добавил зло: — Пинком под задницу! Выходит, только для задницы и живешь!

— А как же ты думал? Вот именно! Это тебе просто — кто ты? Никто. А мы для задницы живем, чтобы в рот послаще попало.

— Во-во! Прежде головой дорожили, а теперь, выходит задницей.

— Как хочешь, так и понимай. А дураков не ищи.

— Ясно. Разговору конец! — отрезал Буранный Едигей. — Справляй поминки, и больше нам с тобой, бог даст, не встретиться никогда.

¹³ Там же, стр. 269-270.

...Каялся Буранный Едигей, крепко каялся, что зря затеял разговор, напрасно бросил слова на ветер. А разве же Сабитжан тот человек, к которому стоило обращаться за советом да помощью?.. А что из того, что обучался он на разных курсах да в разных институтах? Может быть, его и обучали для того, чтобы он сделался таким, каким оказался...

И чем больше думал старик Едигей об этом, тем обидней и безысходней становилось от этих мыслей.

— Манкурт ты! Самый настоящий манкурт! — прошептал он в сердцах¹⁴.

Здесь обнаруживается суть мировоззрения Айтматова: уклоняясь от ответственности за свои деяния, человек отказывается тем самым от своей свободы и индивидуальности. Одно неотделимо от другого. Мера свободы есть одновременно мера ответственности. Боязнь ответственности — стимул отклонения от борьбы. В своих произведениях Ч.Айтматов исподволь, но метко показывает, как государственный тоталитаризм пытается внедрить в большое и восприимчивое сознание беспамятность, уничтожить саму личность, превратить ее всего лишь в функцию государства. Он беспощадно раскрывает такие самые негативные черты человека, как непоследовательность, отсутствие осознания своего достоинства, жестокость, сервиллизм и жуткую покорность как результат антигуманистической государственной политики.

В повести «Белый пароход» раскрывается психология двух таких типов людей — Орозкула и Момуна. Орозкул — садист в самом классическом смысле этого слова. Он стремится не только поставить остальных на колени, но и жестоко эксплуатировать их, обкрадывать, забирая все самое лучшее, чем они обладают, получает удовольствие, причиняя страдание другим, заставляя их плакать.

¹⁴ Айтматов Ч.Т. Собр. соч. — Т.2. — М., 1984. — Стр. 483-484.

А вот его антипод Момун «расторопный» — человек исключительной проворности, исключительно трудолюбивый, человечный, бескорыстный. В то же время Момун — человек глубоко страдающий от своего внутреннего комплекса неполноценности. У такого человека присутствует одна редкая черта — способность иногда оказывать сопротивление власти и отрицать любое давление «сверху». Может показаться, что выражая свой крайний протест против любой реальной власти, такие люди демонстрируют свою независимость. Тем не менее, подобная борьба, которую предпринимает закомплексованный человек против реальной власти, по сути своей является всего лишь эпизодической вспышкой. Это — только попытка утвердить себя, преодолеть чувство собственного бессилия, но при этом неистребимо остается стремление к подчинению, хоть и неосознанное.

Как сказал В.И.Ленин, раб, не сознающий своего рабства и прозябающий в бессловесной покорности, есть просто раб. Раб, осознавший свое рабство и примирившийся с ним, восторгающийся своей жизнью и своим добрым господином, есть холоп, хам. Но раб, осознавший свое положение и восставший против него, — это революционер¹⁵.

Психология Момуна «расторопного» — это психология раба, мотивом которой является только подчинение власти, неважно какой: государству, вождю, семье или такому хаму, холопу, как Орозкул. В этом он находит себе утешение и душевное равновесие. Такие люди постоянно ощущают некую зависимость от внешних сил: будь то другие люди, природа или общество в целом. Он не горит желанием утвердить себя, как-то выразить, достичь чего-то. Он просто-напросто находится в прямой зависимости от реально существующих либо надуманных приказов этих внешних сил. Очень часто они даже не в состоянии выра-

¹⁵ Цит. по кн.: Кон И.С. Социология личности — М., 1967. — Стр. 40.

зять какое-нибудь чувство, характеризующее фразой «Я хочу», они утратили чувство собственного достоинства, чувство собственного «Я». Еще одна особенность таких людей – горячее стремление превратиться в часть большого целого, которое сильнее и могущественнее, попытка слиться с внешней силой и стать всего лишь одним ее составляющим. Подобная сила может подразумевать все, что угодно: другого человека, общественный институт или предприятие, бога, нацию, вождя, совесть или какую-то моральную зависимость. Определив себя как крупницу этой могущественной силы, которую индивидуум склонен считать единственно прекрасной, неповторимой и непоколебимой, он получает право на какую-то часть ее славы и могущества, становится причастен к ее жизни. Человек полностью отрекается от своего «Я», лишает себя своей индивидуальности, собственной внутренней свободы, отказывается от своей гордости, уникальности. Но он при этом обретает уверенность в себе и в завтрашнем дне, он горд своей причастностью к той силе, которая приняла его и наделила новыми качествами, так необходимыми ему ранее. Но самое главное – он отказывается от тяжелого бремени принятия решений. За то беспрекословно выполняет приказы той силы, независимо от того, направлены они на доброе или на злое дело. Дед Момун, выполняя указание Орозула, посягнув на свой идеал, на свою веру в жизнь – Рогатую Мать-олениху. Кому, как не Момуну, следовало взять под свою активную защиту маралов как символ духовной святости от всяких посягательств со стороны Орозула, для которого ничего святого нет, кроме жажды власти. Когда люди наблюдают победное шествие Орозула над бедным Момуном, они признают его единственным авторитетом и признаком силы. А сила Орозула наглая и хамская, он «...в душе торжествовал, что все же сломил взбунтовавшего старика». «Так-то, – ехидно посмеивался Орозул про себя. – Приполз, упал

мне в ноги. Ух, нет у меня большей власти, не таких бы скрутил в бараний рог! Не таких заставил бы ползать в пыли. Дали бы мне хотя бы колхоз или совхоз. Я бы уж порядок навел. Распустили народ. А сами теперь жалуются: председателя, мол, не уважают, директора не уважают. Какой-нибудь чабан, а говорит с начальством, как ровня. Дураки, власти недостойные! Разве же с ними так надо обращаться? Было ведь времечко, головы летели! – и никто ни звука. Вот это было – да! А что теперь? Самый никудышный из никудышных, и тот вон вздумал вдруг перечить. Ну-ну, поползай у меня, поползай», – злорадствовал Орозул, поглядывая изредка в сторону Момуна».

«Я особенно подозрительно, – писал М. Горький, – особенно недоверчиво отношусь к русскому человеку у власти – недавний раб, он становится самым разнузданным деспотом, как только приобретает возможность быть владыкой ближнего своего». Написано это девяносто лет назад, но не потеряло своей актуальности ни на йоту. Мы сталкиваемся с Орозулами ежечасно – будь то охранник на проходной, проверяющий ваше удостоверение, паспортистка, требующая кучу дополнительных документов, или таможенник, перетряхивающий ваш багаж, в эти моменты через ваши жилы пробегает липкое чувство страха и унижения – тоже рабское чувство. «Мы недавние рабы, которые, освободившись от рабства внешне, внутренне продолжаем жить чувствами рабов», – писал Горький. И в этом смысле следует понимать признание Чехова, что надо «по капле выдавливать из себя раба». А это очень непросто¹⁶.

Вопрос о власти принципиален для Айтматова. Власть – это подъем, возвышение, необходимость занять свое место на ступеньке, приподымающей тебя над другими, и она – труд самопознания, который возвышает дух и приводит к власти над собой. Уже здесь, в этом образе, намечается

¹⁶ Цит. по кн.: На трибуне реакционера. – М., 2007. – Стр. 60-61.

раздвоение его смысла. Это раздвоение станет основой трагедии некоторых айтматовских героев, таких как Орозкул. Порой не замечая в себе второго «Я», их первое «Я» прежде всего следует за честолюбием своим, толкающим все выше по иерархической лестнице. Они карабкаются по её ступенькам, обдирая пальцы, сталкиваемые вниз и вновь подбрасываемые вверх случаем, и лишь истратив почти все силы, остальные из них осознают вдруг тщетность этого лжевозвышения. Находясь у власти, занимая высокое положение в обществе, они вдруг чувствуют потребность простого счастья человеческого. Они стремительно летят вниз по мнимым ступеням, чтоб начать новый подъем – на этот раз подлинный.

Близкий друг Танабая, парторг колхоза «Белые камни» Чоро из партийной номенклатуры, – именно такой человек. Он всю войну председательствовал. В армию его не взяли из-за больного сердца. Вместе с Танабаем они когда-то начинали комсомольцами агитировать за колхоз, вместе кулаков раскулачивали. Особенно он, Танабай, старался тогда. Не щадил он тех, кто попадал в список на раскулачивание. Чоро, напротив, осторожный, гибкий, как говорится, на рожон не лезет, своего рода «пацифист», всю жизнь старается примирить непримиримые начала...

Идет бюро райкома партии. Над Танабаем учиняется самая настоящая политическая расправа. Материалы на бюро подготовил тот же «манап в кожаном пальто» Сегизбаев, который говорит: «Но, по Бакасову, выходит, что я, советский человек, партийный уполномоченный, – новый манап, барин, душитель народа! Вот как! Вы понимаете, что это означает, что кроется за такими словами? Думаю, комментарии излишни. Теперь о другой стороне дела. Удрученный крайним неблагополучием с животноводством в «Белых камнях», я в ответ на возмутительные слова Бакасова назвал его врагом народа и сказал, что его

место не в партии, а в тюрьме. Но теперь я убедился, что это именно так. И не беру слова свои назад, а утверждаю, что Бакасов – опасный, враждебно настроенный элемент...

Чего только Танабай не пережил, войну прошел с начала до конца, но не подозревал, что сердце может кричать таким криком, каким оно кричало сейчас. С этим криком, отдававшимся неумолкающей канонадой в ушах, сердце его падало, вставало, карабкалось, срывалось вниз и снова пыталось встать, но пули били его в упор. «Боже, – стучало в голове Танабая, – куда девалось все, что было смыслом моей жизни, смыслом всей моей работы? Вот уже до чего дожил – стал врагом народа. А я-то страдал за какую-то кошару, за ягнят этих охристанных... Кому это нужно!..»

– Товарищ Бакасов, что вы скажете о своем поступке? – спросил Кашкатаев, уже приходя в раздражения.

– Ничего. Все уже сказано, – ответил Танабай. – Выходит, я был и остаюсь вредителем, врагом народа. Так зачем же знать, о чем думаю я? Судите сами, вам виднее».

На бюро развернулась непримиримая борьба, из семи членов бюро трое защищают Бакасова, а парторг Саяков Чоро молчит...

«– Товарищ Саяков, вы как парторг колхоза подтверждаете всю эту историю? – спросил секретарь райкома у Чоро».

Здесь мы увидим раздвоение личности Чоро наглядно.

«– Да, подтверждаю, – проговорил бледный Чоро, медленно поднимаясь с места. – Но я хотел бы объяснить...»¹⁷

После бюро Чоро полностью осознал и прозрел, что люди, несправедливо наказавшие Танабая, являются людьми посредственными, корыстолюбивыми, коварными и трусливыми. Лишь обладание властью делают их чрезвычай-

¹⁷ Айтматов Ч.Т. Собр. соч. – Т.1. – М., 1984. – Стр. 481-482.

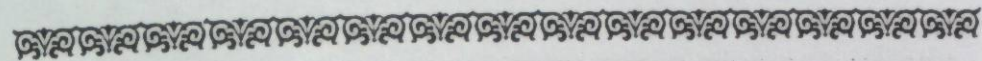
но опасными — иногда именно в силу трусости, обрекающей их на отчаянные шаги. Их сила в том, что они входят в систему бюрократии, обладают прочными связями на основе круговой поруки.

В то же время Чоро испытывал стыд за свое малодушие и нерешительное поведение на бюро. Поэтому, возвращаясь домой в смертельно больном состоянии, прямо ночью, собирает членов парторганизации, чтобы выступить перед ними с разоблачительной информацией в адрес районной верхушки. Но не успел. Он умирает. Показательно, что на его похоронах никто не присутствует из районной или областной партийной иерархии, а ведь он же был парторгом колхоза.

Айтматов здесь показывает отвратительное лицо партийной бюрократии, для которой человек, даже своя номенклатура, лишь «винтик», «приводной ремень», предупреждает об опасности формализма, засилья казенщины, бедах бюрократического окостенения и застоя, бездушия, волюнтаризма и заседательства.

В наше же время чиновники, бюрократия (а не интеллигенция, не учёные, не инженеры, не учителя) стали не только политическим, правящим классом, а в целом национальной элитой. Это для себя они принимают новые законы, устраивают помпезные праздники, пилят бюджет, заказывают дорогие автомашины, мебель с позолотой, импортные унитазы. И они же тормозят развитие гражданского общества, устраивают шумные псевдомитинги, мобилизуют «обон» («отряд баб особого назначения»). Об угрозе революции со стороны бюрократии предупреждал еще Ленин. С тех пор прошло 90 лет, а бюрократия все еще всевластна.

Однако Танабай и Едигей так же, как и прежде, служат свою горькую службу, в бесчеловечных и суровых условиях рынка еле сводят концы с концами, выживают, кто как может.

*Любить — это значит жить
жизнью того, кого любишь.*

Л.Н.Толстой

Глава III.

ОДИНОЧЕСТВО ЛЮБВИ

В повести Ч.Айтматова «Джамиля» рождается глубокая и прозорливая экзистенциальная драма национально-гуманитарного сознания через судьбу женщины, которая в суровую годину войны обретает большую, светлую любовь вопреки всем испытаниям.

Как известно, война стала всенародной осознанной необходимостью. Как безоговорочная и абсолютная необходимость она не требовала от народа никакого принуждения. Тотальное приятие тотальной необходимости — такая парадоксальная природа массовой свободы, рожденной в те грозные годы. Это проявилось как взрыв всеобщего патриотизма народа, как его ненависть к немецко-фашистским захватчикам. Все тогда от мала до велика понимали смертельную опасность потери национальной независимости и свободы и сознательно взвалили на свои плечи всю невероятную тяжесть борьбы на фронтах и в тылу. Особо трудные испытания выпали на долю стариков, женщин и детей. Героиня повести Джамия представляется женщин в тылу, которые фактически вручную пахали, сеяли и убирали урожай на десятках, сотнях гектаров земли, что порою не под силу даже нынешним земледельцам, имеющим современные тракторы, комбайны, сохранили и приумножали миллионное поголовье скота. Женщины в тылу содержали семью, обучали и воспитывали детей.

Джамиля является невесткой в кыргызской семье, где еще сохранились рудименты патриархально-родовых традиций. Ч.Айтматов с большой чуткостью и мастерством художника-реалиста пишет: «В соседнем дворе, или как называют его в айле, в малом доме, живут наши близкие родственники, не то наши прадеды были родными братьями, но я их называю близкими потому, что жили мы одной семьей. Так повелось у нас еще со времен кочевья, когда деды наши вместе разбивали стойбища, вместе гуртовали скот. Эту традицию сохранили и мы. Когда в аил пришла коллективизация, отцы наши построились по соседству. Да и не только мы, а вся Аральская улица, протянувшаяся вдоль айла в междуречье, наши одноплеменники, все мы из одного рода.

Вскоре после коллективизации умер хозяин малого дома. Жена его осталась с двумя малолетними сыновьями. По старому обычаю родового адата, которого и тогда еще придерживались в айле, нельзя отпускать на сторону вдову с сыновьями, и наши одноплеменники женили на ней моего отца. К этому его обязывал долг перед духами предков: ведь он доводился покойному самым близким родственником¹. В такой семье невестка не имеет самостоятельности. «У моей матери, — говорит Сеит, — властный и суровый характер. Она жила по своим правилам и никогда не изменяла им... Она и нас воспитала в строгом трудолюбии и почтении к старшим, требовала от всех членов семьи беспрекословного подчинения.

А вот Джамия с первых же дней, как пришла к нам, оказалась не такой, какой положено быть невестке. Правда, она уважала старших, слушалась их, но никогда не склоняла перед ними голову, зато и не язвила шепотком,

¹ Айтматов Ч.Т. Собр. соч. — Т.1. — М., 1983 — Стр. 81.

отвернувшись в сторону, как другие молодухи. Она всегда прямо говорила то, что думала, и не боялась высказывать свои суждения.

Не знаю, чем объяснить, может, оттого, что Джамия с детства гоняла с отцом табуны — она у него была одна, и за дочь и за сына, — но в характере у нее проявлялись какие-то мужские черты, что-то резкое, а порой даже грубоватое. И работала Джамия напористо, с мужской хваткой. С соседками ладить умела, но если ее понапрасну задевали, никому не уступала в ругани, и бывали случаи, что и за волосы кое-кого таскала. ... Соседи не раз приходили жаловаться:

— Что у вас за невестка такая? Без году неделя как переступила порог, а языком так и молотит! Ни тебе уважения, ни тебе стыдливости.

— Вот и хорошо, что она такая! — отвечала на это мать. — Невестка у нас любит правду в глаза говорить. Это лучше, чем скрытничать да исподтишка жалить².

Надо добавить, что формирование характера Джамии протекало в советской школе, комсомоле, в атмосфере господства коммунистической пропаганды и агитации, где проблемам эмансипации женщин, их равноправия с мужчинами уделялось большое внимание. Словом, Джамия для своего времени достаточно раскрепощенная женщина. Однако следует иметь в виду, что она живет и трудится в экстремальных условиях войны: изнурительная работа от зари до зари, нехватка всего и вся: тепла, питания, одежды, муж на фронте — с ним она прожила вместе всего четыре месяца, т.е. еще толком не разобралась, кто он такой, любит она его или не любит, и т.д. Но самое невыносимое — это постоянно терзающие ее мысли о бу-

² Там же, стр. 85-86.

дущем, о путях дальнейшей жизни и личностного развития. Её беспокоит, конечно, неопределенность своего места в социальном лифте, перспектив профессионального и образовательного роста. Её мучает вопрос о том, состоится ли в будущем ее семейная жизнь. Все это у Джамили формирует комплекс одиночества, страха и тревоги, и она вынуждена использовать психологические защитные механизмы. Согласно учению великого психиатра З.Фрейда, чтобы избежать зависимости от подобных комплексов, человеческая психика выработала ряд защитных механизмов, которые совершенно бессознательно подавляют и вытесняют из сознания те импульсы, которые мучают человека. З.Фрейд определил следующие формы защитных механизмов: вытеснение, проекция, вымещение, рационализация и сублимация. Анализ поведения Джамили показывает, что у нее вырабатывается своеобразная реакция – изменение неприемлемой для сознания тенденции на противоположную. Например, у подростка неосознанное влечение к девочке часто принимает форму агрессивного преследования, дергания за косы и т.п.³ Раскрывая странности в поведении Джамили, Ч.Айтматов пишет: «Но кое-что в Джамиле все-таки смущало свекровей: уж слишком откровенна была она весела, точно дитя малое. Порой, казалось бы, совсем беспричинно начинала смеяться, да еще так громко, радостно. А когда возвращалась с работы, не входила, а вбегала во двор, перепрыгивая через арык. И ни с того, ни с сего принималась целовать то одну свекровь, то другую.

А еще любила Джамиля петь, она постоянно напевала что-нибудь, не стесняясь старших. Все это, конечно, не вязалось с устоявшимися в айле представлениями о пове-

³ Цит. по кн.: Кон И.С., Социология личности. – М., 1964.

дении невестки в семье, но обе свекрови успокаивали себя тем, что со временем Джамиля остепенится: ведь в молодости все, мол, они такие»⁴. В философии экзистенциализма «странный» характер Джамили классифицируется как характер плодотворной ориентации, где доминантой является деятельность, а именно деятельность человеческой души, которая, говоря словами поэта Заболоцкого, «должна трудиться и день и ночь».

Плодотворность – одно из ключевых понятий аристотелевской системы этики. Добродетель можно определить, говорит Аристотель, принимая во внимание назначение человека. (*Понятие назначение применяется здесь в смысле предназначения, т.е. судьбы, судьбой определенного дарования.* – Ж.С.)

Как для флейтиста, скульптора или любого мастера благом считается наличие определенного назначения, которое является отличительной чертой этих людей от всех остальных и делает их тем, что они есть⁵.

«Под добродетелью и силой, – говорит другой философ, Спиноза, – я понимаю одно и то же. Свобода и блаженство состоят в понимании человеком себя и в его усилении стать тем, чем он является потенциально, приближаясь все ближе и ближе к образцу человеческой природы»⁶. Добродетель у Спинозы является идентичной использованию человеком своих сил, а порок – пренебрежению своими силами. И действительно, Джамиля обладает выдающейся способностью и уникальным даром любить, бороться за свое счастье. Это проявляется прежде всего в ее ненависти к любым формам насилия. Вот некоторые эпизоды:

⁴ Айтматов Ч.Т. Собр. соч. – Т.1. – М., 1983. – Стр. 87.

⁵ Аристотель. Никомахова этика. – 98а, 8.

⁶ Спиноза. Этика, IV. – Определение 8.

«Однажды на сенокосе к Джамиле стал приставать Осмон, наш дальний родственник. Он тоже был из тех, которые считали, что перед ними ни одна не устоит. Джамили неприязненно оттолкнула его руку и встала из-под стога, где она отдыхала в тени.

— Отстань! — проговорила она с болью и отвернулась. — Хотя чего от вас еще ждать, жеребцы вы табунные!

Осмон, развалившись под стогом, презрительно скривил мокрые губы.

— Для кошки то мясо вонючее, что высоко на шесте висит... Чего ломаешься, небось, самой до смерти хочется, а тоже — нос воротишь.

Джамили резко обернулась.

— Может, и хочется! Да только судьба нам выпала такая, а ты, дурак, смеешься. Сто лет буду солдаткой, а на таких, как ты, и плевать не захочу: противно. Посмотрела бы я, если бы не война, кто бы стал с тобой разговаривать!

— Вот я и говорю! Война — ты и бесишься без мужниной камчи! — Осмон ухмыльнулся. — Эх, была бы ты моей бабой, тогда бы ты не то запела.

Джамили кинулась было к нему, хотела что-то сказать, но промолчала: поняла, что не стоит связываться. Она смотрела на него долгим ненавидящим взглядом». Обращаясь к Сеиту, она говорит: «— А ты не думай о нем, кичине бала, ну его! Разве это человек? Откуда знать таким, как Осмон, что у человека на душе? Никто об этом не знает. Может, и нет таких мужчин на свете...»⁷. И вот теперь на арене появляется не менее «странный» персонаж — Данияр. «Он недавно появился в аиле. В детстве он остался сиротой, близких родственников у него не было,

и он с лихвой хлебнул горяшка, вдоволь познал сиротскую долю. Жизнь гоняла Данияра, как перекасти поле, по разным краям. Он долгое время пас овец, а когда подрос, рыл каналы в пустынях, работал в хлопкосовхозах, потом на Ангренских шахтах, под Ташкентом, а оттуда ушел в армию. Данияр — замкнутый, молчаливый, задумчиво-мечтательный. Говорит мало. Детство приучило его скрывать свои чувства и мысли. Иногда он настораживался, словно услышал что-то недоступное другим, и тогда взлетали у него брови и глаза загорались непонятым восторгом. А потом он долго улыбался и радовался чему-то... Что-то недоступное таилось в его молчаливой угрюмой задумчивости, и это сдерживало нас, готовых поднять на смех кого угодно. Нам все это казалось странным... Его что-то томило, и мне думалось, что вот сейчас он встанет и распахнет свою душу, только не передо мной, меня он не замечал, а перед чет-то огромным, необъятным, неведомым мне... Он обычно ночевал в копнах у самого берега.

Казалось бы, пора было уже Данияру завести в аиле друзей. Но он по-прежнему оставался одиноким, словно ему было чуждо понятие дружбы или вражды, симпатий или зависти. О нем говорят: «Никому от него ни вреда, ни пользы. Живет, бедняга, перебивается кое-как, ну и ладно»⁸.

Итак, в бригаде создается группа для провоза зерна на пристань из трех человек: Джамили, Данияра и Сеита. И каждый из них по-своему одинок, а те двое взрослых, как уже говорилось, еще и со своими странностями. Человек любой эпохи и любой культуры сталкивается с одним и тем же вопросом: как преодолеть одиночество, как достичь единения, как выйти за пределы своей отдельной

⁷ Айтматов Ч.Т. Собр. соч. — Т.1. — М., 1983. — Стр. 88-89.

⁸ Там же, стр. 92-96.

жизни и обрести воссоединение. «Вопрос этот, — писал Э.Фромм, — один и тот же для первобытного пещерного человека, для кочевника, стерегущего свои стада, для египетского крестьянина, для финикийского купца, для римского солдата, для средневекового монаха, для японского самурая, для современного чиновника или рабочего. Вопрос один и тот же, потому что корни его одни и те же — положение человека, условия его существования. Ответом может быть культ животных, человеческие жертвоприношения, военные завоевания, роскошь и вседозволенность, аскетизм и самозабвенный труд, художественное творчество, любовь к Богу, любовь к Человеку»⁹.

В процессе воссоединения данной группы инициативу и ответственность Джамиля берет на себя. Командует действиями обоих мужчин. Проявляет при этом решительность и даже вызывающую самоуверенность. Но, весьма интересно, при всем этом она делает вид, что она Данияра не замечала, будто его и вовсе не было рядом. Когда он молча поднял с весов мешок с зерном и поднес его к бричке, Джамиля накинулась на него.

«— Это что же, каждый так и будет сам по себе тужиться? Нет, друг, так не пойдет, а ну, давай сюда руку! Эй, кичине бала, что ты смотришь, лезь на бричку, укладывай мешки! — Джамиля сама схватила руку Данияра и, когда они вместе — на сомкнутых руках — подхватили мешок, он, бедняга, покраснел от смущения. И потом каждый раз, когда они подносили мешки, крепко сжимая друг другу руки, а головы их почти не соприкасались, я видел, как мучительно неловко Данияру, как напряженно он кусает губы, как старается не глядеть в лицо Джамиле. А Джамиле хоть бы что, она, казалось, и

⁹ Фромм Э. Душа человека. — М., 1982. — Стр. 115.

не замечала своего напарника, перекидываясь шутками с весовщицей. Потом, когда брички были загружены, и мы взяли вожжи в руки, Джамиля, лукаво подмигнув, сказал сквозь смех: — Эй ты, как тебя, Данияр, что ли? Ты же мужчина с виду, давай первым открывай путь!»¹⁰ Как видно, пока со стороны Джамили нет и тени любви, даже влюбленности к Данияру. Исподволь, быть может, на уровне бессознательного идет процесс узнавания, постижения человека. Ведь уважать человека невозможно, не зная его. Уважение и любовь были бы слепы, если бы не направлялись знанием. Существует много уровней знания: то знание, которое является одной из сторон любви, никогда не остается поверхностным, оно проникает в самую суть. Это возможно, только если я могу подняться над заботой о себе, увидеть другого с позиции его собственных интересов. Ничего подобного пока нет. «Да, так уж повелось: Джамиля или смеялась над ним, или вовсе не обращала на него внимания. Это зависело от ее настроения. Вот едем мы по дороге, вдруг вздумается ей, и она крикнет мне: «Айда, пошли!» И, гикая и поворачивая над головой кнут, погонит лошадей вскачь. Я за ней, мы обгоняли Данияра, оставляя его в густых облаках долго не оседавшей пыли. Хотя это делалось в шутку, но не каждый бы стал такое терпеть. А вот Данияр, казалось, не обижался. Мы пронеслись мимо, а он с угрюмым восхищением смотрел на хохочущую Джамилю, стоявшую на бричке. Я оборачивался. Данияр смотрел на нее даже сквозь пыль. И было что-то доброе, всепрощающее в его взгляде, но еще я угадывал в нем упрямую, затаенную тоску. Как насмешки, так и полное равнодушие Джамили ни разу не вывели из себя Данияра. Он словно дал клятву — сносить

¹⁰ Айтматов Ч.Т. Собр. соч. — Т.1. — М., 1983. — Стр. 97.

все. Вначале мне было его жалко, и я несколько раз говорил Джамиле: — Ну, зачем ты смеешься над ним, джене, ведь он такой безобидный! — А ну его, — смеялась Джамиле и махала рукой. — Я ведь так просто, в шутку, ничего с этим бирюком не случится!»¹¹

Между тем, нетрудно видеть, что Данияр уже глубоко влюблен в Джамилю. Принято считать, что влюбленность — это уже вершина любви, в то время как на самом деле это всего лишь начало возможного обретения любви. Как писал Достоевский, влюбиться не значит любить: влюбиться можно и ненавидя. Бывает, влюбленность уходит так же быстро, как и приходит. Случайно любимыми не становятся. Собственная способность человека любить вызывает любовь так же, как и заинтересованность делает человека интересным. Человек способный к большой, подлинной любви, способный во многих других аспектах жизни, он способен на подвиги. В результате «неуместной шутки» Джамиле и Сеита раскрываются способности и дарования личности Данияра. Джамиле, как и все в аиле, придерживалась мнения о Данияре как о человеке «худом» и безответном, то есть что он не джигит, а полная его противоположность. Джамиле хочет еще более унижить его. Рассчитывая, что он не рискнет взять семипудовый мешок один, Джамиле и Сеит оставили этот мешок в бричке Данияра. Они заранее предвкушали, как они насладятся его растерянным видом и беспомощностью и его униженной просьбой — помочь. «Джамиле озорно толкнула меня в бок и кивнула в сторону Данияра. Он стоял на бричке, озабоченно рассматривая мешок и, видно, обдумывая, как с ним быть. Потом огляделся по сторонам и, заметив, как Джамиле подавилась смешком, густо

¹¹ Там же, стр. 99.

покраснел: он понял, в чем дело. — Штаны подтяни, а то потеряешь на полдороге! — крикнула Джамиле. Данияр метнул в нашу сторону злой взгляд и, не успели мы одуматься, как он передвинул мешок по дну брички, поставил его на ребро борта, спрыгнул, придерживая мешок одной рукой, и, взвалив его на спину, пошел». Вот Данияр, взвалив мешок на плечи и припадая на раненую ногу, отправляется в свой крестный путь. Вокруг него люди. Но предавшие его на муку Джамиле и рассказчик уже в ужасе пробуждаются от осознания того, что они натворили. «Сначала мы сделали, вид, будто ничего особенного в этом нет. А другие и подавно ничего не заметили: идет человек с мешком, так ведь все идут. Но когда Данияр подходил к трапу, Джамиле догнала его.

— Брось мешок, я же пошутила!

— Уйди! — отдельно сказал он и пошел по трапу.

— Смотри, тащит! — вроде бы оправдываясь, проговорила Джамиле».

Она все еще тихонько посмеивалась, но смех ее становился неестественным, словно она вынуждала себя смеяться. В своей фундаментальной книге под названием «Чингиз Айтматов» Г.Гачев придаст этой ситуации весьма оригинальную интерпретацию: «Уже с самого начала центр тяжести повествования перемещен не на сам «подвиг», а на психологическую реакцию окружающих. Но это значит, что судится уже не герой, а его судьба. И неожиданное здесь не столько в том, что герой обнаружил силу, сколько в том, что реакция на это — не довольство и восхищение, а стыд и покаяние. А эти чувства есть эмоциональная самокритика, сознание собственной неполноценности, которую в лице Джамиле и ее сотоварища переживают родовые обычаи и понятия. Они чувствуют себя неуместными в применении к Данияру; а раз они разби-

ваются о нового человека, а не человек о них, то значит, они уже как шкала человеческих ценностей не обладают всеобщностью, нормативностью для всей жизни. А для эпического сознания, которое только тогда может жить и осуществляться, когда оно знает себя и свои ценности единственно истинными и других на свете просто существовать не может, — такое открытие своей частичности равносильно полному краху. Вот этот процесс в ходе испытания Данияра начинают переживать Джамия, рассказчик, а затем и все окружающие»¹².

«Мы заметили, что Данияр стал сильнее припадать на раненую ногу. И как мы не подумали об этом раньше? До сих пор не могу простить себе этой дурацкой шутки, ведь это я, глупец, такое выдумал!

— Вернись! — вскрикнула Джамия сквозь невеселый смех.

Но вернуться Данияр уже не мог: позади него шли люди.

Я толком не помню, что было дальше.

Я видел Данияра, согнувшегося под большущим мешком, его низко склоненную голову и прикушенную губу. Он шел медленно, осторожно заноса раненую ногу. Каждый новый шаг, видно, причинял ему такую боль, что он дергал головой и на секунду замирал. И чем выше он взбирался по трапу, тем сильнее качался на стороны в сторону. Его раскачивал мешок».

«Да, Данияр здесь поднимается на свою Голгофу», — пишет Г.Гачев, — и взвалил он на свои плечи тяжесть не только семи пудов, но и всех обычаев, понятий и ценностей патриархально-эпической эпохи, которая в этой ситуации вдруг открывает себя варварской, бесчеловечной.

¹² Там же, стр. 98-99.

Грех ее перед человеком и прежде всего его душой, внутренней жизнью, чувством собственного достоинства, которых она не подозревает в «худых» и «безродных», взвалил на плечи свой этот человек, решившийся возможной жертвой своей раз и навсегда освободить людей от их бремени и причастить их к жизни новой — к уважению человека в каждом.

Вот почему это его страдание вдруг начинает пронизывать и души людей и нестерпимой болью отзываться в их внутреннем мире, который они впервые по этой боли и узнают за собой. И сила душевного сострадания и нравственной муки раскаяния оказывается чуть ли не гораздо большей, чем сила физического страдания того, кто несет бремя¹³.

«...И мне до того было страшно и стыдно, что даже в горле пересохло. Оцепенев от ужаса, я всем своим существом ощущал тяжесть его груза и нестерпимую боль в его раненной ноге. Вот опять его качнуло, он мотнул головой, и в глазах у меня все закачалось, потемнело, земля поплыла из-под ног. Я очнулся от оцепенения, когда вдруг кто-то сильно, до ломоты в костях, сжал мою руку. Я не сразу узнал её. Белая-белая, с огромным зрачками в широко раскрытых глазах, а губы все еще вздрагивают от недавнего смеха».

«Данияр выдерживает испытание, а Джамия и Сеит не выдерживают это. Они в ходе этого испытания ощущают не столько ожидаемое «наслаждение», сколько стыд и раскаяние»¹⁴.

«Мы видим одну группу людей, сбегавшихся к подножию трапа и напряженно глядящих наверх; мы видим

¹³ Гачев Г.Г. Чингиз Айтматов. — Фрунзе, 1989. — Стр. 38-39.

¹⁴ Там же, стр. 42-43.

пластически скульптурную фигуру Джамили, закрывшей лицо руками.

«— Бросай! Бросай мешок! — крикнула она. Но Данияр почему-то не бросил мешок, хотя давно можно было свалить его боком с трапа в сторону, чтобы он не сбил идущих сзади».

«Итак, подвиг уже теперь становится бессмысленным с точки зрения пользы дела. И от этого особенно ясным становится, что точка зрения пользы дела здесь давно ступшевалась — что не в ней дело, а ее место (место ценности материальной) властно заняла другая шкала ценностей — духовных, психологических — и в этой сфере уже протекает все дальнейшее движение».¹⁵

«Услышав голос Джамили, он рванулся, выпрямил ногу, сделал еще шаг, и снова его замотало.

— Да бросай же ты, собачий сын! — заорал приемщик.

— Бросай! — закричали люди.

Данияр и на этот раз выстоял.

«Нет, он не бросит!» — убежденно прошептал кто-то».

И, кажется, все — и те, что шли следом по трапу, и те, что стояли внизу, — поняли: не бросит он мешок, если только сам не свалится вместе с ним. Наступила мертвая тишина. За стеной снаружи, отрывисто свистнул паровоз. Этот миг важно было остановить, так как в нем свершился переход бессознательно живущих людей в новую для них сферу: сознания и сочувствия. И вот уже не один Данияр идет, а все следуют его ритму и переживают его муку.

«А Данияр, покачиваясь, как оглушенный, шел вверх под раскаленной железной крышей, прогибая доски трапа. Через каждые два шага он приостанавливался, теряя

¹⁵ Там же, стр. 39-42.

равновесие и, снова собрав силы, шел дальше. Те, что шли сзади, старались подладиться к нему и тоже приостанавливались. Это выматывало людей, они выбивались из сил, но никто не возмутился, никто не обругал его».

То есть уже сорван ритм производства, все делают бесполезное дело, с риском грохнутья со своими мешками с высоты вслед за этим маниакальным хромом. Но люди подняты Данияром в иной мир, иную логику — и с ее точки зрения то, что они теперь делают, не есть бесполезное дело, но есть высшее человеческое дело братства, взаимопроникновения и взаимопонимания, нравственное дело — солидарности. И в нем уже свой ритм:

«Будто связанные невидимой веревкой, люди шли со своей ношей, как по опасной, скользкой тропе, где жизнь одного зависит от жизни другого (в ходе этой связи и взаимопроникновения в то же время происходит становление «я» — пробуждение и острое ощущение каждым своей собственной личности — и это именно оттого, что ощутили брата, личность в соседу).

С каким состраданием и мольбой, стиснув зубы, смотрела на него солдатка, что шла за ним следом! У нее самой заплетались ноги, но она молилась о нем».

«На потемневшем мокром лбу его вздулись жилы, налитые кровью глаза обожгли меня гневом...

Когда Данияр, тяжело дыша и прихрамывая, сошел вниз, руки у него висели как плети. Все молча расступились перед ним, а приемщик не выдержал и закричал:

— Ты что, парень, сдурел? Разве я не человек, разве я не разрешил бы тебе высыпать внизу? Зачем ты таскаешь такие мешки?

— Это мое дело, — негромко ответил Данияр».¹⁶

¹⁶ Там же, стр. 45-46.

Ч. Айтматов описывает «картину» чудесной августовской летней ночи. Душевное состояние всех троих, которые в эту ночь находились под этим изумительно-чудесным небом, не могло не быть прекрасным.

«И она запела. Запела, быть может, и потому, что хотела как-то вернуть прежнюю непосредственность в наших отношениях с Данияром, хотела отогнать чувство вины перед ним...

— Эй ты, Данияр спел бы хоть что-нибудь! Джигит ты или кто?

— Пой, Джамия, пой! — смущенно отозвался Данияр, попридержав лошадей. — Я, слушая тебя, оба уха навострил.

— А ты думаешь, у нас, что ли, ушей нет? Подумаешь, не хочешь — не надо! — И Джамия снова запела. Кто знает, зачем она просила его петь! Может, просто так, а может, хотела вызвать его на разговор? Скорее всего ей хотелось поговорить с ним, потому что спустя немного времени она снова крикнула:

— А скажи, Данияр, ты любил когда-нибудь? — и засмеялась. Данияр ничего не ответил. Джамия тоже умолкла».¹⁷

И вот тут-то произошло неожиданное! Данияр запел:

Горы мои, синие-белые горы,

Земля моих дедов, моих отцов!

«...Хотя в этом робком, прерывистом пении было что-то необыкновенно взволнованное, и голос, должно быть, у него был хороший, просто не верилось, что это Данияр.

— Ты смотри! — не удержался я.

А Джамия даже вскрикнула:

— Где же ты был раньше? А ну, пой, как следует!»¹⁸

Поначалу Жамия и подросток не могут поверить счастью: раз Данияр пытается петь так же, как они, значит, они могут воспрянуть и успокоиться, значит, снова «их» взяла, снова они могут безоблачно резвиться в соответствии с их принципами жизни. И та сцена самоотвержения, в которой Данияр заставил их пройти сквозь мытарство душевного унижения и переселил их в свой хмурый мир, навязал им свои нормы и ценности, — все это было лишь наваждение. Они, думая, что Данияр робует в пении оттого, что не дотягивает до обычного уровня джигита, который должен также уметь и петь, поначалу даже покровительственно подбадривают его.

«Данияр снова запел. Начал он так же робко, неуверенно, но постепенно голос его набрал силу и заполнил собой ущелье, отозвался эхом в далеких скалах.

Ни до этого, ни после — никогда я не слышал такой песни: она не походила ни на киргизские, ни на казахские напевы, но в ней было и то и другое. Музыка Данияра вобрала в себя все самые лучшие мелодии двух родных народов и по-своему сплела их в единую неповторимую песню. Это была песня гор и степей, то звонко взлетающая, как горы киргизские, то раздольно стелющаяся, как степь казахская.

Я слушал и диву давался: так вот он, оказывается, какой, Данияр! Кто бы мог подумать?

Больше всего меня поразило, какой страстью, каким горением была насыщена сама мелодия. Я не знал, как это назвать, да и сейчас не знаю, вернее, не могу определить: только ли это голос или еще что-то более важное, что исходит из самой души человека, что-то такое, что способно вызвать у другого такое же волнение, способно оживить самые сокровенные думы»¹⁹.

¹⁹ Там же, стр.105-107.

¹⁷ Айтматов Ч.Т. Собр. соч. — Т.1. — М., 1983. — Стр. 104.

¹⁸ Там же, стр.106.

Джамиля и Сеит были покорены, зачарованы, повергнуты в шок. Их воображение увлекало в до боли желанный мир, слагающийся из собственных воспоминаний, через тоску, укоры совести, из утрат и радостей, изведанных человеком на его жизненном пути.

Джамиля не ожидала, что все прекрасное в ее жизни, все возвышенное явится к ней с песней Данияра. Именно поэтому Джамиля сумела безошибочно распознать в его песне свое счастье, которое дается человеку один-единственный раз в жизни. Согласно теории любви, любить человека плодотворно – это значит заботиться о нем и чувствовать ответственность за его жизнь не только в смысле физического существования, но и за развитие всех его человеческих качеств. Плодотворная любовь исключает пассивность, стороннее наблюдение за жизнью любимого человека, она подразумевает труд, заботу, ответственность, духовное развитие. Здесь мы сталкиваемся с категорией понимания, которую обосновали французские философы экзистенциального направления. Они считали, что экзистенциальный подход включает в себе вообще не проблему поиска научной истины, а проблему «понимания» мира. Понять мир для Камю – это значит свести его к человеку, оставить на нем человеческий отпечаток каждому из нас из неопровержимого личного опыта. Известно, что понимание существует и как процесс, и переживаемый индивидом его итог. Итоговое, окончательное понимание Джамили души Данияра привело к коренному изменению ее поведения, образа жизни, преобразованию её духовного мира. Пришла к ней настоящая любовь. Как писал Бертран Рассел: *«Любовь – это главный способ бегства от одиночества, которое мучит большинство мужчин и женщин в течение почти всей их жизни»* (курсив мой Ж.С.).

«А как изменилась вдруг Джамиля, словно и не было той бойкой, языкастой хохотушки. Весенняя, светлая грусть застилала её притупленные глаза. В дороге она постоянно о чем-то упорно думала. Смутная, мечтательная улыбка блуждала на её губах, она тихо радовалась чему-то хорошему, о чем знала только она одна... Данияра она сторонилась, не смотрела ему в глаза.

У Джамили началась качественно другая жизнь, которая имеет свой режим существования, что уже не зависит от дискретного, оперативного эмоционального состояния. «Если, например, – пишет М. Мамардашвили, – наша любовная эмоция зависела бы только от порога раздражимости, возбудимости нашей нервной системы, то любое любовное чувство умирало бы через пять минут после рождения. Если бы, например, любовные чувства зависели от того, как протекает наша жизнь, то их, конечно, не было бы, потому что, я повторяю, разве можно захотеть взволноваться, захотеть испытать вдохновение. Вот нам хочется спать, нервы наши притупились, усталость и прочее – это нормальный наш режим как психофизических существ. Другого режима у нас не бывает. А если бывает, то он бывает тогда и в те моменты, когда у которых есть своя жизнь. Это и называется другим миром – этот способ пребывания некоторое время в некоторых упорядоченных структурах, которые распадались бы, если они были бы предоставлены естественному потоку нашей жизни»²⁰.

Однажды на току Джамиля сказала ему с бессильной вымученной досадой: *«Снял бы ты, что ли свою гимнастерку. Давай постираю.* (курсив мой – Ж.С.). И потом, выстирав на реке гимнастерку, она разложила ее сушить, а сама села подле и долго, старательно разглаживала её

²⁰ Мамардашвили М.К. Опыт физической метафизики. – М., 2011. – Стр. 17-18.

ладонями, рассматривала на солнце потертые плечи, покачивала головой и снова принималась разглаживать тихо и грустно»²¹. Этот эпизод наглядно показывает, что любовь – это деятельная активность, основанная на понимании другого, а не пассивный эффект. Общее определение активного характера любви можно сформулировать так: любить – значит, прежде всего давать, а не получать. Человек с рыночной психологией охотно отдает, но в обмен непременно хочет что-то получить; отдать, ничего не получив, – значит для него быть обманутым. Для людей с установкой на плодотворную деятельность «давать» означает совсем другое. Отдавать много радостнее, чем получать, – не потому, что это лишение, а потому, что отдавая, я ощущаю, что живу. Кыргызская пословица гласит: «Алган март эмес, берген март». То есть, не тот богат, кто много имеет, а тот, кто много даёт. Богат тот, кто способен отдавать. Он чувствует, что способен подарить себя другим. Отдавая, мы побуждаем другого, в свою очередь, тоже отдавать, и, таким образом, мы оба разделяем эту радость, которую мы сами вызвали к жизни. Непосредственно по отношению к любви это значит, что любовь есть сила, порождающая любовь. Это мысль блестяще выражена Марксом: «Если считать человека человеком, а его отношение к миру человеческим, то за любовь, можно платить только любовью, за доверие – только доверием. Чтобы наслаждаться искусством, нужно быть соответственно воспитанным; чтобы оказывать влияние на других, нужно обладать способностью побуждать людей к действию, вести их за собой, оказывать им поддержку. В какие бы отношения с человеком и природой вы ни вступали, они непременно должны быть определенным выра-

²¹ Айтматов Ч.Т. Собр. соч. – М., 1983. – Стр. 108-109.

жением вашей реальной, индивидуальной жизни, соответствующим объекту вашей воли. Если ваша любовь безответна, то ваша любовь не порождает любовь; если проявляя свою любовь, вы не добились ответа и не стали тоже любимы, – значит, ваша любовь не мощна, значит, она не удалась»²². Но «отдавать» означает «получать» не только в любви. Учитель учиться у своих учеников, актера вдохновляет публика – при условии, что они не рассматривают друг друга как объекты, а общаются искренне и плодотворно. Только в таком случае рождается вера, взаимное доверие между любящими.

«– Что такое вера? Должна ли вера обязательно быть верой в Бога или в религиозные доктрины? Обязательно ли вера противостоит разуму и рациональному мышлению или отделена от них? Чтобы разобраться в проблеме веры, нужно с самого начала провести границу между рациональной и иррациональной верой. Под иррациональной верой понимается верование (в человека или в идею) основанное на подчинении иррациональному авторитету. Рациональная вера, – напротив есть убеждение, корни которого – в нашем собственном переживании мысли или чувства. Вера, в отличие от верования во что-то конкретное, – это особая черта характера, охватывающая личность в целом»²³.

Вера требует мужества, способности рисковать, готовности терпеть даже боль и разочарование. Кто убежден, что главное условие жизни составляет благополучие и безопасность, – тот не может верить: кто замыкается в системе защиты, в которой безопасность обеспечивается отдаленностью и собственностью, тот превращает себя в

²² Цит. по кн.: Фромм Э. Душа человека. – М., 1992. – Стр. 123.

²³ Там же, стр. 172.

узника. Чтобы быть любимым и любить, нужно мужество, мужество придать некоторым ценностям исключительное отношение, превышающее все остальное, – ставить на эти ценности все. В данном случае «любовь» для Джамили превыше всего. Байрон совершенно верно заметил, что в жизни мужчины любовь представляет собой лишь одно из занятий, тогда как для женщины она и есть жизнь. «Совершенно ясно, – писал Ж.П. Сартр, – как понимает любовь женщина: это не просто преданность, это полная самоотдача, душой и телом, без всяких ограничений и в любых обстоятельствах. Именно это отсутствие каких бы то ни было условий превращает любовь женщины в веру, естественную, которую она способна исповедовать»²⁴. (курсив мой – Ж.С.)

Без такой веры и мужества Джамили были бы не возможны следующие ее шаги:

«Но что случилось на этот раз с Данияром? В его напеве было столько нежной, проникновенной тоски и одиночества, что слезы к горлу подкатывали от сочувствия и сострадания к нему. Джамили шла, склонив голову, и крепко держалась за грядку брички. И когда голос Данияра начал снова набирать высоту, Джамили вскинула голову, прыгнула на ходу в бричку и села рядом с ним. Она сидела окаменевшая, сложив руки на груди. Я шел рядом, забегал чуть вперед, и смотрел на них сбоку – Данияр пел, казалось, не замечая возле себя Джамили. Я увидел, как ее руки расслабленно опустились и она, прильнув к Данияру, легонько прислонила голову к его плечу...

...Это была моя Джамили, прильнувшая к нему, но такая тихая и робкая, с поблескивающими на ресницах слезами. Это были новые, невиданно счастливые люди. Разве это не было счастьем? Ведь всю эту вдохновенную

²⁴ Сартр Ж.-П. Аллюзия любви. – М., 2008. – Стр. 209.

музыку Данияр целиком отдавал ей, он пел для нее, он пел о ней...

– Данияр, я пришла, сама пришла, – тихо сказала она.

Вокруг стояла тишина, бесшумно скользнула вниз молния.

– Ты обиделся, очень обиделся да?

Жутко и радостно стало – надвигалась гроза, последняя летняя гроза.

– Неужели ты думал, что я променяю тебя на него? – горячо шептала Джамили. – Да нет же, нет! Он никогда не любил меня. Даже поклон, и то в самом конце письмо приписывал. Не нужен мне он со своей запоздалой любовью, пусть говорят что угодно! (курсив мой – Ж.С.) Родимый мой, одинокий, не отдам тебя никому! Я давно любила тебя. И когда не знала – любила и ждала тебя, и ты принял, будто знал, что я тебя жду! (курсив мой – Ж.С.)

Голубые молнии одна за другой, изламываясь, вонзались под обрыв в реку. Зашуршали в соломе косые студеные капли дождя.

– Джамилиам, Джамалтай! – шептал Данияр, называя ее самыми нежными казахскими и киргизскими именами. – Повернись, дай мне поглядеть тебе в глаза!

Гроза разразилась²⁵.

«Поразительная удача «Джамили», – писал Луи Арагон, – в том, что, узнавая неведомую нам страну, жизнь её мужчин и женщин, еще тесно связанных с патриархальными традициями кочевников, но уже безболезненно перешедших к советской эпохе и её учреждениям, мы узнаем об этом, так сказать, изнутри, от людей, для которых все тут родное и не нуждается ни в каких пояснениях, и повествование течет удивительно непринужденно,

²⁵ Айтматов Ч.Т. Собр. соч. – Т.1. – М., 1983. – Стр.118-119.

чего так не хватает новейшим литературам, тяготеющим к репортажу, где все словно заранее разложено по полочкам».

Тема раскрепощения женщины сама по себе для кыргызской литературы была тогда не новой. Но столь сильно и неординарно по своей идейно-художественной экспрессивности она впервые прозвучала в повести «Джамилия». Следует подчеркнуть, что главное в «Джамиле» все же не сама по себе драма разрыва с патриархальным прошлым, не противостояние молодой женщины окружающей среде, а процесс психологически более глубокий, более драматичный.

В воспоминаниях о своем детстве Чингиз Айтматов писал: «Издавна молодые женщины, вышедшие замуж, становились неотъемлемыми членами новой семьи, должны были именно в ней обрести свое место. «Камень должен лежать там, куда он упал», — говорили наши предки, подразумевая, что женщина до конца жизни принадлежит новой семье. В прежние времена у кыргызов существовал неписанный закон, согласно которому молодую овдовевшую женщину выдавали замуж за младшего брата или близкого родственника ее умершего мужа. Особенно это касалось женщин, имеющих детей. Это, в первую очередь, имело целью не сиротить детей, не допустить исхода рабочих рук, ослабление рода. Но вторая мировая война, унесшая миллионы жизней молодых солдат, внесла свои коррективы в эти неписанные правила и законы.

Одно из таких нарушений многовековых традиций и послужило толчком к написанию «Джамилии». Двоих сыновей нашего дальнего родственника призвали на фронт. А буквально накануне старший из братьев женился. Именно он и послужил прототипом образа мужа Джамили в повести.

Прототипом же Джамили была жизнерадостная и любимая всем односельчанами молодуха. Она была родом из соседнего аила Кок Сай. Для нас это ровным счетом ничего не значило. Издавна мои предки брали невест и отдавали замуж своих дочерей даже в соседний Казахстан. Сейчас я уже и не помню, в какой семье была невесткой эта юная женщина. Да дело вовсе и не в этом.

Кыргызское слово «келин» (невестка), в своей основе имеет корень «кел» — «приходи, входи». Келин называют юную девушку, которая входит невесткой в семью мужа. Выросшая в другой семье, в совершенно иной обстановке, девушка становится не только женой, но и членом большой семьи, всего рода. Она должна принять все традиции и обычаи этой семьи и постепенно, говоря современным языком, ассимилироваться в ней.

Ко времени действия повести в аил стали возвращаться первые раненые. Много прибывало и эвакуированных.

Если я не ошибаюсь, о человеке, послужившем прототипом Данияра, говорили, что он родом из Казахстана и вырос в детском доме.

Сам того не желая, я оказался невольным свидетелем любви односельчанки и эвакуированного. Каждый вечер они дожидались друг друга, а потом садились рядом в одну телегу и уезжали. Они старались оказаться одни в этой бескрайней степи. Однажды весь наш аил переполошился. Оказалось, что наша невестка ночью убежала из дома с «Хромым Данияром». Об этом я узнал от тети Каракыз.

— Эти бессовестные, оказывается, уже давно жили как муж и жена!.. — во весь голос возмущалась она во дворе.

— А вы что, раньше этого не замечали? — сам того не желая, подлил я масла в огонь. Все негодование Каракыз апа словно прорвало после моего вопроса...

– Какой позор! Муж на фронте сражается с врагами, а жена пашни завела с каким-то бродягой! Тьфу ты, прости меня господи! Весь наш род опозорила!.. – Она вдруг замолчала и подозрительно глянула на меня. – А ты что, раньше знал об их отношениях? Может, ты и помогал им, сочувствовал?!

Я промолчал, опустив низко голову.

– Кто-то видел Данияра на базаре. Сейчас, наверное, они на пути к железнодорожной станции. Быстро поезжай туда и найди Джамилю! Объясни, что тут происходит! Пусть Джамиля одумается и возвращается! Мы простим ее! Поспеши! – закричала Каракыз апа.

Я поскакал на станцию и еще издали увидел этих двоих, бросивших вызов вековым обычаям. Они шли, держась крепко за руки. Я остановился неподалеку. Что я мог сказать им?! Вдруг Джамиля, словно почувствовав мой взгляд, обернулась, узнала меня и, быстро подойдя, взяла коня под уздцы.

– Они говорят, чтобы ты вернулась, – не поднимая на нее глаз, едва промолвил я.

– Напрасные хлопоты. Я, конечно, все понимаю... Но не вернусь. Я люблю этого человека. Куда пойдет он, там быть и мне...

Вернувшись домой, я передал Каракыз апа наш разговор. Моя тетя долго и громко посылала в адрес Джамили проклятия. Через много лет почти такие же проклятия довелось услышать и мне от маститых облеченных чинами и регалиями людей...»²⁶

Достоевский условно классифицирует любовь человека на любовь – страдание, и любовь – сладострастие. «Замечательно, – писал Н.Бердяев, – что у Достоевского всюду

женщины вызывают или сладострастие, или жалость, иногда одни и те же женщины у разных людей вызывают эти разные отношения. Настасья Филипповна у Мышкина вызывает бесконечное сострадание, у Рогожина – бесконечное сладострастие... Но ни исключительная власть сладострастия, ни исключительная власть сострадания не соединяет с предметом любви»²⁷. Стало быть, они в реальной жизни должны взаимно дополнять друг друга. Невыносимую жалость и сострадание читателей по сей день вызывает настоящая, возвышенная любовь Анны Карениной в одноименном романе Л.Н.Толстого, которая не нашла адекватного отклика со стороны Вронского, оказавшегося лишь рабом сладострастия. Настоящая любовь есть всегда любовь к другому, сладострастие есть любовь к себе. Вронский испугался чистой, благородной любви Анны. А бояться любви, – писал Бертран Рассел, – значит, бояться жизни, а тот, кто боится жизни, на три четверти мёртв»²⁸. Во Вронском сладострастие теряет свою горячую стихию, огонь его потухает, а Анна Каренина становится жертвой трагической несовместимости совести и свободы. И не случайно, известный писатель Сергей Довлатов искренне и с состраданием к ней писал: «Самое большое несчастье моей жизни – гибель Анны Карениной».

Любовь Джамили тоже связана с раздвоением её личности. Но её многострадальный опыт показывает, что раздвоение может быть лишь преодолено избранием, избирающей любовью, направленной на определенный предмет любви, а в данном случае – именно к Данияру.

Тема двойной любви, т.е. раздвоения, занимает большое место в произведениях Айтматова. Страдают двойной

²⁷ Бердяев Н. Мирозерцание Достоевского. – М., 2011. – Стр. 85.

²⁸ Мысли, афоризмы и шутки знаменитых мужчин. – М., 2002. – Стр. 103.

²⁶ Айтматов Ч.Т. Детство. – Бишкек: Турар, 2011г – Стр. 90-93.

любовью герой романа «И дольше века длится день» Едигей Жангельдин и Танабай в повести «Прощай, Гульсары!».

Едигей любит свою жену Укубалу и вдову репрессированного друга Абуталипа – Зарипу. Едигей – чистый человек, совершенно далекий от разврата и сладострастия. Но его любовь – страдание, любовь раздвоенная, безысходно-трагическая: «Очень он переживал за неё, за Зарипу. Хотя и не было между ними никаких иных разговоров, помимо обычных житейских, хотя никогда и ни в чем не давала она тому повода, Едигей постоянно думал о ней. Но он не просто жалел её, сочувствовал, как любой и каждый, не просто сострадал ей оттого, что все видел и знал, какие беды обступали ее, тогда не стоило бы и речи заводить. Он думал о ней с любовью, с неотступной мыслью о ней и внутренней готовностью стать для нее человеком, на которого она могла бы положиться во всем, что касалось её жизни... То было мучительно – делать вид, что ничего особенного он к ней не испытывает, что между ними ничего не может и не должно быть!.. *...Извождался. По-разному думалось. Испытывал странное, переменное состояние духа как бы в ожидании то ли скорого праздника, то ли неминуемой болезни* (курсив мой – Ж.С.). Как уже говорилось, любовь Едигея связана с раздвоением личности. У него двоящаяся любовь – страсть к своей жене Укубале, любовь – жалость, любовь – сострадание к Зарипе. Затаенная, не находящая себе выхода, обреченная на гибель любовь Едигея раскаляет атмосферу вокруг семьи Зарипы, особенно его дети подвергаются сильному воздействию в его внутренней и глубинной жизни. «Быть может, не меньше, чем сама Зарипа, переживал за них Едигей. Он уже не мог отделить себя от них. Изо дня в день он жил теперь судьбой этих ребят и

Зарипы... А как быть самому, как следить с собой, как заглушить в себе голос, зовущий к ней? Нет, и он не находил никакого ответа... Много раз намеревался Едигей признаваться ей, сказать откровенно и прямо, как любит её, и что готов все тяготы ее взять на себя, потому что не мыслит себя отдельно от них, но как это сделать?

Ответ находим опять-таки у Достоевского, который с необычайной силой раскрывал двойную любовь и раздвоение в любви. «И любовь – сладострастие и любовь – страдание, *не знающие меры, ничему высшему не подчиненное* (курсив мой – Ж.С.) одинаково сжигают, испепеляют человека. Ни беспредельное сладострастие, ни беспредельное сострадание не соединяет с любимым. Человек остается одиноким, предоставленным себе в своих полярных страстях, он лишь истощает свои силы»²⁹.

В отсутствии Едигея Зарипа со своими детьми навсегда и невозвратно покидает Буранный полустанок.

«– Как же так? – прошептал Едигей в пустоту, все еще не желая понять до конца, что произошло. – Значит, уехали? – сказал он удивленно и скорбно, хотя совершенно очевидно было, что люди уехали отсюда. И ему стало плохо, так плохо, как никогда за всю прожитую жизнь...» И Едигей Жангельдин «...один на один со своими неодолимыми противоречиями и мечется, сокрушаясь духом, не смея поведать о том никому, ибо никто на свете не в состоянии ни помочь ему, ни понять...» Только человек, находящийся в оковах невыносимых душевных противоречий, только человек, измотанный тяжелой судьбой, мог сказать такое, что он говорил после разлуки с любимой женщиной: «Нет бога! Даже он ни хрена не смыслит в жизни! Так что же ждать от других? Нет бога, нет его!»

²⁹ Айтматов Ч.Т. Собр. соч. – Т.2. – М., 1984. – Стр. 395.

(До этого он никогда не говорил вслух такие слова). И плыла земля на кругах своих, омываемая внешними ветрами... Несла на себе в тот час человека, коленопреклоненного на снегу, посреди снежной пустыни. Ни король, ни император, никакой иной владыка не пал бы перед белым светом, сокрушаясь от утраты государства и власти с таким отчаянием, как сделал то Буранный Едигей в день разлуки с любимой женщиной...»³⁰

Танабай Бакасов в повести «Прощай, Гульсары!» также мучается своей двойной любовью, раздвоением своей личности. Айтматов изображает его душевные скитания и страдания глазами его второго «Я» иноходца Гульсары.

«Гульсары любил, когда у хозяина было такое настроение, любил он по-своему и эту женщину. Он знал её фигуру, улавливал даже своим тонким нюхом какой-то странный, диковинный запах незнакомой травы, исходящий от неё. То была гвоздика. Она носила бусы из гвоздики.

— Ты заметь, как он тебя любит, Бюбюжан, — говорил Танабай. — А ну, погладь, погладь еще. Ишь, как уши развесил. Прямо теленок. А в табунах сейчас жизни нет от него. Дай только волю. Грызется с жеребцами, как собака. Вот и держу его под седлом, боюсь, как бы не покалечили. Зелен еще.

— Он-то любит, — думая о чем-то своем, отвечала она.

— Хочешь сказать, что другие не любят?

— Я не о том. Мы свое отлюбили. Жаль мне тебя будет.

— Это почему же?

— Не такой ты человек, тяжело потом тебе будет.

— А тебе?

— Что мне? Я вдова, солдатка. А ты...»³¹

Бюбюжан видит внутренним своим взором, что для Танабая одинаково дороги и она сама, и его жена Джайдар вместе с детьми. Поэтому Танабай никогда не свободен только для неё. Раздвоение подрывает силы личности. Раздвоение может быть лишь преодолено избранием, избирающей любовью, направленной на конкретную, единственную женщину. А Танабай попросту бессилён идти на такой шаг в силу очень веских, объективно внешних и субъективных причин. «Все в ней было до бесконечности родным. И то, как она шла, стараясь не смотреть в его сторону, и её болеющая девочка, и собачонка, бежавшая рядом... И ночью будет лежать одна в темном, беззвучном доме и будет убеждать себя и его, что им нельзя любить друг друга, что он семейный человек, что в его годы смешно влюбляться, что всему есть своя пора, что жена его хорошая женщина и что она не заслуживает того, чтобы муж тосковал по другой» (курсив мой — Ж.С.).

И все же «...повезло Танабаю в эти майские ночи. Как раз пришел его черед ночной пастьбы. И у иноходца начался какой-то ночной образ жизни. Днем он пасся, отдыхал, ночью, отогнав табун в лощину, хозяин мчался на нем опять туда же, к тому двору. На рассвете, еще затемно, снова мчались они, как конокрады, по неприметным степным тропам к лошадям, оставшимися в лощине. ...Кто знает, сколько бы длились эти ночные поездки, если бы не тот случай... В ту злосчастную ночь, которая затрепала, как поваленный лес, приближалось с гулом что-то грозное, прогрохотал гром, молнии располосовали тучи, иноходец, обезумев, поднял мятеж против узды, против удил, против всего, что так крепко держало его здесь. Иноходец кинулся на хозяина зверем, обрушил копытами дувал и все рвался и рвался туда, в табун. Танабай, полураздетый (в нижнем белье) еле сел на него, и они

³⁰ Айтматов Ч.Т. Собр. соч. — Т.2. — М., 1984. — Стр. 423.

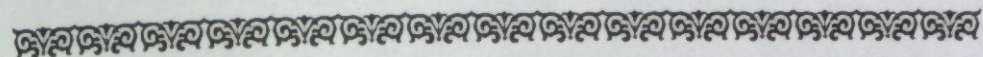
³¹ Айтматов Ч.Т. Собр. соч. — Т.1. — М., 1984. — Стр. 402-403.

примчались к табуну». А Танабая искала жена. Вернее, не искала, а ждала. «Молчаливый и страшный, ехал Танабай в мокрой исподней рубашке, без шапки, на перепавшем за ночь иноходце. Жена тихо проговорила:

— Что ж ты, не успел даже одеться. Хорошо еще штаны да сапоги при тебе. И не стыдно? Ведь ты уже не молод. Дети вот скоро взрослые, а ты...

...Танабай шел, опустил голову, и вдруг грохнулся на землю. Никогда не видел Гульсары своего хозяина в таком положении. Он лежал вниз лицом, и плечи его тряслись от рыданий. Он плакал от стыда и горя, он знал, что утратил счастье, которое выдалось ему последний раз в жизни».

Из проанализированных произведений Айтматова убеждаемся, что он предвосхищает и предупреждает, что далеко не все, что называется любовью между мужчиной и женщиной, является настоящей любовью. Он специально, намеренно выявляет из народной жизни такие факты и такой жизненный опыт, которые показывают бесисходный трагизм любви, её неосуществимость, нереализуемость на путях раздвоения личности.

Глава IV.

СЕМЬЯ — КОЛЫБЕЛЬ ЛЮБВИ И СОВЕСТИ

В творчестве и мировоззрении Ч.Айтматова семья занимает центральное место. У него нет ни одного произведения, где бы ни отражались проблемы семьи, взаимоотношения родителей и детей, мужчины и женщины. И через каждое из них красной нитью проходит тема любви в семье, ведутся глубокие размышления о смысле человеческой жизни, о вечных, неразрешимых вопросах бытия, о человеческом предназначении.

Отсутствие любви в семейных отношениях — это большая трагедия. Эта роковая тема с невероятным эпическим размахом и глубиной раскрыта в романе великого колумбийского писателя Г.Маркеса «Сто лет одиночества». Круговорот в семье Буэндия, бессмысленное топтание на месте при неумолимым продвижением к трагическому финалу и даже постоянная повторяемость одних и тех же имен при все новых их комбинациях — это история данной семьи, представляющая собой цепь неминуемых повторений, вращающееся колесо, которое продолжалось бы крутиться до бесконечности, если бы не все увеличивающийся и не обратимый износ оси.

Проклятие семьи Буэндия — одиночество всех, кто обитает в этом доме, их отчужденность, озлобленность, душевная чёрствость, нравственная гангрена, пронизывающие собой все и вся там, где никто никого не любит. Если нет любви, то не преодолеть этой отчужденности, рок будет

преследовать людей, несмотря ни на что, вопреки логике и, невзирая на самые неожиданные сочетания чувств, самые восхитительные порывы и самые невиданные дарования.

В произведениях Ч.Айтматова, напротив, любовь как живой фермент семейных отношений занимает доминирующее место, поражает нас своим эстетическим блеском, неподдельным трагизмом, вниманием к реальным человеческим проблемам и компетентностью по части жизненного материала. В них художественно решаются проблемы традиционной семьи, где пока преобладали патриархальные ценности, организация внутренней жизни была иерархичной. Традиционное сельское общество, такое, каким оно было до периода интенсивной урбанизации и внедрения техники в сельскохозяйственный труд, обладало иными характерными чертами. Ритм произведенной деятельности в сельском хозяйстве был связан с ритмом природы, результаты труда больше зависели от факторов, над которыми айлчане были не властны. Поэтому их образ мышления и выработка мировоззрения находились под сильным влиянием иррациональных факторов. В кыргызском айле была меньшая социальная дифференциация, меньшая плотность населения, а результатом этого была большая внутренняя сплоченность локального общества, вытекающая из преобладания личных контактов и исправного действия механизмов неформального социального контроля. К тому же движение населения по социальному лифту — меньшее как по вертикали, так и по горизонтали.

Структура сельского общества охватывала прежде всего семью, соседство как группу семей, связанных отношениями взаимопомощи, товарищескими отношениями и др., а также сельское общество как комплекс семейно-

соседских групп. Сельская семья была, как правило, семьей трех поколений, ее материальной основой было коллективное земледельческое и животноводческое хозяйство, ее внутренняя организация определялась циклом работ в хозяйстве и разделением труда в этом колхозе. Связь с землей и животноводчеством отражалась не только на экономической стороне жизни сельской семьи, но также и на ее психологии, культуре, системах ценностей и отношении к другим группам.

Семья опирается на устойчивые образцы поведения и образцы взаимодействий. Роль членов семьи определена не только взаимным чувственным влечением, но также и более широкими общностями: государством, локальным сообществом и различными другими специальными институтами опеки над детьми или над матерями. Таким образом, взаимные отношения между членами семьи определяются чувством и положением членов (любовь, уважение), традицией, переданной воспитанием, культурой и религией.

Все эти формы внешнего контроля являются силами и факторами, поддерживающими сплоченность семьи извне. Но семья развивает и могучие внутренние силы, возникающие из личных потребностей, склонностей, стремлений, чувств; создает также собственную культурную среду в рамках общей культуры более широкой общности (нации, религии, государства), и эта среда формирует личность детей.

Функции, выполняемые семьей, следующие:

- а) поддержание биологической непрерывности общества;
- б) семья поддерживает культурную непрерывность общества путем передачи культурного наследия следующим поколениям; она осуществляет социализацию молодого поколения, то есть вводит его в нормы совместной жизни и в механизм конформизма общественной жизни;

в) семья дает социальное положение своим детям;
г) семья – это также институт социального контроля, особенно для молодого поколения.

В повести Ч.Айтматова «Материнское поле» с изумительным мастерством раскрываются грани семейных взаимоотношений в кыргызском аиле. Вот как восхищается мать – Толгонай своей семьей: «И первое, что я увидела – мои сыновья. Все трое стояли на тракторе возле отца, крепко ухватившись друг за дружку. Мальчишки свистали им, шапки кидали, а они такие гордые, куда там, словно герои какие, и лица их сияли. Вот ведь сорванцы эдакие, спозаранку еще убежали на реку, оказывается, трактор отцовский встречали, а мне ничего не сказали: побоялись, что не отпущу. А оно и правда испугалась я за детей – а вдруг что случится? – и крикнула им:

– Касым, Масалбек, Джайнак, вот я вам: слезьте сейчас же! – Но в грохоте мотора и сама не услышала свой голос.

А Суванкул понял меня, улыбнулся и кивнул головой – мол, не бойся, ничего не случится. Он сидел за рулем гордый, счастливый и очень помолодевший. Да он и в самом деле был тогда еще молодым черноусым джигитом. И вот тогда, словно бы впервые, я увидела, как похожи были сыновья на отца. Их всех четверых можно было принять за братьев. Особенно старшие – Касым и Масалбек – точь в точь, не отличишь от Суванкула, такие же поджарые, с крепкими коричневыми скулами, как темная медь. А младшенький мой – Джайнак, тот больше походил на меня, светлее обликом, глаза у него были чёрные. Ласковые... Я смотрела им вслед, плакала и шептала: «Всегда бы вам так рядышком с отцом, сынки мои! Если бы выросли вы такими же людьми, как он, то ничего мне больше не надо!..»

А вот сколько альтруизма, сколько безусловной, возвышенной любви Толгонай к своей невестке, вроде бы биологически «чужой» девушке, жене Касыма – Алиман! «Он привез её из Каинды. Алиман была молоденькой девушкой, горянка смуглая. Сначала я обрадовалась тому, что невестка попалась пригожая, красивая и проворная. А потом как-то быстро полюбила её, очень она мне по душе пришлась. Может от того, что я втайне всегда мечтала о дочери, хотелось мне иметь дочку свою. Но не только поэтому, просто она была толковая, работающая, ясная такая, как стеклышко. Я и полюбила её как свою родную. Многие, случается, не уживаются между собой, а мне посчастливилось: такая невестка в доме – это большое счастье»¹.

Идиллия любовной жизни кыргызского аила в золотую предвоенную пору. А на заднем плане война, откуда не вернулись три её сына, погиб и муж, умерла и её невестка, родив мальчика от чужого человека – и вот что осталось от некогда цветущего ее рода. Старая мать, которая всегда была оплотом киргизских родовых устоев, жертвует для спасения большого отечества своими кровными детьми, а всю силу любви переносит на совершенно чужого ей по крови, невесткой прижитого ребенка.

«...Конечно, болезненным рос он. Однажды простыл сильно и занемог не на шутку. Смотрю, губы посинели, глаз не открывает и дышит еле-еле. Схватила я его – и быстрее в больницу. И опять-же ночью да в зимнее время вброд перешла реку. Доктор оказался молоденьким парнем, недавно, наверное, учение кончил. Как увидел меня, что дрожу я от холода в мокрой одежде, перепугался, замахал руками:

¹ Айтматов Ч.Т. Собр. соч. – Т.1. – М., 1983. – Стр. 295-297.

— Да вы с ума сошли, кто вам разрешил ходить по воде? Где его родители?

— Я ему и отец, и мать, сынок. *Не дай ему помереть. Если померет, жить не буду*, — сказала я ему (курсив мой — Ж.С.).

...Утром свалилась я в жару, кровью захаркала. Лежала я в горячем тумане, в забытии. Помню только, что доктор походил к изголовью, клал мне руку на лоб, говорил:

— Не сдавайся, мамаша, держись! Внучек твой смеется уже, выздоровел.

— Коли так, и я вытяну, — прошептала я.

Может, потому и выжила я, что внук остался жить»².

Невозможно читать эти строки без душевного потрясения, глаза застилают слезы. И задаешься вопросом: в чем смысл этого воистину подвига Толгонай в финале повести? И вообще, в чем смысл жизни человека в контексте данной ситуации? Вот так Ч.Айтматов исподволь подводит читателя к вопросам, над которыми бьется мировая философская мысль испокон веков по сей день. «Традиционное средневековое понимание истории человечества заключалось в том, что «жизнь каждого человека проходит на фоне всемирно-исторической драмы, вплетаясь в неё, получая от неё новый высший и непреходящий смысл»³. Попытки марксизма описать и исследовать исторический процесс на иных, рациональных, основаниях постепенно привели к тому, что Бог был исключен из личной философии индивида.

Философия экзистенциализма считает, что существование смысла нераздельно с существованием человека. А.Камю полагал: «Я продолжаю думать, — писал он, — что

² Там же, стр. 369.

³ Гуревич М. Категории средневековой культуры. — М., 1982. — Стр. 127.

в этом мире нет высшего смысла. Но я знаю, что кое-что в нем все-таки имеет смысл, и это — человек, поскольку он один смысла взыскует. В этом есть, по крайней мере, одна правда — правда человека, наше предназначение — укрепить его осмысленную решимость жить вопреки судьбе. *Человек, и только он один — вот весь смысл и все оправдания, его-то и надо спасти, если хотят спасти определенные воззрения и взгляды на жизнь*⁴ (курсив мой — Ж.С.). Толгонай видит смысл своей жизни в спасении этого ребенка. В данном случае смысл заменяет традиция. Издавна в традициях кыргызской семьи — дети, это её все. Да и сегодня кыргыз отдаст последний кусок хлеба, чтобы обучать, довести до какого-то социального положения своих детей. Между прочим, не только у нашего народа, но и у многих других сохраняется такая традиция. Над входом в лабораторию великого физика Фарадея было написано: «А зачем нужен ребенок?» Это был встречный вопрос тем, кто интересовался, зачем нужно то или иное экспериментальное исследование, в чем его смысл. «В детях все величайшие возможности»⁵ — эти слова Л.Н.Толстого определяют экзистенциальное качество смысла для всего человечества, для всех культур, где национальные традиции являются базисными предпосылками. И.С.Кон прав, когда он говорит, что «пока человек живет, в нем всегда сохраняются нераскрытые и нереализованные возможности»⁶. Это заряд смысла человеческой жизни, это внутренняя пружина человеческого существования, и предпосылка его социального значения в самом широком смысле слова. У гения способность пони-

⁴ Камю А. Четвертое письмо к немецкому другу. / Вопросы литературы. — 1980. — № 2. — Стр. 179.

⁵ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. — Т. 41. — Стр. 22.

⁶ Кон И.С. В поисках себя. — М., 1984. — Стр. 324.

мать реализуется во всей полноте; но это исключение из правил. Личные способности обыкновенных людей реализуются в конкретных социальных условиях. «Обобщая, можно сказать: любая небольшая страна, к примеру, с пятимиллионным населением, сумевшая добиться у себя 10% своих потенциальных гениев, за полвека оставит позади себя страну в 100 раз более населенную, но более консервативную в этом отношении»⁷. Эти суждения специалиста имеют особое значение для небольшой страны, какой является, например, наш Кыргызстан.

Если мы всесторонне изучим человека и поспособствуем реализации его созидательных интересов, сил и ценностей, то сможем влиять на менталитет своего народа, поднять национальные ценности до уровня общечеловеческих. Будущее кыргызской нации будет во многом зависеть от того, создаст ли она свою интеллектуальную элиту, которая будет достойно представлять ее в сфере современной мировой культуры.

В повести Ч.Айтматова «Пегий пес, бегущий краем моря» в архаическом, мифологизированном мировосприятии охотников-нивхов, плененных в море непроглядным туманом, нам открываются непреходящие альтруистические ценности взаимоотношений родителей и детей. Иссякает запас пресной воды – залог жизни, но не иссякает запас духовной прочности, человеческого достоинства семьи нивхов, состоящей из представителей трех поколений. На всех четверых одна лодка, одна неизбежная доля. Но за этой роковой общностью обнаруживается общность более высокого духовного порядка: готовность каждого отказаться от самого себя, от своей живой жизни, ради того, чтобы у юного Кириска оставался хоть крохотный

⁷ Эфримсон. Загадки гениальности. / Наука и религия. – 1987. – № 8. – Стр. 4.

шанс вновь увидеть родной семейный очаг, вернуться в бухту Пегого пса, чтобы продлить род, давший ему жизнь. Во имя этой высокой цели старшие в лодке один за другим канули в морскую пучину. Перед тем, как броситься в море, состоялся разговор между отцом (атчхык) Органом и сыном Эмрайином, который является уже отцом Кириска, внука Органа:

«– Не мне тебя учить, но подумай, атчхык, – горячо шептал Эмрайин, точно бы кто-то мог их услышать здесь. – Ты же умный человек.

– Думал, крепко думал, так будет лучше, – отвечал Орган, оставаясь, по-видимому, все-таки при своем мнении.

Они ненадолго умолкли, и потом Эмирайин произнес:

– Мы все в одной лодке – всем нам должна выйти одна судьба.

– Судьба, судьба, – с горечью пробормотал старик. – От судьбы не уйдешь, известно, – говорил он с хриплым придыханием в голосе, – но на то она судьба – хочешь покорись, хочешь нет (курсив мой – Ж.С.). Раз нам конец – кому-то можно и самому поторопить судьбу, чтобы другие повременили. Сам подумай, а вдруг пути откроются, пустишься из последних сил, и земля будет на виду, и не хватит нескольких глотков воды душу дотянуть, разве разумно, разве не обидно будет?!

Опять они замолчали.

Эмирайин потом что-то сказал, Кириск не совсем слышал его слова, а Орган ответил тому:

– Нет, не смогу ждать. Разве не видишь? Сил не хватит. Хорошая собака подыкает в стороне от глаз. Я сам. Я был великим человеком! Это я знаю. Мне всегда снилась рыба-женщина. Тебе этого не понять... Я хочу туда...»⁸

⁸ Айтматов Ч.Т. Собр. соч. – Т.1. – М., 1983. – Стр. 170-171

Таким образом, дедушка Орган, вопреки личной судьбе, смысл своей жизни видит в будущем своего внука Кирика, в продолжении рода.

Для его отца Эмирайна думать о воде, желать напиться досыта теперь уже не имело смысла. И уже давно бы прервал он эти безысходные мучения, если бы не сын, если бы он мог принудить себя оставить сына, примостившегося у него под боком этой темной последней ночью. Ради сына, пусть не имеющего никаких надежд на спасение и все-таки и вопреки этому оберегаемого им до последней возможности, ради того, чтобы сколько-нибудь продлить ему жизнь, и в том теперь заключалась безотчетная борьба и надежда отца, в том теперь он видел свою последнюю волю и деяние, ради всего этого он должен был поскорее покинуть лодку. Но именно из-за него, из-за сына, он не мог на это решиться, не смея бросить его не произвол судьбы. Но и медлить, тянуть дальше тоже становилось опасно – уходили последние силы, необходимые, чтобы собраться духом... Этой ночью он понял, что, оказывается, вся его предыдущая жизнь была предтечей нынешней его ночи. Для того он и родился и для того он умирал, чтобы из последних сил продлить себя в сыне».

В этом свете для нас абсолютно неприемлемы такие архетипы и ценности западной философии и культуры, где широко распространены взгляды о ненависти между отцом и сыном («эдипов комплекс»), о конфликте между поколениями, о кровосмесительных браках между родителями и детьми и т.д. и т.п. И не случайно у нашего общества вызывает большую тревогу опасная для всего человечества тенденция – разрушение института семьи. Главная причина кризиса семьи – в духовно-нравственной деградации современного человека, гегемонии индивидуализма, эгоизма и гедонизма, что во многом является

результатом тотальной коммерциализации социальных отношений. Вместо духовного смысла – карьера и деньги, вместо семьи – освобождение её членов от любых обязательств: детей перед родителями, родителей перед детьми, супружеских пар – от обязательств родить и воспитать детей. Везде и повсюду, особенно в ареалах западной цивилизации результаты разрушения института семьи воистину катастрофические.

Видный идеолог американских неоконсерваторов П.Ж. Бьюкенен в своей книге «Смерть Запада» пишет: «При сохранении текущего уровня рождаемости европейское население к концу XXI столетия сократится до 207 млн. человек – то есть до 30% от сегодняшнего. Колыбель западной цивилизации станет и её могилой. Почему это происходит? Освобождая мужей, жён и детей от семейных обязанностей, европейцы устранили общественную потребность в семье. Как следствие институт семьи начал отмирать! А с этим институтом начала отмирать и Европа...»⁹ ... В век тотальной информатизации и наше общество, весь народ видят все это и устали от торжествующей идеологии индивидуализма, бездуховности и цинизма, они ищут духовного спасения в национальных истоках, имеющих свой набор ценностей, свои установки, свой взгляд на жизнь. Как уже говорилось, в кыргызской национальной жизни ключевыми узлами всегда являлись прежде всего семья и коллективные институты – род, племя, народ. У кыргызов основные социальные отношения складывались вертикально – между старшим и младшим, между отцом и сыном.

В романе Чингиза Айтматова «И дольше века длится день...» с потрясающей силой раскрыт феномен манкур-

⁹ Бьюкенен П. Смерть Запада. – М., 2004. – Стр.

тизма, когда «освобождённый» от обязательств перед родителями и Отечеством манкурт без колебаний выпускает стрелу в сердце матери. Роман вышел в свет в 70-е годы прошлого века, и автором прозорливо схвачены начавшиеся ещё тогда тенденции деградации не только семейных, но и других национальных ценностей и традиций. А ведь кыргызская семья испокон веков была главной опорой и убежищем от житейских невзгод. Кыргызы даже в страшном сне не видели, чтобы дети отдавали своих родителей в дома престарелых. А посмотрите, сколько сейчас сирот и беспризорных детей? Такого не было даже в годы войны, разрухи и голода.

Между тем у большинства азиатских народов и поныне семья имеет определяющее значение во взаимоотношениях его членов. К примеру, в Японии главный объект почитания – это семья, и благожелательная власть отца над детьми служит исходной моделью любимым властным отношениям в обществе. Здесь родители продолжают влиять на важные решения детей. Например, на выбор супруга, чего не допустит ни один уважающий себя молодой американец. Впрочем, и в Соединенных Штатах от детей ожидается почтение к авторитету родителей, «но они, – пишет политолог Ф. Фукуяма, – вырастая, начинают утверждать свою личность, противопоставляя себя родителям. Акт подросткового бунта, когда ребенок открыто отвергает ценности и желание родителей, является почти необходимым моментом формирования личности взрослого человека... ..Семья не бывает действенной, если построена на либеральных принципах – то есть когда члены семьи относятся к ней как к акционерному обществу, созданному ради их пользы, а не как к семье, основанной на долге и любви. Воспитание детей или сохранение брака на всю жизнь требует личных жертв, которые выгля-

дят иррациональными с точки зрения расчета, затрат и выгод, поскольку истинные плоды прочной семейной жизни зачастую пожинаяются не теми, кто берет на себя самые трудные обязанности, а только последующими поколениями. Многие проблемы современной американской семьи – высокий процент разводов, отсутствие родительского авторитета, отчужденность детей и так далее – возникают именно из того факта, что отношение семьи к своим членам строится на строго либеральной почве. То есть когда семейные обязанности выходят за те рамки, на которые подписывался участник контракта, он пытается условия этого контракта отменить»¹⁰.

Я сознательно делаю акцент на возвращении нашего народа к таким замечательным патриархальным ценностям общества и семьи, как уважение к старшим, особенно к родителям, что сегодня вытесняются на периферию. Разрушается традиционная семья, где муж был добытчиком, обеспечивающим некий жизненный уровень, а жена занималась детьми и домом. Всё, что вчера считалось постыдным – отказ от родителей или от новорождённого ребенка, самоубийство, аборт, – сегодня нисколько не осуждается. Вчерашняя истина обернулась нынешней ложью. Как писал один из великих, прежние добродетели становятся грехами, а прежние грехи превращаются в добродетели.

В своей повести «Ранние журавли», Ч.Айтматов, как бы предчувствуя эти трагические тенденции, противопоставляет им гармонию и любовь между отцами и детьми, между поколениями. Известный исследователь творчества Айтматова Г.Гачев совершенно правильно характеризует «Ранние журавли» как «повесть о неутоленной любви к

¹⁰ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М., 2010. – Стр. 484-485.

отцам... Просто воем рыдать хочется, когда представляешь ребеночка этого, льнущего к отцу и наэлектризованного страхом и предчувствием потери: «Когда отец дома (вспоминает Султанмурат довоенные годы – Г.Г.), к нему не пробьешься, бывало, из-за Аджимурата. Все он крутится возле отца. Точно бы он один, а другие вовсе не в счет. Две младшие сестренки, они ведь совсем маленькие тогда были, и те, бывало, с плачем завоевывали отцовские ласки. Соседи и те не понимали, что за привязанность такая младшего сына к отцу.

Бабка Аруукан – строгая сухая, как палка, со скрипучим голосом, её все боятся. Так вот она не раз и не два предупреждала, ухватив корявыми пальцами Аджимурата за ухо: – Ой, не к добру ты липнешь к отцу, сорванец! Быть на земле большой беде! Где это видано, чтобы мальчишка так тосковал по живому отцу! Что это за дитя такое? Ой, люди, припомните мои слова; на всех нас накличет он беду!

...А она, бабка Аруукан, не зря говорила, выходит. Так оно и случилось»¹¹.

Я и раньше догадывался, а сейчас, держа в руках автобиографические воспоминания Ч.Айтматова «Детство», и вовсе убедился, что «Ранние Журавли» – это его исповедь про свою горькую, трагическую детскую судьбу. Вот отрывок из его последней книги «Детство»:

«Через какое-то время отца отправили в Москву. Позже выяснилось, что его отправили в Москву на учебу в институт Красной профессуры... Наступил день, когда мама объявила, что мы едем жить в Москву. Эти дни я помню очень хорошо.

...Поезд в те времена ехал ровно пять суток. Но для меня эта поездка была очень интересной, ведь я впервые

ехал в поезде... Это долгое путешествие, было, пожалуй, самым романтическим в моей жизни. Мы едем в Москву!»¹² Далее Ч.Айтматов рассказывает о своих незабываемых впечатлениях о Москве, его людях, об учебе в школе, о посещениях культурных центров столицы вместе с отцом. И вот наступил 1937 год – год разгула политических репрессий. «Даже мы, мальчишки, смутно понимали, что происходят какие-то страшные события. До нас доходили обрывки разговоров взрослых о каких-то арестах. Наши добрые знакомые вдруг пропадали, и о них старались или не вспоминать, или говорили шепотом, как о преступниках. В августе мы вернулись с дачи в Москву. Отец, словно предчувствуя беду, начал спешно хлопотать о возвращении в Киргизию. Наверное, он понимал, что горькая участь может коснуться и его. Все мысли папы теперь были заняты тем, как обезопасить свою жену и маленьких детей. Единственный выход состоял в том, чтобы отправить нас на родину под защиту и опеку родственников.

...В то время я не мог понять, почему и от кого мы бежим. Но мальчишечье сердце о чем-то смутно догадывалось, что-то чувствовало. Озабоченные лица родителей, их молчание, выражение глаз говорили о большой тревоге. Я знал, что отец с нами не поедет, что его не отпустят с работы. И все же он успел отправить нас на родину, к своему младшему брату Рыскулбеку...

...Настало время прощаться. Я до сих пор хорошо помню слезы матери, помню героические попытки отца удержаться, помню, как дрожали уголки его губ...

Раздались свистки, отец сошел на перрон. Поезд постепенно набирал ход, отец в начале шел, а потом долго бежал наравне с нашим вагоном, задыхаясь и махая ру-

¹¹ Гачев Г.Г. Чингиз Айтматов. – Бишкек, 1989. – Стр. 306-307.

¹² Айтматов Ч.Т. Детство. – Бишкек: Турар, 2011. – Стр.25-31.

кой... Я сразу же при входе в купе занял место на верхней полке. Не знаю почему, но я знал, что больше мы не встретимся с отцом, что в последний раз я вижу его, вижу, как, натываясь на людей, он бежит в белой косоворотке по перрону вслед за поездом, уносящем навсегда его жену и детей. Уткнувшись в подушку, я горько рыдал, чувствуя в груди застывший комок, который, казалось, никогда уже не растает. Этот твердый комочек не давал мне покоя. Быстро стемнело, за окнами – непроглядная мгла, только колеса стучат на стыках, а я не могу унять слезы. Чувствую временами прикосновение теплых рук к моим вздрагивающим детским плечам, слышу её ласковый, тихий голос:

– Мы не одни, сынок. Мы не одни. Смотри, сколько вокруг людей.

Там, в купе, лежа на верхней полке, я глядел сквозь слезы на темень за окном и прощался с безмятежным детством, понимая что теперь я как *старший мужчина в семье ответственный за маму, братишку и двух крохотных сестренок*¹³ (курсив мой – Ж.С.).

Ответственность – вот чувство, которое владеет в повести зрелыми, убеленными сединами мужами и их юными помощниками. Напутствуя «десантников» перед началом работ, колхозный председатель Тыналаев скажет: «Я отвечаю за вас перед живыми и мёртвыми». Годы войны непосредственно сказались на взаимоотношениях взрослых и детей. Это было время, когда прямо с выпускных вечеров молодежь уходила на фронт, 20-25-летние люди иногда командовали дивизиями, а позже становились командирами индустрии. Это было время, когда от каждого требовались прежде всего смелость, решительность, цель-

ность характера, готовность на жертвы, т.е. те качества, которыми в полной мере обладает молодежь. Без этих качеств в молодом возрасте трудно обрести чувство ответственности за важнейшие общественные дела, не говоря уже о личной ответственности за себя.

Как уже говорилось, в сюжетных мотивах повести «Ранние журавли» очень многое из юношеских и отроческих впечатлений самого Ч.Айтматова. Какие гражданственные, нравственные уроки получила молодежь от народной трагедии, считаю целесообразными привести не из текста повести, а из воспоминаний самого Чингиза Торекуловича:

«Расскажу о том, как я был налоговым и финансовым агентом в колхозе. До этого назначения шесть месяцев я трудился секретарем сельсовета. Именно в это время я обретал первый жизненный опыт. Как я стал секретарем – писарем?.. Председателю колхоза оказался необходим грамотный секретарь, знающий русский язык.

Я же раннее детство провел во Фрунзе, потом жил и учился в Москве, так что русский язык знал хорошо. Именно поэтому Кабылбек аке, не теряя времени на раздумья, сразу же пригласил меня к себе помощники. Сейчас уже не помню, пришли домой или прямо из школы забрали, но приехал верховой и увез меня на крупе коня в колхозную контору, объяснив, что вызывает председатель.

Председатель какое-то время молча глядел на меня, потом спросил:

– Ну-ка, скажи, сколько тебе лет.

Мне было четырнадцать лет, но, чувствуя ответственность момента, я на всякий случай приврал:

– Пятнадцать уже.

– Вот хорошо! – обрадовался мой собеседник. – Я в пятнадцать лет уже управлялся с целой отарой овец. Грамоту разумеешь?

¹³ Там же, стр. 27-31.

— Конечно! — гордо ответил я.

— Тогда все. Нам в колхоз нужен грамотный, честный и хороший человек. Кроме тебя, подходящего нет. Все на фронте. Здесь остались только старые люди и дети. Тебе придется отложить на время учебу в школе и поработать секретарем колхоза, согласен?

Предложение, конечно, оказалось неожиданным, нужно было посоветоваться с домашними, но время тогда было такое, что мы слушались взрослых, считали, что они всегда правы. Тем более, приглашал сам председатель колхоза.

— Хорошо, поработаю. Может, у меня и получится, — ответил я.

...Жизнь моя круто изменилась. Ни соответствующей подготовки, ни опыта работы у меня, понятно, не было. Мне пришлось в процессе работы вникать во все мелочи. Я собирал разнообразную статистическую информацию у людей, обобщал её, писал отчёты, протоколы, составлял акты. В то время вся работа в колхозе проводилась под руководством сельского совета. Я отвечал за выполнение постановлений правления колхоза и решал повседневные проблемы жителей села. А позже на меня возложили еще одну обязанность — собирать налоги.

Люди вывозили на базар все, что можно было продать. В основном продавали скотину, картофель, кукурузу. Вырученные деньги они платили мне. Я поражаюсь терпению и выдержке нашего народа. Если бы сейчас люди жили в таких условиях, как тогда, и их вынуждали бы отдавать последние деньги, они сразу подняли бы бунт, объявили бы голодовку. А в годы войны нищим и голодным людям и в голову не приходило попытаться не внести обязательный налог. Нет, сейчас люди не смогли бы противостоять тем трудностям»¹⁴.

Чем сложнее общественная деятельность, чем многообразнее её аспекты и функции, тем богаче и жизненный мир отдельной личности. Ведь Айтматов стал Айтматовым во многом благодаря тому, что волею судьбы еще пятнадцатилетним юношей исполнял обязанности, по современным меркам, нескольких взрослых людей, испытал на себе силу и влияние коллектива. Известный советский педагог А.С.Макаренко, говорил, что влияние отдельной личности на отдельную личность — фактор узкий и ограниченный, что главным объектом воспитания должен быть коллектив как целое, коллектив является воспитателем личности¹⁵.

Султанмурат в «Ранних журавлях» является членом уникального коллектива, «десанта» своих сверстников в экстремальных условиях и постепенно становится его лидером. И это оказалось очень трудным путем.

Каково мое место в общей борьбе, в какой именно деятельности в наибольшей степени раскроются мои индивидуальные способности? На этот вопрос нет и не может быть общего ответа, его нужно выстрадать самому, к нему можно прийти только практическим путем. Здесь необходим критический постоянный самоанализ своего поведения и своей деятельности. Я преодолел определенные трудности, следовательно, у меня есть сила воли. Я проявил мужество в опасной ситуации — значит, я не трус. Практическая деятельность одновременно и проверяет качества личности и формирует их. Попытка же определить свои возможности, помимо практической деятельности, порождает совершенно иллюзорные представления, это удел слабых и неприспособленных людей.

Возьмем, к примеру, конфликтную ситуацию между Султанмуратом и Анатаем. Султанмурат торжествует, он

¹⁴ Айтматов Ч.Т. Детство, — Бишкек: Турар, 2011. — Стр. 46-48.

¹⁵ Макаренко А.С. О воспитании молодежи. — М., 1951. — Стр. 81-82.

получил от любимой девушки Мырзагуль вышитый шелком платочек, в одном углу которого были обозначены красными нитками две большие и одна маленькая буквы среди узоров: «S.g.M» что означало «Султанмурат жана Мырзагуль». «...И все время чувствовал платочек в нагрудном кармане перешитой солдатской гимнастерки. Будто там горел незримый огонек... Достал из кармана и стал разглядывать его, улавливая среди травяных запахов особый запах платочка, вроде бы хорошим мылом пахло. И теперь вспомнил, что это был её запах. Так он стоял наедине с платочком, и вдруг кто-то выхватил его. Оглянулся – Анатай!

– А-а, ты уже платочки получаешь от неё!

Султанмурат густо покраснел.

– Дай сюда!

– А ты не спеши, сперва погляжу.

– А я тебе говорю, дай сюда!

– Да не кричи ты, отдам. Нужен очень!

– Отдай немедленно!

– А ты посильней кричи! Кричи, что у тебя дареный платочек отобрали! – И сунул его в карман.

Что произошло дальше, Султанмурат уже не помнил...

«Отдай! Отдай!» – только одно твердил Султанмурат, понимая, что исход может быть лишь один: или умереть, или вернуть платочек. Анатай был кряжистый, сильный, действовал он хладнокровно, но на стороне Султанмурата была справедливость и право. И он безоглядно напал, хотя часто оказывался сбитым с ног. В последний раз он упал на вилы, валявшиеся подле скирды. И тут руки сами схватились за вилы. Он вскочил с вилами наперевес. Ребята закричали, разбегаясь в стороны.

– Стой!

– Остановись!

– Опомнись!

Анатай стоял перед ним, тяжело дыша, растопырив руки и ноги, озираясь, куда бы отскочить, но бежать ему было некуда. С одной стороны скирда, с другой – стена конюшни. Именно в эти минуты Султанмурат обрел твердость духа. Он понимал, что это крайность, но другого выхода не было.

– Отдай, – сказал он Анатаю, – иначе будет плохо!

– Да, на! на! – заторопился Анатай, пытаясь обратить все в шутку. – Тоже мне! Пошутить нельзя! Дурак! – И он кинул ему платочек.

...Но при этом Султанмурат понимал, что прошел важное испытание, что, прояви он малодушие, прежде всего сам перестал бы уважать себя. А такой человек не может и не должен быть командиром десанта¹⁶ (курсив мой – Ж.С.).

Произведения Ч.Айтматова созданы с точки зрения иерархии престижа и власти в традиционной семье, где отец осуществляет власть и пользуется наивысшим авторитетом. Однако типы структур семьи изменяются со временем. Они зависят от исторической эпохи, от принятого вероисповедания, от законодательства, от уровня развития цивилизации. Индустриализация и урбанизация в Кыргызстане в годы советской власти превратили прежнюю патриархальную семью в современную эгалитарную семью с очень ограниченными экономическими, религиозными, политическими функциями и даже с ограниченными воспитательными функциями.

А ведь еще в недавнем прошлом, наши сельские общины (в основном семейно-родовые), в отличие от навязываемых нам либеральных порядков, имели общий «язык

¹⁶ Айтматов Ч.Т. Собр. соч. – Т.1. – М., 1984. – Стр. 575-577.

добра и зла», могли соединять людей более сильным клеем, чем тот, что основан только на общем интересе. Как пишет тот же Фукуяма, в Юго-Восточной Азии тоже общины, которые кажутся столь важными для внутренней дисциплины и экономического успеха, основаны не на контракте между сторонами, преследующими свой интерес. Ориентированность на общину в азиатских культурах имеет корни в семье и религии или в таких учениях, как конфуцианство, приобретшее в многолетней традиции статус религии. Словом, по свидетельству Фукуямы, социальные узы и моральные обязательства между людьми в этих общинах действуют на уровне семьи¹⁷. Семейственность (фамилизм) является сущностью китайского конфуцианства. Это учение способствует невероятному укреплению семейных связей, поскольку для него целью этического воспитания человека есть внушение ему высшей ценности семьи по отношению ко всякой другой людской общности. Поэтому неудивительно, что китайская семья отличается от японской и корейской гораздо большей влиятельностью и сплоченностью.

В то же время, как известно, для Америки и Европы характерны чрезмерный индивидуализм, узость сферы доверия и центральное, причем обычно в ущерб остальному обществу, положение семьи. Нанесен сокрушительный удар культуре общинной солидарности, взаимовыручки и взаимопомощи. Тот же Дж. П. Бьюкенен корни сложившихся бедствий с семьей рассматривает как производное философских, мировоззренческих парадигм и классического марксизма, и новых специалистов в лице Франкфуртской школы Т. Адорно, Э. Фромма, В. Райха, Г. Маркузе и др.

¹⁷ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. — М., 2010. — Стр. 486.

«Прежнее представление о пролетариате, — пишет Дж. П. Бьюкенен, — восставшем против капитализма, было отброшено за ненадобностью. Герберт Маркузе и его присные собирались покончить с прогнившей западной цивилизацией, захватив её культурные институты и превратив последние в бастионы культурной революции.

Для новых марксистов не было цели важнее, чем уничтожение института семьи, которую они рассматривали как типичный пример диктатуры и как инкубатор шовинизма и социальной несправедливости.

Впрочем, враждебность к институту семьи не была для марксизма абсолютно новой. Еще Маркс в «Немецкой идеологии» писал, что при патриархальном укладе мужчины воспринимали женщин и детей как свою собственность. В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельс высказал типично феминистскую точку зрения: патриархальная семья испокон века вела к дискриминации женщин. Эрих Фромм утверждал, что различие между полами не заложены в человеческой природе, они суть фикция, свойственная западной культуре. Между прочим, Фромма считают отцом современного феминизма. Для В. Райха авторитарная семья есть авторитарное государство в миниатюре: «Семейный империализм воспроизводит себя в империализме государственном». Для Адорно патриархальная семья — колыбель фашизма.

Миллионы западных женщин ныне разделяют враждебность феминисток по отношению к браку и материнству. Миллионы приняли феминистскую теорию и не собираются ни выходить замуж, ни рожать детей. Как показывают уровень разводов и уровень рождаемости, даже заключенные браки ныне менее стабильны и менее «плодородны», нежели прежде.

«Контрацепция, стерилизация, аборт, эвтаназия – вот те четыре всадника, предвестники «апокалипсиса культуры» против которых выступит Господь в канун страшного суда. Пилюли и презервативы стали серпом и молотом культурной революции»¹⁸.

Да, Франкфуртской школой вся западная культура была объявлена «культурой насилия», культурой ненависти, культурой расизма, культурой порабощения, культурой подавления. Такая культура, по их мнению, не имела права на существование, и в противовес ей была выдвинута принципиально иная концепция – концепция тотального равенства. Внешне ценности «новой культуры» выглядели весьма привлекательно, поскольку эксплуатировали действительно присущее человеку стремление к равенству и свободе, но на практике они оборачивались совсем иной стороной.

Свобода понималась здесь как освобождение человека от любых обязательств: детей перед родителями, родителей перед детьми, женщин и мужчин – от обязательств перед семьей, гражданина – от обязательств перед другими гражданами и государством, а провозглашенное равенство всех религий, идеологий, искусств, рас и народов означало, в первую очередь, легитимизацию маргинальных групп: национальных, сексуальных и социальных меньшинств, которые таким образом получали возможность влиять на общественное сознание.

Это была настоящая культурная революция, и сейчас, по мнению Бьюкенена, она завершилась «полным успехом». «Новая культура» приобрела доминирующее положение в обществе, а привычные для американцев ценности оказались вытесненными на периферию. Средства

¹⁸ Бьюкенен П. Смерть Запада. – М., 2004. – Стр. 125-127.

массовой информации теперь целиком находится под контролем «новой элиты», традиционные семьи составляют сейчас в США не более 25% от числа проживающих вместе людей, торжествующей идеологией общества становится феминизм, и миллионы женщин, вышедших из дехристианизированных школ и колледжей, не собираются ни выходить замуж, ни рожать детей. Уровень разводов здесь вырос на 350 процентов (!) по сравнению с 1962 годом; как минимум треть американских детей живет с одним из родителей, 69 процентов младенцев рождаются вне брака; трое из четырех незамужних белых женщин к девятнадцати годам лишаются девственности; в год США сегодня совершается 1,2-1,4 миллионов абортов. Во многих штатах гомосексуализм законодательно легализован.

Особенно хорошо нынешнюю ситуацию в Соединенных Штатах характеризует тот факт, что бывший госсекретарь США, бывшая первая леди Америки Хиллари Клинтон в день Святого Патрика т.е. в праздник католиков, отказалась пройти торжественным шествием по Нью-Йорку, что когда-то считалось обязанностью всех высших политиков, зато приняла участие в параде геев в том же Нью-Йорке¹⁹ (курсив мой – Ж.С.).

Показательно, что сегодня в США и в ряде стран Западной Европы узаконили однополые браки. Патриарх Кирилл расценил это как «предвестник конца света». Короче, Америка, вся западная цивилизация терпит крупные поражения за поражением от этой «новой культуры» и в то же время пытается её насаждать везде и повсюду, где только возможно её внедрить.

И чем оборачивается такое «внедрение»?

¹⁹ Там же, стр. 128.

В начале 90-х годов, например, народы новых независимых государств, в том числе Кыргызстана, получили столько свободы западного образца, сколько не имели никогда, что привело к абсолютному материальному и духовному обнищанию масс, полному распаду государственных структур. В обществе и поныне все меньше и меньше сдерживающих скреп. Кто пользуется свободами? Только мизерная часть, которая соображает, как быстро заработать деньги. Сегодня фантастика меркнет перед фантастичностью реальной жизни. Как уже говорилось, на наших глазах разрушается институт семьи, многие родители и дети отбрасывают в сторону свои взаимные обязательства. Общество охвачено массовым настроением, которое, те же авторы «новой культуры» определили как «бегство от свободы». Простой человек в данной ситуации ощущает одиночество, моральное угнетение и беспомощность. Утратив веру в достойную жизнь, доверие к официальной государственной идеологии и пропаганде, люди почувствовали потребность в какой-то замене их другими ценностями.

Такую замену ищут в традициях своего народа, в таких великих культурах, как мусульманская, китайская и иудейско-христианская. Вся жизнь в этих обществах регламентировалась рядом обязательств. И ведь действительно, культура – это свод обязанностей, а не прав. И чем древнее культура, тем более устойчивы эти обязанности индивида. Если культура нации обязывает быть ответственным, то возникает страна с поголовной ответственностью. А если нравы у нации другие – тут надо думать, что с этим делать и можно ли на это влиять. Современный русский мыслитель кинорежиссер А. Михалков-Кончаловский вопрошает: «...боится ли кто-нибудь Бога и «геенны огненной» сегодня в России? И если боится, то почему

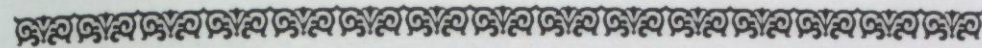
все в стране как-то наперекосяк? Почему по данным генеральной прокуратуры РФ, за последние пять лет более тысячи детей погибли от рук собственных родителей?! Согласно оценкам Росструда, в стране около миллиона безнадзорных детей, и это при живых родителях! Цена жизни – русская копейка! Так что хорошо бы, чтобы хоть чего-нибудь боялись, лишь бы детей не насиловали и не выбрасывали на улицу!

Самое печальное, чтобы не сказать трагическое: все, что я сейчас привел в качестве аргументов, ни для кого не новость в нашей стране. Это банальные, всем известные факты, которые, к ужасу, никого особенно не волнуют, если только не ваш ребенок изнасилован и не ваш сын ушел в армию. И если у вас еще сохранился родительский инстинкт переживать за собственное дитя. А с соседскими детьми – черт с ними. В ответ большинство только разводят руками и, пожав плечами, говорят: да, ужасно, но что мы можем сделать! В том-то и дело, что ничего. «Виноваты все, а значит никто!» (А. Чехов). Но попробуй сказать что-то злое про это наше природное чувство «правильности», как тут же вытаскиваются на свет те же все-таки сильные аргументы спасителей нашего превосходства – Пушкин, Достоевский и далее по списку.

Конечно, было бы так прекрасно, чтобы, согласно нашим надеждам, движущей силой для людей был не страх нарушить закон, а когда признавался бы этот закон единственно правильным, когда он либо освящен религией, либо традицией, т.е. ложится на те самые культурные коды и не подвергается критическому анализу, т.к. соответствует природному чувству «правильности». Но почему тогда этого нет, в чем причина? В отсутствии «аристократии»? А не поздноато ли? В наше время дикого рынка, оглашенного маркетинга, реперов и выставок «зап-

рещенного искусства», распада этики и всеобщей жажды финансового успеха мечта об аристократии романтична, но также не обоснована, как коммунизм или царство Божие на земле... Если мы ищем виноватого вне себя, значит, не мы живем свою жизнь, а она нас живет»²⁰.

Сейчас, когда есть возможность зарабатывать деньги, семья начинает казаться лишней обузой. Значит, дело не в бедности и не в богатстве. Дело в новых веяниях, в новой идеологии свободы. Распад семьи начинается с признания за человеком исключительно его прав и освобождения его от обязанностей, а ведь именно обязанности – это то, что составляет зерно культуры, основу семьи. И одна из этих обязанностей – это ответственность перед своими родителями и своими детьми.

Глава V.

«ЛЮДИ ИЩУТ СУДЬБУ, А СУДЬБА ЛЮДЕЙ»...

Чингиз Айтматов

Роман Ч.Айтматова «Плаха» написан в 1980-90 годы, когда страну сотрясал системный кризис: социально-экономический, политический и нравственный. Фактически произошла тогда мощнейшая социальная революция, приведшая к величайшей катастрофе XX века – крушению мировой сверхдержавы – Советского Союза. Айтматов был тогда не просто писателем, но и прямым и непосредственным участником этих исторических процессов в качестве члена Президентского Совета М.С.Горбачева.

Ч.Айтматов в романе «Плаха» художеством своим проникает в первоосновы этого кризиса, диалектически, подчас круто изменяется и его мировоззрение. Оно все глубже связывается с судьбой человека, с судьбой мира, с судьбой человечества. У него зарождаются совершенно новые и оригинальные идеи, где сосредоточены и скрыты золотые россыпи мировоззренческих ценностей. «Мировоззрение человека, как писал выдающийся философ современности Э.Ильенков, – это созерцание и осознание им его мира. Каков этот «мир», таково и мировоззрение, мирозозерцание, миропонимание, т.е. вся совокупность его представлений, имеющих совершенно конкретный зримо-наглядный характер, а не «принципов» отвлеченно-философского сорта»¹.

²⁰ Кончаловский А. Виноваты все, а значит – никто! / РГ. – 04.08.2010, № 171.

¹ Ильенков Э.В. Философия и культура. – М., 1991. – Стр. 251.

Идеи Ч.Айтматова, содержащиеся в романе «Плаха», настолько онтологичны, бытийственны и динамичны, что постичь их смысл с позиций какой-то отдельно взятой философской системы невозможно. Здесь применим синкретический инструментарий, то есть синтетический подход с позиций и марксизма, и экзистенциализма, и религиозно-мифологических воззрений.

Планета наша пока, увы, «для счастья еще мало оборудована», и обстоятельства – во всей их совокупной силе – на земном шаре таковы, что вовсе не определяют человеческий ум автоматически на поступки, в точности соответствующие с воспитанным в нас понятием добра и счастья для всех людей на земле. Противоречивы сами обстоятельства нашего действия. Часто, чтобы сотворить добро одному, надо причинить зло и ущерб другому, и наоборот.

Можно, разумеется, для себя раз и навсегда неукоснительно следовать «голосу совести», «велениям сердца», принципам абсолютной и бескомпромиссной честности, откровенности и прямоты, вопреки всему и вся, вопреки предостережением рассудка, учитывающего все обстоятельства.

Можно, напротив, целиком положиться на разум, на трезвый расчёт и учет всех обстоятельств, на математически строгий ум, доверяясь ему всегда – и там, где его доводы согласуются с непосредственной нравственной интуицией, и там, где они идут с ней вразрез.

Какой из этих принципов предпочтительнее, какой из них правильнее, рискнет ли кто-нибудь выбрать тут одно из двух?

Первое решение привлекает своим моральным превосходством, не раз воспетым в мировом искусстве. К примеру, Дон-Кихот Сервантеса и князь Мышкин Достоевского. Но их позиция – жертвенна. И притом жертвой тут

становится не только осуществляющая её личность, а и сами принципы. Безрассудное благородство, преломившись через призму «обстоятельств», оборачивается иногда карикатурой, а иногда и катастрофой².

Герой романа «Плаха» Авдий Каллистратов честнейший, наивно-благородный юноша русской национальности, ищущий Справедливость и Истину через христианскую религию. В одном из своих интервью Ч.Айтматов на вопрос: «Но Вы все-таки не случайно выбрали на роль главного героя христианина, а не мусульманина? – ответил: «Разумеется, не случайно. Христианская религия дает очень сильный посыл фигурой Иисуса Христа. Исламская религия, в которую я включен своим происхождением, подобной фигуры не имеет. Мухаммед – не мученик. Случались у него тяжкие, мучительные дни, но чтобы за идею распяли и чтобы он это простил людям навсегда – такого нет. Иисус Христос дает мне повод сказать современному человеку нечто сокровенное»³. Следует добавить, что в христианской религии человек устремлен к богу, наивысшая цель человеческой жизни – соединиться с создателем, однако при этом за человеком все-таки остается *свобода выбора, и конкретный путь к спасению души он выбирает самостоятельно* (курсив мой – Ж.С.). В исламе же человек богу принадлежит, жизнь его предначертана и заранее определена божественной волей, человек не имеет право уклониться от исполнения священного долга и, если бог во имя высоких целей требует жизнь, то человек её безропотно отдает. Эта разница внутренних трансценденций обеих культур определяет разницу мировоззрений, образов жизни, социальных устройств, политики и экономики.

² Там же, стр. 252.

³ Литературная газета. – 1986, № 33. – Стр. 4.

Всякая религиозная доктрина вырастает из ответов на три взаимосвязанных вопроса:

- а) есть ли абсолют (Бог);
- б) как Его познать;
- в) как к Нему практически относиться.

Последовательное развитие идеи монотеизма привело к тому, что Бог становится единственным, невыразимым, безымянным, соотносящийся с единством, лежащим в основе универсума, основой всего сущего. Во всех теистических системах предполагается реальное существование духовной сферы, которая выходит за пределы человека, придает значение и ценность его духовным силам и его страстному стремлению к спасению и внутреннему возрождению. Платон называл это «царством идей», о котором в Библии сказано: «Бог есть дух».

Для человека мыслящего вера в Бога не требует внешних доказательств его существования. В плане личной философии Бог – это воздаяние за хорошее и плохое, это возможность стать таким, каким никто не был, это внутренняя свобода, это мужество поступать по совести, когда можно и даже выгодно так не поступать. «Он не любит тех, кто боится», – говорила Жанна д'Арк. Откуда она это знает – спрашивали её. «А мне это сказали Голоса», – пояснила она. «Дурочка, все твои голоса – вот тут», – сказал, постучав по лбу, какой-то высокомерный аристократ. «А Бог всегда говорит с людьми через тут», – отвечала, Жанна, указывая на лоб.

Между тем в современном мире немало религиозных течений, которые исключают существование Бога. Английский ученый Чарлз Лумзден пишет: «Может ли высшее существо – Существо, способное предвидеть, управлять и наказывать нас за каждый поступок, быть терпимо в качестве основы для христианской теологии в век, в

котором тоталитаризм среди простых смертных вызывает отвращение? Поэтому религии необходима теология, более совместимая с личной независимостью и свободой воли. Вот почему в современной христианской мысли возникли и получили поддержку нетеистические концепции бога»⁴.

Итак, по первому вопросу: есть ли Бог, Авдий Каллистратов, как и Координатор отец Дмитрий, однозначно признает существование Бога. Но в таких фундаментальных вопросах, как познание Бога, современное отношение к нему, Авдий занимает позицию эгоцентрической религиозности, что является основанием его субъективного идеализма и имманентной философии. В XX веке распространению разных вариантов эгоцентрической религиозности способствовали ницшеанская философия, провозглашавшая смерть Бога и рождение сверхчеловека, а также экзистенциализм с его концепциями потерянного человека, человека как кузнеца собственного счастья. В экзистенциализме, как и в нетеистических системах, не существует духовной сферы, лежащей вне человека или выходящей за его пределы. Мир любви, разума и справедливости реально существует лишь потому и постольку, поскольку человек способен развивать в себе эти силы. С этой точки зрения жизнь не имеет иного смысла, чем тот, который человек сам ей придает; «Говоря о любви к Богу, – писал один из основоположников экзистенциализма Э.Фромм, – я хочу подчеркнуть, что я сам не придерживаюсь теистической концепции, что для меня понятие Бога представляет собой исторически обусловленное понятие, в котором человек в данный исторический период выразил переживание своих наивысших возможностей, свое страстное стремление к истине, к едине-

⁴ Брудный А.А. Наука понимать. – Бишкек, 1996. – Стр. 135.

нию. Но вместе с тем, я считаю, следствие строгого монотеизма, и нетеистическая наивысшая забота о духовной реальности, хотя и различны, но не противоречат друг другу»⁵.

Авдий Каллистратов придерживается именно такой позиции, как и у Фромма, что наглядно проявляется в его беседах с учителем В.Городецким и владыкой Координатором Дмитрием.

В беседе с Городецким он говорит:
«— Да, Виктор Никифирович, это так. Дело вовсе не во мне, а в том, что традиционные религии на сегодняшний день безнадежно устарели, нельзя всерьез говорить о религии, которая рассчитана была на родовое сознание пробуждающихся низов. Сами понимаете, если история сможет выдвинуть новую центральную фигуру на всемирном горизонте верований — фигуру Бога-современника с новыми божественными идеями, соответствующими нынешним потребностям мира, тогда еще можно надеяться, что вероучение будет чего-то стоить. Вот причина моего ухода»⁶.

А координатору отвечает: «— Спаси вас Господи, владыка. Лично для меня молитва есть контрапункт постоянных размышлений о Всевышнем. Мне кажется, мысль о Боге-современнике никогда не покидает меня.

— Не будем столь поспешны, сын мой, — сдержанно промолвил отец Координатор, поднимаясь с кресла.

...Должен тебе сказать, — продолжал он, — чем больше я живу на свете, тем больше убеждаюсь в благости божьей, в беспредельной его милости к нам. И счастлив, что дано это почувствовать в самозабвенной молитве. Поистине

Всевышний бесконечен в любви своей к нам. Возможно наши молитвы для него всего лишь легкомысленный лепет, но в них наше нерасторжимое единство с Богом.

— Вы правы, владыка, — проговорил Авдий, стоя в дверях.

И затем, поскольку зелен был и нетерпелив, не выдержал требуемую приличием паузу в беседе и сразу выложил свой козырь:

— Осмелюсь заметить, однако, что Бог в нашем понятии бесконечен, но поскольку мысль на земле, развивается от познания к познанию, напрашивается вывод: Бог тоже должен иметь свойство развития. А как вы думаете, владыка?

И тут отец Координатор не смог уйти от ответа:

— Однако же ты горяч, сын мой, — проговорил он, глубоко покашливая и отправляя на себе плотное облачение. — Не пристало так судить о Боге, пусть и по молодости. *Нам не дано познать предвечного Творца. Он существует вне нас. Даже материализм признает, что мир существует вне нашего сознания. А Бог и подавно.*

— Простите, владыка, но лучше называть вещи своими именами. *Вне нашего сознания Бога нет*⁷ (курсив мой — Ж.С.).

Как видим, богоискательство Авдия, его напряженные размышления о Боге-современнике, о Боге-Завтра являются порождением его эгоцентрической религиозности и экзистенциальных воззрений. Хотя на самом деле вся история монотеистических религий сопряжена с воспеванием гимнов не только Богу, но и его великим пророкам. Эти религии в своем истоке обязаны не столько обезличенному обществу, сколько Аврааму, Моисею, Иисусу

⁵ Фромм Э. Душа человека. — М., 1992. — Стр. 147-148.

⁶ Айтматов Ч.Т. Плаха. — М., 2012. — Стр. 87.

⁷ Там же, стр. 89.

Христу, Мухаммеду, Вхаулле и т.д., возвестившим Божью Волю через Гиту, Авесту, Тору, Новый завет, Коран. Периоду массового распространения любой из этих религий предшествовал период одиночества их основоположников. Гонимый пророк какой-либо возникающей монотеистической религии по сути в единственном числе состоял в обновляющейся связи с Богом. И лишь спустя некоторое время религия обретала социальный характер.

Ветхозаветный рассказ о Ное, тщетно пытавшемся убедить толпы грешников спастись от неминуемого потопа в ковчеге, служит яркой иллюстрацией мысли об исторической первичности героя-индивида, вступившего в прямую духовную связь с Богом, и о вторичности социального аспекта монотеизма. В зеркале социологии религии верующий отображается как усредненная социальная единица, связанная с другими единицами через сакральные идеалы. Психология религии проникает в интимное религиозное переживание индивида. Индивидуальное «Я» чаще всего находится именно в религиозной связи с абсолютным, то есть постоянно теряет и восстанавливает эту связь.

«Я» терзается сомнениями, угрызениями совести, радуется преодолению сомнений и обретению прежней веры. Например, рядовой христианин лишь внешне кажется истым верующим, в глубине же души он мечется между признанием Единого Бога и Троицей, сомневается и не сомневается в непорочном зачатии Иисуса Христа, в Его телесном воскрешении после Голгофы⁸.

Согласно концепции континуитета вера индивида плавно изменяется под влиянием рефлексии над идейными основаниями своих убеждений; постепенное обновление со-

⁸ Современный философский словарь. – М., 1998. – Стр. 740-741.

держания веры ведет к качественному скачку и обретению новых убеждений. Логическая и фактическая необходимость, а не каприз или мода, обуславливает такого рода ревизионизм, в чем обуреваем в данном случае Авдий Каллистратов.

«—Это хорошо, что ты упомянул об истории, — прервал его Городецкий. — Теперь послушай меня. Твоя идея о новом Боге — это абстрактная теория... Эти твои соображения, как прежде говорили, умственные выкладки. Ты программируешь Бога, а Бог не может быть умозрительно придуман, как бы заманчиво и убедительно ни выглядело. Понимаешь, если бы Христос не был распят, он не был бы Господом...

— Я думал об этом, Виктор Никифирович, вы правы. Но я не могу отрешиться от мысли, что настала пора пересмотреть прошлое, каким бы оно ни было незыблемым, представление о Боге, давно не соответствующее новым познаниям мира... Очень возможно, что я иду от абстракции, ищу то, что не подлежит поискам. Ну что ж! Пусть мои мысли несовместимы с каноническим богословием»⁹.

Авдий здесь мыслит в традициях западной классической логики, где в религиозном сознании основное значение придается абстрактному мышлению. В ходе развития религии такая практика привела к формированию догматов, к бесконечным спорам по поводу их формулировок и к нетерпимости к «неверующим» и еретикам. Отсюда знаменитая инквизиция, отсюда Тридцатилетняя, Столетняя религиозные войны и т.д.

Между тем на Востоке (Китай и Индия) религиозные установки фундаментально отличаются от Западных. Там считается, что единственный способ познать мир до кон-

⁹ Айтматов Ч.Т. Плаха. – М., 2012. – Стр. 85-86.

ца – не в мысли, а в действии, в переживании единства. В результате особое значение приобретает правильный образ жизни. Вся жизнь, всякий значительный или незначительный поступок посвящены познанию Бога, но познанию не в правильной мысли, а правильном действии. В новое время этот принцип нашел выражение в идеях Спинозы, Маркса и Фрейда. В философии Спинозы акцент смещается с правильной веры на правильный образ жизни. Маркс тот же принцип выразил в словах: «Философы лишь различным образом объяснили мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»¹⁰.

В романе «Плаха» действие богоискателя Авдия – неповиновение. Здесь уместно вспомнить, что история человечества началась с акта неповиновения. В истории Адама и Евы присутствует повеление Бога не есть яблоко, и человек оказывается способным сказать нет. В результате человек изгоняется из Рая, и ему не дозволено вернуться. С этого момента человек осознает себя как существо отдельное от другого человека и от природы. Таким образом, с первого акта неповиновения началась история человека, и этот же акт стал первым актом свободы (курсив мой – Ж.С.).

По мифу, Бог был настолько разгневан, что задумывает уничтожить род человеческий, наслав на него потоп, потому что никто из людей не смог ему угодить, кроме его любимого сына Ноя; в этот период он требует от Авраама убить своего единственного любимого сына Исаака, чтобы доказать этим актом беспредельного послушания свою любовь к Богу и т.д.

Авдий Каллистратов человек веры, потому что может сказать «нет» и проявить неповиновение – именно потому,

что он может сказать «да» и повиноваться принципам, которые есть подлинные принципы его самого. Его сознание полностью пробуждено и открыто личностным и социальным реалиям окружающего мира. Он независим, он всем обязан самому себе. Он свободен и не служит никому.

«– Ты слишком далеко заходишь, молодой человек, – промолвил отец Координатор холодным, отчужденным тоном. – Мне не следовало бы заводить с тобой теологические споры, ибо твои познания весьма незрелы и даже сомнительны, – не говоришь ли ты по наущению врага рода человеческого – дьявола? Но одно тебе скажу на прощание: тебе с такими мыслями не сносить головы потому, что и в миру не терпят тех, кто подвергает сомнению основополагающие учения, ведь любая идеология претендует на обладание конечной истиной, и ты с этим непременно столкнешься. А жизнь мирская куда жестче, чем может показаться, и ты еще заплатишься за свое недомыслие и еще припомнишь наш разговор. Но довольно, готовься уходить из семинарии, ты будешь отлучен от церкви – дома Божьего (курсив мой – Ж.С.)

– Моя церковь всегда будет со мной, – не отступался Авдий Каллистратов. – Моя церковь – это я сам – я не признаю храмов и тем более признаю священнослужителей, особенно в сегодняшнем их качестве (курсив мой – Ж.С.).

– Что ж, мальчик, дай Бог, чтобы все обошлось, но можешь быть уверен: мир научит тебя слушаться, ибо там существует насущная необходимость – добывать себе кусок хлеба. И эта необходимость до сих пор повелевала жизнью миллионов таких, как ты... (курсив мой – Ж.С.)

Диалектика Айтматова здесь разворачивается в контексте развития мировых религий, которые составляют основы современных человеческих цивилизаций. Испокон

¹⁰ Маркс К. Энгельс Ф. Соч. – Т.3. – Стр. 4.

веков было так, что с увяданием религии заболевает весь организм культуры, а с её реформацией культура обретает новое дыхание. Так, средневековый застой в некоторых сферах христианской культуры прекратился, когда Мартин Лютер и другие подвижники начали реформацию, протестантизм во многом обусловил промышленную революцию, расцвет науки и техники, литературы и искусства.

Ныне многие культуры испытывают кризис, и движение назад – к истоку, религиозному фундаменту культуры – рассматривается фундаменталистами как выход из положения. Религиозный фундаментализм, характерный, в частности, для современного христианства и ислама, – закономерная реакция общественного организма на кризисные явления в культуре. Фундаментализм движим целью придать стареющей культуре свежий импульс жизни, возродить на новом уровне гармоническое соотношение материальной и духовной сторон цивилизации. При всем этом не следует отождествлять между собой фундаментализм и экстремизм. Хотя они нередко пересекаются друг с другом. Фундаментализм сопряжен с созидательным смыслом, тогда как экстремизм – с разрушением культуры. Не всякая культура, находящаяся в положении стагнации, способна реформироваться и выжить. С деградацией подпитывающей её религии она разрушается, ввергая общество в хаос.

Кто формирует или открывает исходные постулаты той или иной религии, превращающиеся со временем в базовые и сакрализованные идеалы соответствующей культуры? Разумеется, религиозные пророки, реформаторы, вышедшие из народной толпы верующих. Они периодически открывают и подвигом своих жизней утверждают новые смыслы эволюции человечества, суммируют и ви-

доизменяет идеалы предшествующих религий. Так, Иисус Христос добавил открытый Буддой во имя спасения человека принцип искренности (открытости другим людям) и любви. Мухаммед расширил эту формулу добавлением принципов коллективной взаимопомощи и опоры на традиции; Бахаулла присовокупил к ней принцип «Относись к другому лучше, чем к самому себе!»¹¹.

В принципе не только пророки, но и каждый индивид способен путем постепенной эволюции стать реформатором, рано или поздно дорасти до творения собственных идеалов, даже собственной религии. «Сверхчеловек» Ф.Ницше в некотором смысле может рассматриваться как образец реформаторов будущего, единолично творящего потребные ему идеалы. «Человек, – писал он, – как он нам дан в настоящее время не есть цель мировой жизни; он мост, он стрела страстной надежды, несущаяся к тому берегу; я люблю тех, кто не умеет жить иначе, как чтобы погибнуть, ибо они идут по мосту»¹². Здесь Ницше смело мог бы повторить слова Христа: «Лишь тот, кто погубит душу свою, спасет её».

Итак, Авдий Каллистратов после отлучения от церкви идет к своей неотвратимой гибели, ко встрече с ней во сне и наяву. Когда человек хочет быть антиподом Христа, полярным Ему и вместе с тем подобным Ему, то он становится антихристом. Русский философ XIX столетия Владимир Соловьев характеризует «грядущего человека», т.е. антихриста, как совершенно исключительного, наполненного самолюбием и самомнением при отсутствии простоты, прямоты и сердечности. «Он верил в Бога, но в глубине души невольно и безотчетно предпочитал Ему себя...

¹¹ Современный философский словарь. – М., 1992. – Стр. 743.

¹² Ницше Ф. Воля к власти. – М., 1994. – Стр. 18.

Одним словом, он признал себя тем, чем в действительности был Христос... Он искренне видел в нем лишь своего величайшего предшественника. Он рассуждал так: «Христос пришел раньше меня. Я являюсь вторым. Тот Христос – мой предтеча. Его призвание было – предварить и подготовить мое явление»¹³. И, действительно, в «повести об антихристе» Вл. Соловьева сбывается предсказание Иисуса Христа: «Я пришел во имя Отца, и не принимайте меня, а придёт другой во имя свое – того примете» (курсив мой – Ж.С.). «Грядущего человека» выбирают единогласно пожизненным владыкой вселенского мира, который обеспечивает самое основное земное равенство – равенство всеобщей сытости. Император-антихрист знает, что если сытость есть первый интерес для голодных, то сытым хочется чудесные зрелища. Он и это обеспечивает силами чудодея Аполонния¹⁴. Глубокий смысл повести-притчи В.Соловьева в том, что все три искушения, от которых отказался Христос во имя свободы духа, являются вожделенными соблазнами для антихриста. Эти искушения – власть, хлеб и зрелища.

Главарь анашистов Гришан обладает большой властью, недаром его кличка «Сам». Все его поведение – воплощение своеволия и гордыни, он не признает никакой другой власти, кроме своей.

«– А ты, – обращается он к Авдию, – спаситель-эмиссар, подумал прежде о том, какая сила тебе противостоит?»

– Подумал, и потому я здесь. И предупреждаю тебя: я буду добиваться своего ради вас же самих, чего бы мне это ни стоило, ты уже не удивляйся.

¹³ Соловьев В. Соч. в двух томах. – М., 1988. – Т.2. – Стр. 742-743.

¹⁴ Там же, стр. 744.

– Ради нас самих же! – скривился Гришан. – Не беспокойся, ни удивляюсь, чего ради мне удивляться тому, на чем свихнулся еще тот, кого распяли, Спаситель рода человеческого... Раскинул руки в гвоздях на кресте, голову свесил, скорчил мученическую рожу и на тебе – любуйтесь, плачьте и поклоняйтесь до конца света (курсив мой – Ж.С.). Недурно, понимаешь ли, придумали себе иные умники занятие на все века – спасать нас от самих же себя! И что же, кто спасен и что спасено в этом мире? Ответ мне! Все как было до Голгофы, так оно и есть до сих пор. Человек все тот же. И в человеке с тех пор ничего не изменилось. А мы все ждем, что вот придет кто-то спасать нас, грешных. Тебя вот, Каллистратова, недоставало в этом деле. Но вот и ты явился к нам. Явился, не запылится! – скорчил комическую мину Гришан. – Добро пожаловать, новый Христос!»¹⁵. И Авдий со своим добродетельно-честным сознанием не может противопоставить логике этого пахана ничего, кроме прекраснодушных восклицаний. Более того, Гришан себя раскрывает не только как власть имущий, но и как обладатель третьего христового искушения – кайфа и чуда-зрелища.

«– Так знай, Каллистратов, только, смотри, не стань заикой – у меня к Богу есть свой путь, я вхож к нему иначе, с черного хода. Не такой твой Бог разборчивый. И не доступен, как тебе мнится...

– И чего ты достигаешь, попав к Богу с черного хода?

– Да не меньшего, чем ты. Я помогаю людям изведать счастье, познать Бога в кайфе. Я даю им то, чего вы не можете дать им ни своими проповедями, ни своими молитвами... Своих людей я приближаю к Богу куда оперативнее, чем кто-либо.

¹⁵ Айтматов Ч.Т. Плаха. – М., 2012. – Стр. 132.

– Приближаешь к Богу, купленному за деньги? С помощью зелья? Через дурман? И это ты называешь счастьем познания Бога?

– А что? Думаешь, небось, святотатство, богохульство! Ну да! Я оскверняю твой слух. Конкурент твой, понимаешь ли! Дорогу тебе перебежал. Да, черт побери, да, деньги, да, наркотики! Так вот, деньги, если хочешь знать, – это все. Ты что думаешь, у денег особый бог? А в церквях и прочих учреждениях вы что, без денег обходитесь?

– Но это же совсем другое дело!

– Оставь! Не заливай! На свете все продается, все покупается, и твой Бог в том числе. Но я, по крайней мере, даю людям покайфовать и испытать то, что вы сулите лишь на словах и вдобавок на том свете. Лишь кайф дает блаженство, умиротворение, раскованность в пространстве и во времени. Пусть блаженство это мимолетно, пусть призрачно, пусть оно существует лишь в галлюцинациях, но это счастье, и достижимо оно только в трансе. А вы, праведники, лишены даже этого самообмана.

– Одно ты правильно сказал – что все это самообман.

– А ты как хотел? Получить правду всего за пять копеек? Так не бывает, святой отец! За неимением иного счастья кайф – это горький заменитель»¹⁶.

Достоевский в своей «Легенде о Великом Инквизиторе» сталкивает ставших лицом к лицу два мировых начала – свободу и принуждение, веру и неверие в Бога, Христа и Антихриста. «И вдруг является Он... И толпа узнает Его и ликует, ибо исполнилось слово Его: «се гряду скоро», бросает перед ним цветы и вопиет Ему: «Осанна!» И великий инквизитор узнает и не сомневается ни на мгновение: это действительно Он (курсив мой – Ж.С.).

¹⁶ Там же, стр. 135-136.

Старец хмурит седые брови свои, и взгляд его сверкает зловещим огнем. Он простирает перст свой и велит стражам взять Его. И вот, такова уж сила инквизитора и до того уж приучен, покорен ему народ, что толпа раздвигается, и стражи при гробовом её молчании уводят Его в темницу.

– Зачем Ты пришел? – спрашивает Его старец. – Не отвечай, молчи. Да и что бы мог ты сказать?.. Да ты и прав не имеешь ничего прибавлять к тому, что уже сказано тобой прежде. Зачем ты пришел нам мешать?.. Не ты ли так часто тогда говорил: «Хочу сделать вас свободными». Но вот ты теперь увидел этих «свободных», – прибавил вдруг старик со вдумчивой усмешкой. – Да, это дело нам дорого стоило... Но мы dokonчили наконец это дело во имя твое. 15 веков мучились мы с этою свободой, но теперь это кончено, и кончено крепко... И именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили её к ногам нашим...

Страшный и умный дух самоуничтожения и небытия, – продолжал старик... – говорил с тобой в пустыне... что он возвестил тебе в трех вопросах и что ты отверг?.. Ибо в этих трех вопросах как бы совокуплена в одно целое и предсказана вся дальнейшая история человечества и явлены три образа, в которых сойдутся все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы на всей земле. Разрешь же сам, кто был прав, ты или тот, который вопрошал тебя?

Ты пришел в мир, чтобы спасти человечество обетом свободы, а видишь ли сии камни в этой нагой пустыне? Обрати их в хлебы, и за тобой побежит человечество, как стадо, благородное и послушное, хотя и вечно трепещущее, что ты отымешь руку свою и прекратятся

хлебы твои. Но ты отверг предложение, ибо какая же свобода, рассудил ты, если послушание куплено хлебами? Ты возразил, что человек жив не единым хлебом, но знаешь ли, что во имя самого этого хлеба земного и восстанет на тебя дух земли и сразится с тобой и победит тебя и все пойдут за ним, восклицая: кто подобен зверю сему!»... Знаешь ли ты, что пройдут века, и человечество провозгласит, что преступления нет, а стало быть, нет и греха, а есть лишь только голодные. «Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели! – вот что напишут на знамени... которым разрушится храм твой. На месте храма твоего воздвигается новое здание...»¹⁷ (курсив мой – Ж.С.).

Этот образ – «камни и хлебы» – Достоевский уже любил как свидетельство извечной борьбы противоречий, составляющих основу трагедии исторического движения человечества. И христианство, и социализм, считал Достоевский вышли из одного истока, из страстной веры в возможность и необходимость гармонического человеческого развития, устроенного на началах братского единения, «рая» на земле. Но христианство полагает достигнуть такого братства через внутреннее духовное совершенствование каждого, вне зависимости от социально-исторических условий жизни, без скидок на тяготы борьбы за существование, вопреки давлению окружающей среды. Противопоставить, отделить внутреннее, свой духовно-нравственный мир от внешнего, погрязшего в грехах и несправедливости мира – вот путь к перерождению мира: через его неприятие и отталкивание от него. Социалисты же – в этом, считал он, и суть их расхождения и вечного исторического спора между ними, – рассчитывают исправить мир за счет социальной переделки самого

¹⁷ Селезнев Ю. Достоевский. – М., 1981. – Стр. 504-504.

этого внешнего, переделки, которая должна привести и к возрождению внутреннего мира человека. Христианство стоит на духе, социализм на разуме, но вот в разум-то, в чистый разум, отвергающий религиозные основы, Достоевский и не желал верить, поскольку как считал он, религия есть форма нравственности, форма совести, а разум безнравственный, освобожденный от контроля совести – ужас. Но сама эта трагическая борьба двух начал, полагал Достоевский, и является силой, движущей человечество вперед. Если же человечество, писал он, достигнет одновременно и духовного и социального идеала – движение прекратится, ибо не к чему будет стремиться. Обратит камни в хлебы, считал писатель, – и значит накормит голодных, но за счет забвения духовных человеческих начал, о которых он убеждал себя и других, забывают социалисты.

– Ты, – продолжает великий инквизитор, – «жаждал свободной любви, а не рабских восторгов невольника перед могуществом, раз навсегда его ужаснувшим. Но и тут ты судил о людях слишком высоко: они мечтают о многом, но нужно им, по существу, одно – сбиться в единое стадо, чтобы не пожирать друг друга, устроиться в «общий и согласный муравейник», ибо человек, по природе своей – раб. И мы дадим ему этот муравейник, в котором он будет счастлив (курсив мой – Ж.С.). И не будет от нас никаких тайн, ибо лишь мы будем владеть тайной, мы сто тысяч избранных страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла, и будет счастливое тысячемиллионное стадо – мы заставим его работать, но мы разрешим и грех, ибо люди слабы и бессильны, и они будут любить нас, как дети, за то, мы им позволим грешить...»¹⁸

¹⁸ Там же, стр. 508-509.

Роман «Плаха» появился в середине 80-х годов прошлого века, когда горбачевская перестройка не удалась. Сам Горбачев и как политик, и как человек сформировался в рамках тоталитарной бюрократической системы, и его внутренние ресурсы как личности, а также возможности и ресурсы его ближайшего окружения были не слишком велики. Страна была охвачена системным кризисом. Особо обострилась экономическая ситуация, продолжался рост цен, а также внешней задолженности, заметно падал авторитет власти на всех уровнях, происходило обострение не только национальных, но и социальных проблем. Впервые в новейшей истории Советского Союза по стране прокатилась волна рабочих волнений и забастовок. Национальные проблемы развивались по логике эскалации, что привело к расширению и углублению национальных движений, к взрыву эмоций, а в ряде случаев и к применению силы, что, в свою очередь, лишь обострило ситуацию во многих республиках Союза.

Социальный и экономический кризис конца 1980-х годов в СССР, а также кризис в национальных отношениях были тесно связаны с кризисом самой партии и её идеологическим отступлением. Партия не смогла найти адекватный ответ на многообразные вызовы времени. Она не смогла перестроить свои ряды и модернизировать свою идеологию, политику и структуру. Это и привело к потере влияния, а затем и власти. Все это сопровождалось глубоким духовно-нравственным кризисом в обществе. Повсеместно падала дисциплина и ответственность людей, свирепствовал алкоголизм и пьянство. Тогда впервые набатом прозвучала угроза наркомании. В романе «Плаха» впервые художественно решается тема наркомании, но это только маленький повод для большого разговора о глобальных вопросах духовно-нравственного развития человечества.

Айтматов глубоко чувствует поворот мировой истории в сторону демократии, в сторону ценности и автономности отдельной личности. По характеру своего мировоззрения он противопоставляет тоталитарной власти личное начало, качественность и безусловную ценность личности.

У Достоевского Христос безмолвствует, а в айтматовском романе «Плаха» он заговорил в неповторимом по силе логики и эстетической красоте слога в словесной дуэли прокуратора Понтия Пилата и Христа. Айтматов доказательно отвергает идеи римского принудительного универсализма, принудительного всемирного единения людей и устройства их земной жизни. Эта римская идея принудительного универсализма лежит и в основе тоталитаризма. И там и здесь отрицается свобода человеческого духа. Ниже приводим диалог прокуратора Понтия Пилата и Христа:

«— Что на самом деле значит донести до людей слова Отца твоего — это значит оболванить, прибрать к рукам чернь! Подбивать чернь на беспорядки. Может быть, ты и до меня должен донести его слова — я ведь тоже человек!

— У тебя, правитель римский, нет пока надобности в этом, ибо ты не страждешь и тебе ни к чему алкать другого устройства жизни. Для тебя власть — Бог и Совесть. А ею ты обладаешь сполна. И для тебя нет ничего выше.

— Верно. Нет ничего выше власти Рима. Надеюсь, ты это хочешь сказать.

— Так думаешь ты, правитель.

— Так всегда думали умные люди, — не без снисходительности поправил его прокуратор. — Поэтому и говорится, — поучал он, — кесарь не Бог, но Бог — как кесарь. Убеди меня в обратном, если ты уверен, что это не так...

— Ты уверен, что кесарь менее Бога?

— Он смертный человек.

— Ясно, что смертный. Но пока он здравствует — есть ли для людей другой Бог, выше кесаря?

Здесь Айтматов, раскрывая тоталитарную систему как жестокое проявление власти над человеком, говорит об иллюзорности свобод, не основанных на ответственности последнего. Пусть человек обеспечен многими личными свободами и гарантиями, в том числе христовой свободой, но они вовсе ни к чему, если он – всего лишь безответственная, безвольная жертва системы, не способная отстоять свою сущность, избежать отчуждения, преодолеть свои страхи и сомнения и стать достойным и ответственным членом общества, реально участвующим в создании своей судьбы. Эта идея в устах Христа звучит: *«Тяжелее всего человеку быть человеком изо дня в день. А посему – как долго ждать придется того дня, в который ты не веришь, правитель, зависеть будет от самих людей»* (курсив мой – Ж.С.).

– Вот как! – Понтий Пилат возбужденно вскочил, схватился за спинку кресла. – Пстой, пстой, чтобы такое от людей зависело – это же неслыханно! Я, не верующий в твоё учение, постичь этого не могу. Если бы люди могли по воле своей удалять или приближать подобное явление, уж не уподобились бы они богам?

– Не хочешь ли ты открыть ту истину?

– Да, попробую. Не буду избегать разговора. К тому же я говорю об этом в последний раз. Так знай, правитель римский, промысел Божий не в том, что однажды, как гром в ясную погоду, грянет день, когда Сын Человеческий, воскреснув, спустится с небес править суд над народами, а все наоборот будет, хоть цель и останется та же. *Не я, кому осталось жить на расстоянии перехода через город к Лысой горе, приду, воскреснув, а вы, люди, пиршествоете жить во Христе, в высокой праведности, вы ко мне придете в неузнаваемых грядущих поколениях. И это будет мое второе пришествие. Иначе говоря, я в*

людях вернусь к себе через страдания мои, в людях вернусь к людям. Вот о чем речь. Я буду вашим будущим, во времени оставшись на тысячелетия позади, в том промысел Всевышнего, в том, чтобы таким способом возвести человека на престол призвания его – призвания к добру и красоте. В том смысл моих проповедей, в том истина, а не в молве ходячей и не в небылицах всяких, опошляющих высокие идеи (курсив мой – Ж.С.).¹⁹

Здесь Айтматов подчеркивает мысль о том, что насильственно в религию никого не затащишь. И это иллюзия – думать, что распространение религии зависит от количества построенных храмов и мечетей, от преподавания в школах предмет религиоведения. Это манихейство, механическая попытка привить людям любовь к Богу. Христос, как известно, дорожил только добровольно пришедшими учениками.

– Пстой, а как же Страшный суд, столь грозно провозглашаемый тобою?

– Страшный суд... А ты не думал, правитель римский, что он давно уже свершается над нами?

– Не хочешь ли ты сейчас сказать, что вся наша жизнь – Страшный суд?

– Ты не далек от истины, правитель римский, пройти тем путем, что начинался в муках и терзаниях с проклятия Адаму, через злодеяния, чинимые из века в век одними людьми над другими людьми, порождающими зло от зла, неправду от неправды, – это, наверно, что-то значило для тех, кто пребывал и пребывает на белом свете. С тех пор как изгнаны родоначальники людей из Эдема, какая бездна зла разверзлась, каких только войн, жестокостей, убийств, гонений, несправедливостей, обид не

¹⁹ Айтматов Ч.Т. Плаха. М., 2012. – Стр. 163.

узнали люди! Жизнь в таком аду не хуже ли Страшного суда?²⁰

– И ты, Иисус Назарянин, намерен остановить историю во зле?

– Историю? Ее никто не остановит, а я хочу искоренить зло в деяниях и умах людей – вот о чем моя печаль.

– Тогда не будет и истории.

– Какой истории? Той, о которой ты печешься, наместник римский? Ту историю, к сожалению, не вычеркнешь из памяти, но если бы ее не было, мы оказались бы гораздо ближе к Богу. Я тебе понимаю, наместник. Но подлинная история, история расцвета человечества, еще не начиналась на земле.

– Постой, Иисус Назарянин, оставим меня пока в стороне. Но как же ты, Иисус, намерен привести к такой цели людей и народы?

– *Провозглашением Царства справедливости без власти кесарей, вот как!*» (курсив мой – Ж.С.)²¹

Тут раскрывается что-то еще не бывшее в мировой литературе. Айтматовский «Бог-завтра» отрицает революционную концепцию иудейского монотеизма, которая открыла путь для неограниченной власти самого Бога. «Вера в то, – писал известный историк А.Дж.Тойнби, – названное мною духовным присутствием во вселенной и вне её, сосредоточено в едином, трансцендентальном, подобном человеку Боге, влекла за собой далее веру в то, что ничто иное во вселенной не является божественным. Считалось, что как человеческая, так и внечеловеческая природа была создана этим гипотетическим Богом, по аналогии с сотворением людьми орудий труда, произведений искусства и различных учреждений. Предполагалось, что

²⁰ Там же, стр. 45.

²¹ Айтматов Ч.Т. Плаха. – М., 2012. – Стр. 242.

Создатель обладает властью и правом распоряжаться всем, что он сотворил. Согласно Главе I (стихи 26-30) книги Бытия, *Бог отдал все свое внечеловеческое творение в распоряжение его человеческих созданий, чтобы они использовали его так, как они сами захотят. Целью этой революционной доктрины было разорвать единство человека и природы. Человек был отделен от его естественной окружающей среды, которая лишалась своей прежней ауры божественности. Человеку давалось право эксплуатировать окружающую среду, которая более не была священной* (курсив мой – Ж.С.). Благословенное уважение и трепет, с которыми человек первоначально относится к окружающей среде, были, таким образом, развеяны иудейским монотеизмом, в версиях его израильских последователей, а также христиан и мусульман»²².

Отсюда вытекает, что человек, веря в то, что он ближе всех прочих творений к Богу, считал для себя вполне естественным подчинять себе все остальные создания и ставить их себе на службу. Пытаясь покорить природный мир, человечество нарушило установленный основной ритм природы. Исстрадавшаяся и приведенная на грань разрушения природа сейчас восстает против человечества.

Трагическая судьба волчицы Акбары потерявшей в безжалостной механизированной облаве четырех своих волчат, пятерых – в страшном огне в приалдашских камышах, еще последних четырех на иссык-кульском побережье – это воистину вселенский стон и плач природы. И в том, что Авдий, не просивший пощады перед смертью ни у Гришана, ни у обер-Калданова, почувствовал приближение волчицы, незаметно подползшей к нему, просит у неё помощи, и, он, человек Авдий Каллистратов, скажет ей

²² Цит. по кн.: Диалог Тойнби – Икеда. – М., 1998. – Стр. 438-439.

свое последнее, предсмертное человеческое слово: «Ты пришла...», заключен глубокий смысл. Здесь Айтматов с необычайным психологизмом и художественной силой, подчеркивает чрезвычайную необходимость рестабиллизации отношения человека и окружающей природой, который были опрокинуты монотеистической революцией.

«Представляется несомненным, — пишет А.Тойнби, — что власть человека над окружающей его средой уже достигла той степени, на которой эта власть приведет к саморазрушению, если человек будет продолжать использовать её на службе своей алчности. *Человеческая натура жадна, потому что алчность является одной из характеристик жизни. Человек столь же алчен, как и другие виды живых существ, но, в отличие от нечеловеческих видов, человек, благодаря тому, что обладает сознанием, может отдавать себе отчет в собственной алчности. Он может знать, что алчность, которой служит власть, деструктивна, а следовательно, является злом, и он может сделать трудное моральное усилие. Чтобы реализовать самоограничение*²³ (курсив мой — Ж.С.).

Этой идее глубоко созвучна концепция Айтматова о «Боге-завтра», где красной нитью проходит мысль, что главное проклятье рода людского — властолюбие и жадность можно преодолеть только в сфере индивидуальной духовной жизни. Каждый человек должен справиться со своей собственной персональной алчностью. Развитие такой точки зрения требует того, чтобы все люди произвели коренную ломку в своем отношении к природе в сокровенной глубине своего собственного существования. Глубинная природа такой революции требует того, чтобы религия должна взять на себя ведущую роль в возвращении

²³ Там же, стр. 440-441.

первоначального уважения и внимания человечества к достоинству окружающей природы.

Знаменитая формула Достоевского «Если Бога нет, то все дозволено» в полной мере относится к чабану Базарбаю. Для него нет ничего святого. Ни Бог, ни Отечество, ни семья, ничего не стоят наряду, как он выражается, с «деньгой» и водкой. В пределах своих сил и возможностей ему все дозволено. Для него не существует человек, и он сам не человек, в нем заключена какая-то жуткая, нечеловеческая стихия. Вот его отношение к своей жене: «И вот ведь паскуда! Сколько бил-учил, всю жизнь в синяках ходит, оттого и прозвали Кок Турсун — Сизая Турсун, а попридержать язык свой поганый все ума не хватает.

И в этот раз, подлюга, раскричалась при геологах некстати. А ведь сколько раз, бывало, душил так, что глаза выкатывались! После давала слово не перечить — да где там! Но он нашел способ заткнуть ей глотку. Позвал в дом вроде для разговора, а как вошла, притиснул молчком к стене, лицом к лицу — из нее и дух вон; тут он и разглядел в потухшем уже, посиневшем, морщинистом лице жены, в помутневших от страха глазах всю тоску и безотрадность прожитых лет, все неудачи, и злобу на жизнь прочел он в её помертвевшем взоре, в поползшем на сторону беззубом черном рте, и противен он стал самому себе и прошипел грозно:

— У, сука, попробуй у меня вякни еще, раздавлю, как гниду! — И отшвырнул в сторону»²⁴. Базарбай постоянно идет путем зла, особенно невыносимы его злодеяния по отношению к чабану Бостону. То, что Базарбай распространял самые злые слухи о Бостоне в связи с гибелью его друга Эрназара, то, что он с парторгом Кочкорбаевым

²⁴ Айтматов Ч.Т. Плаха. — М., 2012. — Стр. 242.

препятствовал ему в осуществлении стародавней мечты об освоении пастбищ – все это не шло ни в какое сравнение с тем, что он сотворил с волчицей Акбарой. Именно он пробудил хищническую сущность волчицы, спровоцировал её на преследование, на месть. То есть именно Базарбай противопоставил самую природу против Бостона, что и неотвратно вело к гибели младенца Кенджеша. Дело в том, что он унес щенков Акбары: «хорошо заплатят – прощует!» Но по пути остановился на ночлег у Бостона. Переночевав, поехал дальше. Но волки, не обнаружив щенков в логове, по следу набрали на место Бостона – и неотступно стали там выть и бродить, ища щенков. Вой волчицы стал сводить с ума жену и отца, и малыша – и отправился Бостон к Базарбаю с просьбой продать ему щенков: возвратил бы их на место, в логово – и успокоились бы волки. Но не тут-то было: стал Базарбай куражиться: «Ты против властей идешь. Ясно! Один ты умный! Начальство требует уничтожать повсюду хищников, а ты решил волков миловать, решил размножать – так выходит? Подумай сам своей кулацкой головой! Я целый выводок извел, стало быть, большую пользу государству принес, а ты хочешь подложить их в логово. Пусть растут, пусть плодятся – так, что ли? Да еще меня подкупить хочешь!»

Бостон – человек чести и достоинства, само воплощение добра. И невольно задаешься вопросом: чем он заслужил такую невыносимо тяжелую, трагическую судьбу? Неужели сущая истина то, что начертана во всех авраамических религиях – предопределенность человеческой судьбы? «Он брел как слепой, прижимая к груди убитого им малыша за ним, вопя и причитая, брела Гулюмкан, её поддерживала под руку голосающая соседка. Бостон, оглушенный горем, ничего этого не слышал. Но вдруг оглу-

шительно, точно грохот водопада, на него обрушились звуки реального мира, и он понял, что случилось и, обратив взгляд к небу, страшно закричал:

– За что, за что ты меня покарал?!²⁵ (курсив мой – Ж.С.)

Кант писал: «В царстве целей все обладает либо ценностью, либо достоинством. Все обладающее ценностью может быть заменено чем-либо иным, ему эквивалентным; все, что, с другой стороны, выше всякой ценности и поэтому не имеет эквивалента, обладает достоинством (Основоположение к метафизике нравов) ...Ценность относительна, и все, что имеет ценность, может быть обменено на нечто, имеющее эквивалентную ценность (такова функция денег). *Напротив, достоинство (иначе говоря, честь, совесть) абсолютно, а не релятивно, и нет ничего, каким бы ценным оно ни было, что может быть обменено на достоинство или честь* (курсив мой – Ж.С.). Человек презираем другими и презирает себя, если он продает свое достоинство и честь, дабы получить богатство или социальный статус, даже спасти свою жизнь»²⁶.

Для Бостона потеря достоинства и чести – цена моральной и физической трусости. Базарбай ему – лютый, непримиримый враг, которого следует изничтожить и морально и физически. Хотя самосуд над человеком антизаконный и во всех монотеистических религиях осуждается как своеволие. Своевольное убийство даже самого последнего из людей, самого злобного из людей не разрешается ни иудаистской, ни христианской, ни мусульманской религиями.

«– Ты чего? – сказал он Бостону... – Ты чего тут? Чего так смотришь? – всполошился он, предчувствуя что-то

²⁵ Там же, стр. 348.

²⁶ Цит. по кн.: Диалог Тойнби – Икеда. – М., 1998. – Стр. 438-439.

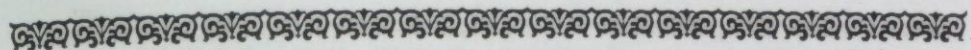
недоброе. — Опять насчет волчат, что ли? Делать тебе нечего? Попросили меня, я и написал.

— Плевать мне, что ты там написал, — мрачно бросил Бостон, не отрывая от него тяжелого взгляда. — Не до этого мне. *Я хочу тебе сказать, что ты не достоин жить на этом свете, и сам порешу тебя!* (курсив мой — Ж.С.)

...Базарбай не успел даже заслониться, как Бостон вскинул ружье и, почти не целясь, выстрелил в него.

— Вот и конец света, — сказал вслух Бостон, и ему открылась страшная истина: весь мир до сих пор заключался в нем самом и ему, этому миру, пришел конец... Это и была его великая катастрофа, это и был конец его света...²⁷

²⁷ Айтматов Ч.Т. Плаха. — М., 2012. — Стр. 350.

Глава VI.

Ч. АЙТМАТОВ И КЫРГЫЗСКИЙ НАРОД

Чингиза Айтматова нельзя себе представить вне кыргызского народа и Кыргызстана. По Айтматову люди мира узнают кыргызский народ. Пожалуй, никто другой из кыргызской интеллигенции, ни в прошлом, ни в настоящем, не был таким страстным глашатаем национального духа и национального самознания кыргызского народа, как Айтматов. Он не только мечтал, а исступленно боролся, чтобы свой народ занимал достойное место среди народов мира, его голос гордо звучал во всемирном концерте наций. Он словом и делом всячески добивался, чтобы кыргызский народ стал тем народом, который стремился к высшим идеалам, сочетал в себе национальное и универсальное, общечеловеческое, прозревал свое высокое предназначение.

В своих произведениях Чингиз Айтматов воспекает замечательные качества своего народа: бесподобное гостеприимство, крепкую семейную иерархию, то есть уважение к старшим, особенно к родителям, открытость и доброту — до наивности, и т.д. В то же время беспощадно критиковал и изображал отжившие, реакционные традиции и обычаи. В своем письме «Это ваша вина, земляки» своим аилчанам, он выражает глубокую боль и возмущение в связи с трагической судьбой Айгуль Абдалиевой, которую в 15-летнем возрасте насильно похитил Дыйканбай Биримкулов — горький пьяница, лодырь; он ничего не зарабатывал и систематически избивал жену. Асылгуль несколько раз убегала от него, и каждый раз её же род-

ственники отправляли её назад. Как-то напившись пьяным, Биримкулов зверски избил женщину на работе. Его приговорили к шести годам заключения. После тюрьмы Биримкулов снова домогался Асылгуль, и снова родственники хотели её выдать хулигану и пьянице. И Асылгуль снова вынуждена была бежать, бросить детей и бежать... Двадцать дней пряталась она в соломе на дворе у матери и, наконец, решила бежать из родного аила в город темной, буранной ночью.

Чингиз Айтматов здесь обращается к председателю колхоза, директору школы, коммунистам и аксакалам аила, обвиняя их в черствости и равнодушии к человеческим судьбам. Он пишет: «...Не единым хлебом жив человек. Я уже давно замечал, что вы в своей работе очень и очень недооцениваете духовную, идейную сторону жизни... Я знаю, не исключено, что после этого письма некоторые мои односельчане перестанут разговаривать и здороваться со мной. Что ж, их дело. Зато я знаю, что правда должна победить, и это самое главное».

Чингиз Айтматов был убежденным интернационалистом, ратовал за расцвет единой, многоязыковой исторической общности – советского народа. Вместе с тем он считал, что «интернационализм не есть замена национальных культур неким общим стереотипом, как подчас ошибочно полагают некоторые люди, а есть всемерное развитие всех национальных культур и языков на основе идейного единства всего общества. Сохранением, развитием национальной самобытности народов мы противопоставим той тотальной нивелировке, той эрозии национальных ценностей, которые, увы, еще имеют место в мире, вызывая естественную тревогу за судьбы мировой культуры»¹.

¹ Айтматов Ч.Т. Собр.соч. – Т.3. – Стр. 184.

Твердо отстаивая и защищая национальную самобытность своего народа, он в то же время далек от примитивного этнонационализма и часто ссылается на В.И.Ленина, который национализм бывших колониальных и угнетенных народов считал «защитным национализмом». Защитный национализм угнетенной малой нации своим острием направлен прежде всего против денацификации, против деградации и исчезновения таких составляющих нации как язык, религия, история и культура.

Вместе с тем, Чингиз Айтматов не мог не видеть и того, что любовь к своему народу порой пережестывает все разумные пределы. Слушаешь радио и телевидение, читаешь иные газеты – нет древнее народа, чем кыргызский, вершиной его политической истории считается Кыргызское великодержавие IX века, кочевой образ жизни преподносится как образец социального равенства и демократии. В повседневной, оперативной политике властей далеко не всегда учитывается такой основополагающий, фундаментальный фактор нашей политической жизни как многонациональный состав населения. Из системы управления постепенно выдавливаются русскоязычные кадры (это не только русские), власть обретает сегодня явный этнократический характер.

Но самое досадное и обидное то, что этнический национализм мешает народу Кыргызстана стать гражданской нацией. Этноцентризм не приемлет того, что гражданство выше и главнее этнического происхождения и что любая современная нация – государство – имеет двойственную природу: гражданскую и этническую. В результате Кыргызстан продолжает оставаться государством, в котором еще не существует гражданской нации – она так и не сформировалась из различных этнических групп и народностей, проживающих на территории республики.

В то же время титульную кыргызскую нацию раздрает внутренний раскол, линии разлома проходят и по межрегиональному, и по родоплеменному признаку. Неразбери́ха и чехарда имеют место даже в установлении памятников, переименовании улиц, увековечивании памяти деятелей прошлого. При этом часто не учитываются заслуги человека перед государством и обществом, а восславляется принадлежность к титульной нации, а также к какому-то региону, роду и племени, даже семейному клану.

Муссируется идея о будущем государственном строительстве, исходя из древнего родоплеменного деления кыргызов — «он канат» (правое крыло), «сол канат» (левое крыло), «ичкилик» (центр). Это значит, что кыргызы теперь должны делиться и по «принципу крови», то есть по генетическому признаку. Доболтались до того, что кто-то из них между собой — кровные братья, а кто-то — чужой по составу крови. Теоретизируют, что такой подход обеспечит справедливое представительство родов и племен в правящих органах власти, консолидирует власть и общество.

Между тем здесь ничего нового нет, деление этносов на три части характерно не только для кыргызов. Вспомните триединство, нашедшее отражение в геральдике разных государств. Если хотите, тройственность идет от древнейшего Шумера, Египта. Другое дело, насколько продуктивным, эффективным было такое деление для единства и развития этих государств. История человечества показывает, что ни в одном подобном государстве не было мира и согласия, распадались они в результате бесконечных распрей и раздоров.

Так, древний Шумер распался в результате активного соперничества и перманентной войны друг с другом «трайбалистов» (правое крыло) и «урбанистов» (левое крыло) за

самостоятельность каждого из них в решении экономических и социальных вопросов. Они оба отвергали необходимость централизованного государства.

Или возьмем славянскую Русь, которая делилась на Великую, Малую и Белую Русь. Испокон веков каждая из них была категорически против воссоединения в единое централизованное государство. Да и сегодня они не только очень далеки от идеи единого государства, но даже противоборствуют в разных направлениях международной и внутренней политики.

Наши казахские братья делятся на старший, средний и младший жузы, что также является существенным тормозом в деле консолидации власти, становления казахстанской гражданской нации, укрепления централизованного государства.

Разделенность на три части никогда не приносила счастья и кыргызскому народу. Систематические нападения одних племен на другие и их разорение, грабительские войны родовых кланов, захваты скота, пастбищ и т.д. — все это рудименты общественной жизни феодального прошлого кыргызов. Родоплеменная элита как «он каната», так и «сол каната», и «ичкилика» одинаково отвергала необходимость централизованного государства, стремилась иметь полную самостоятельность не только в решении экономических и социальных вопросов, но и политических. Например, предводитель сарбагышей Атакебий и предводитель племени бугу Боромбай, несмотря на то, что оба они не только представляют «он канат», но и их прародители являются единоутробными братьями, абсолютно самостоятельно приняли свои политические решения о принятии российского подданства.

Каждая эпоха имеет свои подходы к решению стоящих перед ней проблем, каждая из них принесла с собой и

положительный и отрицательный опыт урегулирования общественных и межчеловеческих отношений. И потому недопустимо рассматривать их с позиций и критериев строительства современного демократического общества.

«Новаторы» национального строительства аргументируют свои подходы опасностью раскола страны на два автономных государства – северное и южное. Эта бредовая идея существует давно, но не в головах сотен тысяч миллионов простых наших граждан, которые сегодня еле сводят концы с концами, а в головах жирующей, обнаглевшей правящей бюрократии, которая борьбу за власть превратила в своеобразную забаву. Это они вполне закономерные противоречия интересов северных и южных областей республики превращают в некие непреодолимые «страшилки». Никогда раскола государства на две части не будет. Здесь нет неразрешимого антагонизма. Кыргызстан – не Сербия и не Косово. Аналогичные проблемы существуют везде во всем мире, и они решаются где-то быстро и успешно, где-то постепенно, но непременно решаются. Вспомним, как в начале 90-х годов в России пытались создать Сибирскую и Уральскую республики. Сегодня трудности в стране преодолеваются, экономика пошла в гору, и те сепаратистские идеи напрочь забыты. В Казахстане бюрократия богатых западных областей, обладающих нефтегазовыми отраслями, не упускала случая заявить, что «мы кормим, содержим дотационные области». После того, как началось бурное социально-экономическое развитие всего Казахстана, разговоры эти также прекратились.

Реализация новых задач модернизации страны невозможна без консолидации всех диаспор, этнических групп и народностей во имя расцвета единой для всех родины – Кыргызстана. Сторонники этнического национализма,

стремящиеся разделить народ Кыргызстана на своих и чужих по признакам крови и языка, представляют сейчас несомненную опасность для самого существования кыргызского государства. Все – как кыргызы, так и другие этносы, все религии и культуры имеют равные права и возможности, согласно Конституции Кыргызской Республики, создающей демократическое, правовое, светское государство. А у кыргызов одна привилегия – ответственность перед собой и другим этносами за судьбу родной республики.

Словом, перед Кыргызстаном стоит множество различных задач. Экономические прорывы ради обретения достойного статуса, перезапуск политического процесса, который выродился в примитивную и злобную игру, пришедшую из прошлой, феодальной эпохи. Но важнее всего, серьезнее всего, величественнее и необходимее всего – задача превращения множества разрозненных этнических и социальных групп в единую общекыргызстанскую гражданскую нацию. С общими ценностями. С общей исторической судьбой.

Как известно, доминантой политики и идеологии КПСС и Советского государства был интернационализм, который, по теории марксизма, находился вне национальных проблем. Само слово «Интернационал» говорит об этом. Все время национальное пытались рассматривать всего лишь как некоторые особенности народа, с которыми надо считаться.

Существовала концепция единого советского народа как новой общности в истории человечества. Было подчеркнуто, что в ближайшие годы – не вообще когда-то, а в ближайшей обозримой перспективе – этот единый советский народ станет главным, а национальное останется на местах всего лишь некоторым «оформлением».

Советский Союз был многонациональным государством, в котором, тем не менее, русский народ считался главной, или ведущей, нацией, а русский язык был языком межнационального общения. «Есть разные уровни причастности к русской литературе, – писал корифей кыргызской литературной критики К.Асаналиев, – разная глубина постижения её философской, жизненной, художественной основы. Чингиз Айтматов, пожалуй, относится к тем редким индивидуальностям, которым столь счастливо было суждено основательно освоить великую художественную культуру. И безусловно овладеть тем мощным языковым потенциалом, на котором создавались бессмертные творения Пушкина, а затем с этим бесценным багажом вернуться к своему родному очагу, чтобы создавать подлинно национальную литературу.

Пожалуй, тут впервые возникает на почве кыргызской литературы особое художественное явление, именуемое довольно неожиданным и странным словосочетанием «двухязычие». Таким образом, художественная реализация идейно-эстетической проблемы производится как бы на стыке двух языков. В результате рождается качественно новое художественное сознание, одним из определяющих свойств которого и является общечеловеческая универсальность. По этому поводу сам Чингиз Айтматов писал: «мне думается, мы имеем дело с новым аспектом общечеловеческой культуры – ибо билингвизм стыкует разные языки, и стало быть, разные формы мышления, и стало быть, разные мироощущения, а это, как всякое явление на стыке науки и культур, создает новый уровень сознания, создает дополнительное движение, дополнительное напряжение, вне которого нет искусства»².

² Асаналиев К. Аил шекер и космос. – Бишкек, 2004. – Стр. 258-259.

Именно в этом, исторически детерминированном движении билингвизм выступает как действенная форма художественного сознания современной национальной культуры, ни в коей мере не ущемляя её исконной самобытности. В этой связи Чингиз Айтматов писал: «Двухязычие должно содействовать развитию национальных культур, но не подавлять их, ибо язык любого народа – это уникальное богатство, созданное гением народа»³ (курсив мой – Ж.С.).

Чингиз Айтматов историческую судьбу кыргызского народа прямо связывает с сохранением и развитием его родного языка, национальной культуры и традиций. Со второй половины XX века стало явственно наблюдаться, что кыргызский язык находился под угрозой исчезновения. Достаточно сказать, что в послевоенные годы в столице республике не было ни одного детского садика с кыргызским языком. Засилье ВПК в республике, особенно в столице, привело к тому, что была нарушена социальная целостность нации. До сих пор кыргызская нация остается на положении слоя, занятого в основном в сельском хозяйстве или подсобных хозяйствах. Кыргызский народ стал народом с неполной социальной структурой, что весьма болезненно отразилось в языковой жизни страны. Чингиз Айтматов не мог не видеть такую ситуацию и потому остро реагировал на неё. «Давно назрела пора открыть в столице республики, – писал он, – детские сады с кыргызским языком. Никто сему не препятствует, но никто и не занимается, а ведь это в современных условиях приобретает жизненно важное значение для народа. Что же это за национальная культура, которая не имеет своей базы?» (курсив мой – Ж.С.). Казалось бы,

³ Айтматов Ч. Собр.соч. Т.3. – Стр. 333.

все резонно и не претенциозно. Но не тут-то было. Чингиз Айтматов оказался в эпицентре яростных атак, с одной стороны, «своих» национальных нигилистов, с другой стороны, некоторых центральных газет, что — пусть негласно и неявно — было спровоцировано властями союзного центра. Главным оппонентом и центральной фигурой нападок на Айтматова стал аксакал кыргызской литературы Аалы Токомбаев, а в качестве рупора всех этих измышлений и подстав выступила газета «Комсомольская правда». В своей беседе, опубликованной в данной газете, А.Токомбаев сказал: *«Убежден: двуязычие должно быть делом сугубо добровольным, в то время как знание русского, государственного языка в масштабе всей страны уже по этой причине обязательно для всех»*⁴ (курсив мой — Ж.С.).

Если следовать этой логике, то знание кыргызского языка — дело добровольное, хочешь знай, не хочешь — не надо. Как ни парадоксально, именно Чингиз Айтматов, который на стыке двух языков — кыргызского и русского создает высокие образцы художественных произведений, обвиняется, ни больше ни меньше, в национальном эгоизме и национальной замкнутости⁵. Однако кто может оппорить то, что Чингиз Айтматов был пламенным патриотом Советского Союза, искренним и преданным другом русского народа, его великих памятников и святых, его великого языка, ему принадлежат изумительные слова о русских, которые редко кто сказал из самих российских мыслителей.

Чингиз Айтматов еще в 70-е годы прошлого века глубоко понимал, что мировое развитие сопровождается жесткой конкуренцией не только между политическими сист-

темами и экономикami, но и между культурами, особенно языками. От этой жесткой конкуренции страдают сегодня даже такие крупнейшие языки мира, как русский и китайский. В России, к примеру, за последние 20 лет арсенал русского языка не пополнился ни одним новым словом, но произошло колоссальное вторжение в него английского языка. Поразительно, но факт: в Китае распространяются еще более радикальные настроения: здесь хотят запретить преподавание иностранных языков в детских садах и начальной школе. Автор проекта — китайский депутат Линь Цзе, которая является заместителем директора Академии Конфуция, считает, что основной упор в этом возрасте должен быть сделан на обучение китайскому языку и культуре. В крупных городах чуть ли не все детсады вводят уроки английского. Но это совершенно недопустимо, — считает яростная сторонница национальной культуры. — В этом возрасте дети должны изучать только свой родной язык, литературу, историю». А преподавание иностранных языков надо вводить только в старших классах, а также снизить их долю во время выпускных экзаменов, предлагает Линь.

В Украине языковая ситуация еще острее. В этой связи председатель Верховной Рады Владимир Литвин пишет: *«Проблема языка — это проблема конкуренции, и совершенно очевидно, что будет побеждать тот язык, который конкурентоспособен. Но всех прошу понимать одно: не будет украинского языка — не будет Украины как государства»* (курсив мой — Ж.С.). Лучше не скажешь. В конце концов, язык — это и есть нация. Не кровь — как представляется радикальным националистам. Язык, культура — основа нации, её генетический код. Вопрос вопросов: как спасти, как сохранять этот свой генетический, исторический код? Сегодня в мире суще-

⁴ Там же, стр. 298.

⁵ Асаналиев К. Аил шекер и космос. — Бишкек, 2004. — Стр. 264.

ствуется от пяти до шести тысяч языков. Причем каждый месяц умирает два языка и не рождается ни один. То есть в течение года исчезают 24 языка. И, естественно, каждая уважающая себя нация борется за сохранение своего родного языка. И методы этой борьбы самые разные. Я немного поработал в Украине. Там гораздо раньше всех возникла тема противопоставления национального и общеупотребительного русского языка. Украинский радикальный национализм, как говорится, покруче любого другого. Он подкреплен историей вооруженной борьбы, длящейся на протяжении практически всего двадцатого века. 20 лет независимости помогли украинской мове укрепить свои позиции, но не очень густо. Она крепко держится только в западных областях, а в промышленных восточных и южных традиционно «работает» русский.

Опыт бывшего президента Украины Ющенко доказал ошибочность такого подхода: как известно, его радикализм поддержали всего 5 процентов избирателей. Основную массу избирателей там, как и у нас, теперь волнуют ответы на другие вопросы – вызовы. В Украине, наконец, поняли, что вопрос языков надо рассматривать, не выделяя его из контекста всей проблемы национального выживания, включающей и экономические и внешние, и внутривластные факторы.

Инициатива Чингиза Айтматова, выдвинутая еще в прошлом веке, не только утратила, а приобрела еще более острую актуальность сегодня. В Бишкеке и окружающей его чуйской агломерации, как и прежде, не хватает детских садов и школ с кыргызским языком обучения. Почти 50% детей кыргызской национальности в столице не владеют своим родным языком. А в городе сейчас более 60% населения – кыргызы. С другой стороны, в кыргызских аилах подавляющее большинство населения кыргы-

зы, а школ с русским языком обучения фактически уже нет, и десятки и сотни тысяч кыргызских ребят не владеют русским языком. Между тем, не только во всем постсоветском пространстве, но даже в Бишкеке и в других крупных городах пока только русский является рабочим, конкурентоспособным языком. Вот и мытарствуется наша кыргызская молодежь, не находя себе достойную работу, ей в России как мигрантам (гастарбайтерам) приходится снова переучиваться, привыкая к русскому языку.

Вот почему сегодня в школах, детсадах и учебных заведениях республики необходимо проводить политику билингвизма, что Чингиз Айтматов прозорливо предвидел и рекомендовал властям. Только через русский язык, на крыльях русского языка кыргызский язык обретет себе конкурентоспособную силу, займет свое достойное место среди языков мира.

Вспоминается еще одна обструкция Чингиза Айтматова, связанная с эпосом «Манас». Не находя прямых поводов для обвинения Айтматова – главного редактора эпоса при подготовке его к изданию в варианте великого манасчи С.Орозбакова, подвергается шельмованию орозбаковский текст эпоса, где якобы выражаются националистические взгляды. Организаторами этой кампании были второй секретарь ЦК Компартии Киргизии Г.Киселев и его окружение, которые народ окрестил как «северный десант». Однажды я – зав. идеологическим отделом ЦК своими глазами видел, как был вызван к Киселеву престарелый и многоуважаемый в народе поэт А.Токомбаев, и недоумевал тогда, почему Аалыке ходит не по адресу – ведь есть секретарь и отдел культуры ЦК, непосредственно рассматривающие вопросы литераторов.

Недолго заставил себя ждать очередной «продукт» киселевских интриг – письмо А.Токомбаева к руководству

ЦК по поводу эпоса «Манас». Письмо крайне архаичное и идеологизированное, написано оно было в духе очернительства «классовых врагов» 30-х годов. Возможно, мировоззрение, гражданская позиция А.Токомбаева, закаленного в годы сталинских репрессий, не изменились. Однако безнравственно то, что устаревшие взгляды пожилого, послушного коммунистическим указаниям поэта были использованы для тогдашней политической борьбы.

Как сказано, нет худа без добра. Благодаря письму А.Токомбаева в ЦК Компартии Киргизии и ответу на него писательской организации, возглавляемой тогда Чингизом Айтматовым, кыргызское национальное мышление испытало поистине революционное воздействие. Приведу ниже сокращенные тексты обоих документов, которые ярко отображают непримиримое противоборство двух идеологических позиций, двух мировоззрений, отмирающего и зарождающегося, в глубинах общественного сознания в эпоху перестройки.

Секретарям ЦК КП Киргизии
тов. Масалиеву А.М., Киселеву Г.Н.
от члена ЦК КП Киргизии
Аалы Токомбаева

«...из представленных вариантов версия Сагымбая Орозбакова изобилует событиями и фактами, которые отсутствуют во всех иных вариантах, привнесены в эпос самим сказителем, как то: завоевательные подходы Манаса на север против русских, на Кавказ, Кашгар и т.д., вплоть до Индии; и повсюду происходит насаждение мусульманства, явно выпирает панисламизм и националистические тенденции.

Даже при беглом прочтении мною были замечены... ошибки, некоторые из которых хочу привести:

Отец Манаса Жакып говорит ему:

– Пространство от Ая-Кузя
До Орол-Тоо – Уральские горы,
А между ними Сары-Арка
И Аральское море,
И Илийские степи –
Думаю, Китай нам не отдаст,
Как и земли Андижана и Кашгара.
И если мы будем оспаривать,
Придется нам, спасаясь,
Перевалить ледяные перевалы.
Так что, куда ни помотришь
Кругом неверные,
И ничего нам не остается,
Как быть настороже.

(Подстрочник. Киргизский текст:
«Манас», том 1, стр., 1978 год).

Эти строки подтверждают китайские притязания. Об этом после выхода 1 тома эпоса «Манас» я говорил на президиуме отделения общественных наук АН Киргизии, подчеркивая ошибки политического характера. Общеизвестны территориальные притязания Китая к СССР. Но присутствующие Т.Сыдыкбеков и Ч.Айтматов не только не обратили на это внимание, но и резко выступили, критикуя меня, говоря, что в эпосе такое вполне возможно и допускается.

Удивляет то, что кто-то подал идею, а кто-то разрешил. Возмущает неумеренно глупый размах спекуляции и эксплуатации эпоса, что, в конце концов, к хорошему привести не может. Да, было время, после победы Октябрьской революции мы дали имя Манаса нашему первому пароходу. Отдана была дань и культурно-эстетическая: появилась опера «Манас»

А потом словно плотину прорвало. Судите сами. Я перечислю то, что на поверхности:

1. Аэропорт «Манас»,
2. Кинотеатр «Манас»,
3. Канал «Манас»,
4. Село Манас,
5. Колхоз «Манас»,
6. Совхоз «Манас»,
7. Манасский район,
8. Папиросы «Манас»,
9. Бальзам «Манас»,
10. Конфеты «Манас»,
11. Коньяк «Манас»,
12. Карандаш «Манас»

13. Комплекс «Манас» перед филармонией им. Т.Сатылганова, люди называют – площадь Манаса.

Кстати, о комплексе. Располагать его перед филармонией имени Токтогула Сатылганова, на мой взгляд, было просто неуместно, считаю также неверным наименование площади «Ала-Тоо» перед памятником В.И.Ленина.

С коммунистическим приветом,
Аалы Токомбаев»

ОТВЕТ ТОКОМБАЕВУ

«По мнению самого А.Токомбаева, его критика носит якобы принципиальный «идеологический» характер (он всегда с этого начинается, это его старый испытанный ход – стращать всех «идеологией» к месту и не к месту). Но, строго говоря, причем тут идеология, косноязычно толкуемая в духе давно отжившей примитивной «Рапповщины» 30-х годов, и стихия древнего художественного сознания эпических бардов прошлого. Ведь никто же не

учиняет, исходя из сиюминутной конъюнктуры, «идеологические» ревизии 800-летнему «Слову о полку Игореве». Такое никому не приходит в голову. Но найдись вдруг «русский Токомбаев», обуреваемый вечной амбицией политического разоблачительства, можно себе представить, сколько бы страшных «измов», включая сюда «национализм», «славянизм» и «шовинизм», запросто обнаружил бы он в «Слове о полку Игореве». Уж он бы потряс перводрево славянской словесности! К счастью, существует зрелость русского национального мышления. «Слово...» возлюблено и выстрадано русским народом таким, какое оно есть, таким, как оно возникло в истории и сохранилось на века. К этому присоединяется и все истинные ценители художественного гения русской национальной культуры.

Начнем с того, что в образе мышления А.Токомбаева, в его неизменно левацко-погромных речах, с которыми он позволяет себе выступать публично, поражает нас прежде всего политическое невежество и неукротимое интриганство. Столкнуть кого-то с кем-то, затеять очередной «большой» шум. Так, например, достаточно одного упоминания, промелькнувшего из уст одного из персонажей эпоса, слово о Китае (Кытай), причем упоминания в форме сомнительного предположения, сводящегося к тому, а не станет ли, мол, вдруг Китай оспаривать такие-то и такие-то земельные пределы, названия которых представляют ныне интерес разве что с точки зрения этимологической расшифровки давно устаревшей туземной топонимики, как Токомбаев тут же делает неотразимый вывод о том, что эта мимолетная фраза из стародревнего сказания кочевников непременно, самым непосредственным и страшным образом повлияет на современные официальные межгосударственные устои. Осененный такой уникальной детской догадкой, Токомбаев потрясает трибуны, предвещая

чуть ли не мировую войну в масштабах чуть ли не всего восточного полушария. Караул! Китай охватит наши земли! Удивительно, что слушатели при этом еще не падают со стульев от смеха. Полноте, охолонитесь, товарищ Токомбаев, ведь вам уже немало лет...

Далее. Особенно негодует Токомбаев, усматривая опять же, ни много ни мало, а самый что ни на есть «национализм» в квадрате по поводу эпизода женитьбы Манаса на Каныкей. Здесь Токомбаева не устраивает то, что в древнем мире существовали свои богатырско-свадебные ритуалы, подчас варварские «забавы» с убийствами и погромами, в качестве демонстрации буйного мужского начала. Гнев и свирепость могли истолковываться в те времена как героический характер. Такая гиперболизация буйства и грубой силы присуща не только «Манасу», но и всей природе вселенского фольклора ранних эпох. Но и при такой конфликтной ситуации в эпосе происходит, вместе с тем, внутренняя компенсация положительных мотивов, что достигается путем воздаяния похвал справедливости и великодушию таджиков, воспевания ума и красоты таджички Каныкей, которая с этого момента становится наряду с Манасом ведущей героиней всего гигантского сказания, олицетворяя собой женскую красоту и мудрость. Через судьбу Каныкей — великой трагической матери, по значимости шекспировского масштаба, образ которой по праву может встать в ряд выдающихся фигур мирового искусства, эпос «Манас» восходит к общечеловеческим гуманистическим традициям. Вырвав из контекста сказания эпизод конфликтного сватовства, в этой сложной картине Токомбаев умудрился увидеть лишь проявление «национализма». И тут он впадает в раж. Манас величается отныне «националистом», о чем во всеуслышание твердит Токомбаев на каждом шагу. Слыхан-

ное ли дело, Манас — «националист», сказители — «националисты», и это в ту пору, когда и самих-то как таковых еще не было? ...В последнее время он усердно наводит хулу на сказителя начала века Сагымбая Орозбакова. Исходя из художественного и смыслового анализа орозбаковского варианта, редакция придерживается совершенно противоположенной концепции, той, которой придерживаются все манасоведы и киргизские писатели. И есть полная уверенность в том, что если провести своеобразный референдум среди массового киргизского читателя, то, несомненно, абсолютное признание получит Сагымбай Орозбаков. Имя Сагымбая Орозбакова — это имя гигантского сказителя, самого одаренного и всеобъемлющего по складу ума в ряду всех дошедших до нас манасчи. Вариант Орозбакова, против которого так упорно выступает Токомбаев, по сути дела является основным капиталом эпоса «Манас». С.Орозбаков — великий сын киргизского народа, которым будут гордиться еще многие поколения, и совершенно неважно, какого социального происхождения был столь уничижаемый Токомбаевым Орозбаков — ханского, манапского или бедняцкого. Граф Лев Николаевич Толстой дорог для всей мировой культуры так же, как бедный разночинец Достоевский, так же, как выходец из мещанских низов Максим Горький. Мы судим о С.Орозбакове по силе и мощи его поэзии, величию его творений. И, к слову сказать, Вам бы, товарищ Токомбаев, сделать для культуры своего народа столько, сколько сделал Сагымбай Орозбаков»⁶. (Написано от имени писательской организации, но нетрудно видеть, что слог и стиль мышления здесь чисто айтматовские).

⁶ Сааданбеков Ж. Сумерки авторитаризма: закат или рассвет? — Киев, 2000. — Стр. 299-306.

Официальная идеология КПСС утверждала, что национальные проблемы в СССР решены полностью и окончательно. Напротив, такие оппоненты КПСС, как А.Солженицын, заявляли: национальная рознь внутри Союза «возросла десятикратно», по сравнению с царской Россией. Как сегодня видим, серьезно ошибались и те, и другие. Да, в Прибалтике и Западной Украине, отчасти в Грузии существовал антирусский, или антироссийский, национализм. Они первыми поставили вопрос об отделении от СССР. Но в других республиках, в частности, в республиках Центральной Азии не было национализма, направленного против русских как нации. Требования появившихся здесь националистических движений не шли тогда дальше требований о расширении хозяйственной самостоятельности в рамках единого государства. На референдуме за сохранение Союза ССР проголосовало почти более 98 процентов населения. Другое дело, что в ходе крайне неудачной перестройки Горбачева нарастали недовольство и напряженность, начались митинги и шествия протеста. Во времена Горбачева и простые граждане, и региональные руководители были крайне недовольны полной бездеятельностью Центра, которая толкала республики на выполнение требований суверенитета.

Чрезвычайно опасным для единства Союза оказался и быстро развившийся и непонятный для многих из нас российский сепаратизм. Еще в июне 1989 г. писатель В.Распутин, выступая на первом съезде народных депутатов, говорил: «Никогда еще со времен войны державная прочность не подвергалась таким потрясениям и испытаниям, как сегодня. Мы, россияне, с уважением и пониманием относимся к национальным чувствам и проблемам всех без исключения народов и народностей нашей страны. Но мы хотим, чтобы понимали и нас. Шовинизм и

слепая гордыня русских – это выдумка тех, кто играет на наших национальных чувствах, уважаемые братья. Но играют, надо сказать, очень умело. Русофобия распространилась в Прибалтике, в Грузии, она проникает и в другие республики, в одни меньше, в другие больше, но заметна почти всюду. Антисоветские лозунги соединяются с антирусскими. Здесь хорошо заметна попытка прибалтийских депутатов, добивающихся внесения в Конституцию поправок, которые позволили бы им распрощаться с этой страной. Не мне давать в этих случаях совета. Вы, разумеется, согласно закону и совести распорядитесь сами своей судьбой. Но, по русской привычке бросаться на помощь, я размышляю: а может быть, России выйти из состава Союза, если во всех бедах вы обвиняете её слабость и неуклюжесть, что отягощают ваши прогрессивные устремления? Может, так лучше? Это, кстати, помогло бы нам в России лучше решить многие проблемы как настоящие, так и будущие»⁷.

«Российский сепаратизм, – справедливо пишет Р.Медведев, – это явление новое и неожиданное, но именно это движение стало одной из главных сил, разрушивших Советский Союз, который создавался и строился вокруг РСФСР как вокруг своей основы и фактической метрополии»⁸. Надо добавить, что неудача идей и проектов перестройки, экономический и финансовый кризис в стране, упадок политической воли и паралич власти в союзных центрах и в ЦК КПСС привели к росту национализма и сепаратизма. Особо роковую роль в разгорании межнациональных конфликтов сыграло неумелое, ошибочное руководство этими процессами лично Горбачевым М.С.

⁷ Цит. по кн.: Медведев Р. Советский Союз. – 2010. – Стр. 591-592.

⁸ Медведев Р. Советский Союз. – 2010. – Стр. 592-593.

Многообразие и сложность национальных проблем требовали новых ответов на старые и новые вопросы, последовательности в осуществлении этой политики. Партийно-советские способы «решения национального вопроса» оказались не применимыми. А где и применялись, то оборачивались они дестабилизацией ситуации и крупномасштабными потрясениями.

К примеру, события в Алма-Ате фактически были спровоцированы Центром, Политбюро ЦК КПСС. Да, высокомерное и недоверчивое отношение Центра к республикам закладывалось со времен Сталина и имело место всегда, проявляясь по-разному, в зависимости от личности первого руководителя государства. Одним из практических воплощений этого недоверия был институт вторых секретарей ЦК союзных республик, которые отбирались и назначались Политбюро ЦК КПСС. Это — наместники, доверенные лица ЦК, фактически контролирующие положение в республиках. Характерно, что они, как правило, рекрутировались из русских, прошедших школу в центральных партийных и государственных аппаратах. А Горбачев «переплюнул» даже самого Сталина, выдвинув на пост первого секретаря ЦК компартии Казахстана Г. Колбина, в общем-то, малоизвестного в партии и стране, посредственных способностей и опять-таки русского по происхождению человека. Выдвинул его вместо Д. Кунаева, который более четверти века возглавлял Казахстан, в определенной мере олицетворял национальное самосознание и достоинство казахской нации, имел огромный, непререкаемый авторитет среди народов республики. И неудивительно, что большинство населения Казахстана восприняло это как оскорбление национальной чести казахов, и начались известные волнения. Для подавления беспорядков были применены внутренние войска и так

называемые рабочие отряды, сформированные только из русских. В те дни дело дошло до того, что во многих воинских частях Центральной Азии изолировали и держали отдельно в спецбараках солдат и офицеров казахской, киргизской, узбекской и туркменской национальностей.

Позже, во время сумгаитских событий в Политбюро состоялся весьма любопытный разговор, раскрывающий партийно-советские механизмы «решения национального вопроса». На Политбюро возник спор: вводить ли в Сумгаите комендантский час и фактически объявлять город на чрезвычайном положении? На этом настаивал Разумовский. Язов колебался: «Если вводить комендантский час, значит, войска получают право открывать огонь». Правда, он склонялся к тому, что комендантский час нужен.

Горбачев, как всегда, пытался найти некий компромисс. Его предложение выглядело следующим образом: «Оружие наготове иметь, но не стрелять. А то начнут подстреливать этих блуждающих».

Язов. Дадим оружие без патронов, потом будет идти бронетранспортер с патронами изолированно. Это сделаем, организуем.

Горбачев. Патроны отдельно.

Язов. Если разрешите, то я даю такое указание. Члены Политбюро. Согласны...»

В этой ситуации Горбачев вспомнил о разрешении недавнего конфликта в Алма-Ате.

Ему отвечал Соломенцев: «Реакция другая, когда, Михаил Сергеевич, стоит ряд военных, а тут ряд-два рабочего класса, знаете, совсем другая обстановка. В Алма-Ате экстремистов и хулиганов сдержали рабочие отряды. В ночь, когда по Вашему поручению прилетел в Алма-Ату, мы собрали в три часа ночи республиканский актив, а к пяти часам утра сформировали рабочие отряды, и они

сдержали этих националистов». Его поддержал заместитель заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК Разумов: «В Алма-Ате все решил рабочий класс. Там была другая обстановка, толпу сдержали отряды рабочих, в основном русских» (выделено мной. — Ж. С.).

Надо ли доказывать, какую «добрую услугу» оказывали эти политики русскому народу, действуя за его спиной и от его имени в своих неблагоприятных целях. Задолго до назначения Колбина и после в центральной прессе, особенно в партийной, настойчиво проводилась мысль о том, что в республике коренная казахская нация составляет меньшинство и поэтому, мол, ее «претензии» на национальную самостоятельность неуместны. Не исключено, что решение вопроса по Колбину принято на основе и этой мотивировки.

В то же время, как уже говорилось, параллельно подвергался жестокой атаке соседний Узбекистан. Политические брожения усилились среди депортированных крымских татар, большинство которых проживало в этой республике. Расширилось движение немцев за автономию. Отсюда родилось, пожалуй, полное горечи выступление писателя Ч.АЙТМАТОВА на I съезде народных депутатов СССР:

«Суверенные права социалистической республики не должны обходить и Казахстан. Не следует делать из этой республики исключение из правил, ибо казахский народ — один из древнейших этносов этого края — не повинен в том, что стране нужен был хлеб и необходимо было осуществить многомиллионное переселение из европейской части на целинные земли, что отрицательно сказалось на процентном соотношении прибывшего и коренного населения. А теперь при каждом удобном случае коренной

народ ставят в угол и напоминают ему его место. (Аплодисменты.)

Закон, Конституция должны охранять культурную самобытность каждого народа, учитывая, что коренные народы, например Средней Азии, в том числе и казахский, не имеют собственных этнических аналогов за пределами своих регионов, чтобы полагать теоретически, что если не здесь, то где-то в другом месте, за рубежом, сохраняется язык и культура данной нации.

Каждый народ уникален сам по себе. Наша печать и телевидение допускают, на мой взгляд, бестактность и по отношению к узбекскому народу, когда постоянно смакуют в усладу обывателям понятие так называемого «узбекского дела». При чем тут узбеки? За что такое оскорбление? За то, что этот уникально трудолюбивый народ положил свою жизнь на такое неблагодарное дело, как выращивание хлопка? За то, что десятилетиями хлопок служит, помимо всего прочего, одной из главных статей в получении чистой валюты в казну государства? Если есть организованная преступность в тех или иных местах, то пусть занимается этим правосудие, не задевая национальной чести народа. (Аплодисменты.)

То же самое мне хочется сказать и в защиту крымских татар. До каких пор мы будем избегать решения этой трагической вопиющей народной судьбы? И при таком положении вещей наши средства массовой информации продолжают изображать дело таким образом (в частности ТАСС), что этот народ якобы чуть ли не заслуживает именно такой бесчеловечной, геноцидной акции, имевшей место. Это абсурд. По какому праву формируется такое мнение, выносятся суд над целым народом? Кто облечен таким правом? Даже Господь Бог не имеет такого права. Разве в годы войны только среди крымских татар обнару-

жились предатели и перебежчики, а другие народы остались непорочными? Такого не бывает. Война есть война. Это – борьба, это – героизм и страдания, это – хаос и жестокости. Это – плен и предательство. Это – победы и поражения. И все это может коснуться любого народа, и к этому следует нам относиться диалектически, не унижая достоинства целой нации. (Аплодисменты.)

Не могу не сказать и о несправедливости по отношению к немецкому населению нашей страны, которая имеет место по сей день. Изгнанные, разбросанные, униженные в годы войны, они до сих пор терпят политическую дискриминацию. Культурная и административная автономия советских немцев могла бы послужить не только им самим, но и всем нам. Не сомневаюсь, что немецкая автономия будет образцовой для всех нас. (Аплодисменты.)

Давайте же сделаем выводы из нашего страшного прошлого, чтобы такое не повторилось в будущем. Необходимо выработать конституционные гарантии категорической неприкосновенности народов как этнического целого, категорической недопустимости депортации народов по каким бы то ни было политическим, государственным, расовым причинам и мотивам во имя равной для всех справедливости. Место каждого народа должно быть там, где он исторически произрос»⁹.

Эта нелюбимая и очень смелая критика для того времени в адрес высшего руководства КПСС и советского государства высказана была неспроста. Он хорошо знал, что в истории многонационального Советского Союза его высшее политическое руководство неоднократно применяло грубую силу и принимало абсолютно неуместные решения национального вопроса, зачастую руководству-

⁹ Цит. по кн.: Сааданбеков Ж. Сумерки авторитаризма: закат или рассвет? – Киев, 2000. – Стр. 293-295.

ясь принципом революционной целесообразности. В результате чего прерывался процесс эволюционного формирования наций – этносов, в систему национальных отношений вносились элементы неравенства и насильственной ассимиляции, несправедливости и дискриминации вплоть до преследования народов и граждан по национальному признаку.

Глубокую озабоченность и тревогу Айтматова вызвали обвальная политизация этнонациональных отношений внутри республики. Он считал, что за сохранение политической стабильности и развитие атмосферы доверия и дружбы в обществе главную ответственность несет титульная, нациообразующая нация, то есть кыргызский народ. В дни ошских событий он там, на месте и прямо возложил вину на местную кыргызскую этнонациональную элиту. Это, к сожалению, не пробудило у нее чувства ответственности, а напротив – обиду и негодование.

Трагический конфликт между кыргызами и узбеками произошел второй раз, уже после смерти Айтматова, в 2010 году, унеся жизни тысяч людей, разрушая и сжигая материальные ценности на миллионы сомов. Причины, в основном, те же, старые, но еще более обостренные и углубленные. Но одно неоспоримо новое – это то, что для противоборствующих этнополитических кланов обеих сторон межнациональный конфликт стал эффективным методом и способом своего приобщения к процессу перераспределения власти и собственности.

Чингиз Айтматов не раз в своих выступлениях подчеркивал решающую роль книг, литературы и искусства, средств массовой информации, особенно кыргызоязычных, в формировании единой гражданской нации в республике. Не случайно он на этом настаивал, ибо глубоко изучал и знал историю этого вопроса. Так, распространение в

Европе в XVIII-XIX веках «печатных языков» в форме светских книг и газет заложило основу «национального сознания», распространяясь по схеме «центр – периферия». Общая для всех культура и информация, созданная литераторами, художниками и учеными доминирующего этноса, шаг за шагом охватывала всю территорию стран Западной Европы, постепенно превращая их в полиэтническое, мультикультурное население (гасконцев, бретонцев, валлийцев и т.д.), в некое культурно гомогенное целое – людей, принадлежащих к одному языку, к одной нации. Как писал Андерсен, тюрьма, топор и гильотина использовались в XVIII столетии как важные средства национальной интеграции. Но по-настоящему государство взяло на себя роль объединителя нации лишь в XIX веке, когда массовое и светское начальное образование стало нормой в большинстве западноевропейских стран. С разной степенью интенсивности аналогичные процессы аккультурации, важными факторами интенсификации которых были сначала печатные СМИ, а затем радио и телевидение, происходили во всем цивилизованном мире. Британский ученый Хосбаум замечательно объяснил, что без книг и журналистов не было бы наций, и настаивал на том, что итальянцы стали нацией вовсе не в XIX веке, а только тогда, когда у них появилось телевидение.

В этом свете на юге Кыргызстана сложилась весьма парадоксальная ситуация. Узбеки и кыргызы веками живут вместе, им принадлежит общее государство, общая территория, общая собственность – земля, вода и другие ресурсы. Они имеют одинаковые политические права. Но в то же время не только в городах, но и в селах юга существует густая сеть школ, культурно-просветительских учреждений, учебники по всем предметам на узбекском языке, изданные в Узбекистане. В городах Оше и

Жалал-Абаде имеются узбекские драматический театр и филармония, узбекский университет. И, самое удивительное, издавна в Ошской области существует узбекское телевидение. Разве возможно, к примеру, в ФРГ открыть турецкое телевидение или хотя бы одну турецкую школу в Германии? А ведь там живут, укоренились и имеют немецкое гражданство миллионы турок. Таким образом, на юге Кыргызстана получается какая-то своеобразная культурная автономия узбекского населения, что почти не практикуется в унитарных государствах. Получается, что существуют две культуры, два разных менталитета и идентичности. И посему пока не может быть и речи о формировании здесь некоей единой гражданской нации. Хуже того, среди узбекской этнонациональной диаспоры имеют место сепаратистские настроения, что подпитываются следующими мощными объективными факторами.

Первый – это демографический фактор. Впервые за всю многотысячелетнюю историю кыргызы на собственной территории могут превратиться в этническое меньшинство. Как показали многие экспертные исследования, в результате массовой миграции, высокой смертности как среди взрослых, так среди и детей, сокращения рождаемости, на юге республики сегодня реально осталось только чуть более миллиона кыргызов. В то же время поступательно нарастает численность узбеков, которые через считанные годы перейдут миллионный рубеж. И происходит это на фоне демографического взрыва в соседнем Узбекистане. Если лишь 15 лет назад население Узбекистана составляло 18 млн. человек, то сегодня – 26 миллионов! А уменьшение титульной кыргызской нации происходит катастрофическими темпами, продолжается массовый выезд южного кыргызского населения, что связано в основном с поиском более высокооплачиваемой работы и мест с более высоким уровнем жизни.

Второй фактор – это соседство Кыргызстана и Узбекистана, абсолютно несопоставимых ни в экономическом, ни в демографическом плане. Плотность населения в Узбекистане превышает 450 человек на 1 кв. км, ежегодно оно увеличивается на 500 тыс. человек. Только в Андижанской области Узбекистана проживает более 2 млн. 400 тыс. человек, а ее территория меньше самой маленькой области Кыргызстана – Таласской.

В то же время отток населения из Кыргызстана приводит к изменениям половозрастной и социальной структуры населения, снижается рождаемость, поскольку в миграции участвует преимущественно молодое население от 18 до 50 лет. В результате, например, в Баткенской области остаются, в основном, старики и школьники. По данным некоторых независимых экспертных источников в данной области проживает всего около 200 тыс. человек, вместо обозначенных в официальных статистических документах 400 тыс. человек. Повсюду в области наблюдаются заброшенные, заросшие бурьяном пахотные земли, заколоченные дома, которые самовольно и при попустительстве местных властей захватываются таджиками и узбеками. Свидетельство тому – последние столкновения между кыргызами и таджиками из-за спорной земли.

Между тем, в центрально-азиатском регионе демографические и ресурсные проблемы встают во всей катастрофической остроте. Так, в Узбекистане для нормальной жизни пригодно не более половины территории. Если вычтешь хлопковые и иные сельскохозяйственные угодья, земли, занятые промышленной и административной инфраструктурой, и территории, утраченные в результате солевой эрозии в связи с высыханием Аральского моря, то на долю «жизненного пространства» узбеков в прямом смысле остались лишь перенаселенные Ферганская и Зеравшанская долины, где плотность населения достигает

500-600 человек на 1 кв. километр (большая плотность населения, чем в Ферганской долине, в мире зарегистрирована только на юге Китая). В пересчете на 100 человек населения здесь приходится 129 гектаров, при этом 80% угодий отведены под пастбища, остаток узбекской пашни еще на 40% занят хлопком. В итоге на хлеб у Узбекистана остается лишь 0,6 млн. га под пшеницей, 0,3 млн. га под ячменем, 0,1 млн. га под кукурузой, а совокупное производство зерновых на душу населения – чуть более 100 кг. Далее из зернового клина в 1 млн. га примерно половину занимают богарные (неполивные) земли, где средняя урожайность составляет около 6-8 центнеров с гектара.

В точных цифрах: занимая 11% территории Центральной Азии, республика Узбекистан представляет почти 50% населения региона. Избыток трудовых ресурсов принимает угрожающие масштабы. Еще в 1990 году тогда еще первый секретарь ЦК КП Узбекистана И.Каримов признавал, что в республике имеется около миллиона «лишних рук» (факты и цифры, использованные в тексте, относятся к началу 2000 года).

Короче говоря, у Узбекистана внутренних своих проблем, как говорится, по горло, и он даже не помышляет о том, чтобы заниматься проблемами узбеков Кыргызстана. Когда узбекские беженцы хлынули в 2010 году в Андижанскую область, их продержали 2-3 дня и отправили обратно. Это результат мудрости президента РУ А.И.Каримова, который дальновидно просчитал, что любое вмешательство в этот конфликт нанесет непоправимый вред устоявшимся вековым традициям братства двух народов. К чему все это я говорю: у нашего брата – южного узбека имеет место душевное раздвоение, у него как бы есть две Родины. Это пустая иллюзия. Кыргызский узбек никак и никогда не приживется в Узбекистане, что, надеюсь, он осознал после конфликта 2010 года. Наш узбек состоится

как личность, как патриот только в своем родном Кыргызстане.

Чингиз Айтматов очень болезненно воспринял распад СССР, воспринял как трагедию. Уже через год-другой после распада Союза, когда для всех возникших на постсоветском пространстве независимых республик стала очевидной необходимость создания собственных спецслужб, своих таможен, своей дипломатии и еще десятков систем и учреждений, которые по определению должно иметь каждое независимое государство, для многих стало очевидно, что в общем союзном государстве простым людям жить было легче и безопаснее. Помнится, в одной нашей беседе в Алматы он говорил мне: в какой из республик Средней Азии народы стали жить лучше после распада СССР? Что выиграли в условиях независимости простые граждане Кыргызстана и Таджикистана? Посмотри, даже на поддержание национальной культуры, языка и образования у нас в Кыргызстане не могут найти достаточных средств, и эта культура не развивается, а деградирует. И он доказывал мне необходимость интеграции постсоветского пространства на более высоком качественном уровне, чем аморфный СНГ. 19 февраля 2003 года Чингиз Айтматов принимал участие в философской беседе известного журналиста Виталия Третьякова на российском канале «Культура». В беседе также принял участие Президент Казахстана Н.Назарбаев.

Вот глубоко компетентное по данной проблеме выступление Чингиза Айтматова:

«Меня очень удовлетворяет, что первоначально мы все высказались и наши мнения и толкования концепции евразийства оказались очень близки. И уже вырисовывается то, что было, и почему это произошло, и почему эта идея должна была пройти свой путь испытаний. Нурсултан Абишевич очень точно её сформулировал и преподнес

нам. Мне хотелось бы сказать, что сейчас многие склонны думать: надо вернуться к этой интеграционной концепции евразийства, отметив тот очень непростой опыт суверенности наших стран, который мы обрели за последнее время, а также то, что перспектива все-таки состоит в нашем объединении. Не надо заранее волноваться, что снова возникнет Советский Союз, — это вовсе не та модель. Я поддерживаю мысль Нурсултана Абишевича о том, что есть модель, которую бы мы могли взять как схему. Это Европейский Союз.

Мне думается, что европейская модель — наивысшее достижение истории человечества. Хотите — соглашайтесь, хотите — нет. Вот так бы всем взаимодействовать, так бы всем понимать друг друга, как сейчас происходит в Европейском Союзе, в Европе. И, может быть, прошедшее десятилетие уже действительно создало определенную основу для того, чтобы об этом говорить вслух. Когда-то это была утопия, мечта. Сейчас — нет. Если мы соберемся, поставив такие цели и задачи перед собой, то это свершится и благотворно скажется на каждой стране в отдельности.

Полвека прошло со времен второй мировой войны, и в Европе уже налажена жизнь, каждое государство здесь имеет своей национальный статус, язык, культуру. Есть и границы, но их переход фактически незаметен. Большие удобства принесло введение единой валюты евро¹⁰.

Сегодня мечты Чингиза Айтматова об интеграции постсоветского пространства сбываются. Создано Евразийское экономическое сообщество, благодаря эффективности которого только за первые восемь лет существования ЕврАзЭС взаимный товарооборот достиг 123 миллиардов

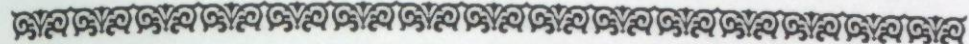
¹⁰ Цит. по кн.: Сааданбеков Ж. Нурсултан Назарбаев: закаты лидерства. — Астана, 2005. — Стр. 463.

долларов, или увеличился более чем в 4 раза. Это дало возможность главам государств – членов Сообщества принять решение о создании Таможенного союза. Интеграция стран Сообщества ведется с учетом трудностей и проблем, которые им приходится преодолевать. Уже в октябре-ноябре 2011 года лидеры России, Казахстана и Беларуси выступили с программой о создании в перспективе Евразийского экономического союза (ЕЭС).

Так, по мнению Президента России Владимира Путина: «Мы объективно подошли к тому, чтобы серьезно модернизировать принципы нашего партнерства ...и сконцентрировали свое внимание, прежде всего, на торговых и производственных связях. По сути, речь идет о превращении интеграции в привлекательный для граждан и бизнеса, устойчивый и долгосрочный проект, не зависящий от перепадов текущей политической и любой иной конъюнктуры. Замечу, что именно такая задача ставилась при создании в 2000 году ЕврАзЭС. И, в конечном счете, именно логика тесного, взаимовыгодного сотрудничества, понимание общности стратегических национальных интересов привели Россию, Белоруссию и Казахстан к формированию Таможенного союза и ЕЭП... Убежден, создание Евразийского союза, эффективная интеграция – это тот путь, который позволит его участникам занять достойное место в сложном мире XXI века»¹¹.

Последовательная трансформация Таможенного Союза в Единое экономическое пространство, а со временем и в Евразийский экономический союз станет мощным стимулом для процветания наших народов, выведет наши страны на ведущие позиции в глобальном мире, в состав которого уже к 2014 году собирается войти и Кыргызская Республика.

¹¹ Мансуров Т. Как рождается новая Евразия / Российская газета, 30.11.2012.

Глава VII.

ТРАГИЗМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ В ЭПОХУ РЫНКА И ДЕМОКРАТИИ

Само название последнего романа Чингиза Айтматова «Когда падают горы» отражает трагизм и катастрофический характер слома советской системы «через колено», без учета менталитета, культуры и образа жизни народов, миллионами населяющими территорию бывшего СССР. Подобно тому, как горы падают, или рушатся, при землетрясениях, термоядерных взрывах и других природных катаклизмах, падают империи и государства, короли и президенты, авторитеты и нравы людей при социальных революционных потрясениях. Так, Кыргызстан, только после двух-трех лет «шоковой терапии» 80-90-х годов прошлого века оказался в руинах поистине социальной катастрофы. Более чем пятикратное снижение реальных доходов населения при резко возросшем имущественном расслоении предельно обострило социальную ситуацию в стране. Доходы лишь 3-5% олигархического, богатого слоя людей в 15-20 раз превышали доходы остального населения, а его десятая часть вообще оказалась за порогом физического выживания. В результате общество стремительно вошло в зону потенциальных социальных конфликтов. Рушились нравственные устои общества, социальные ценности, надежды. Произошла массовая маргинализация населения, резко возросло число нищих, бомжей, алкоголиков, наркоманов, проституток, все больше рождалось неполноценных детей. Появилась масса заброшенных детей и стариков. Страна опуталась сетью органи-

зованной преступности, теневой экономики и коррупции. С социально-экономической точки зрения это было не шагом вперед, а отбрасыванием страны минимум на 50-70 лет назад, к эпохе примитивного «дикого» капитализма. К нашему общему несчастью, эти трагические тенденции сохраняются по сей день, нередко даже углубляются и обостряются.

Главный герой романа Арсен Саманчин – представитель кыргызской национальной интеллигенции, и через его трагическую судьбу автор показывает, какой сокрушительный удар был нанесен «диким» капитализмом престижу и авторитету бывшей советской интеллигенции. В 90-е годы прошлого века её основная масса оказалась брошенной в общее горнило рыночных реформ, мытарствуя вместе с остальным народом, вливаясь в ряды челноков, мелкого и среднего бизнеса. Особенно пострадала интеллигенция массовых профессий: врачи, ИТР и учителя. Между тем, нация может потерять материально-технические, экономические, трудовые и другие ресурсы, даже территорию, как евреи, которые, потеряв её более двух тысяч лет назад, вновь обрели лишь в 1947 году. Но нация сохранится как нация, если сумеет сбросить и приумножить свои интеллектуальные, мозговые ресурсы, то есть интеллигенцию. Утрата интеллигенции – это большая трагедия для любого народа, которому приходится пережить такое.

Чингиз Айтматов еще до рыночных реформ, еще до наступления демократических процессов, особенно остро воспринимал проблему интеллигенции, особенно учителей, придавая первостепенное значение их роли в обучении и воспитании молодого поколения и будущей судьбы страны. «...А для того, чтобы воспитать такое поколение, – писал Чингиз Айтматов, – мы должны вернуть профес-

сии учителя её прежний, высокий авторитет. Вспоминаю, каким был учитель в мои школьные годы – фигура значительная по большому счету, уважаемый человек, мудрец, помощник, советчик, его мнение становилось главным не только в вопросах обучения и воспитания детей, но именно к нему обращались, когда нужно было решить серьезную жизненную проблему. Не боюсь сказать – это был своего рода культ. Думается, что всем надо хорошо подумать о том, как возродить непререкаемый авторитет учителя.

Отмечу еще один, на мой взгляд, небезынтересный парадокс: если мои учителя, безусловно, уступали нынешним педагогам по образовательному уровню, то в отношении нравственных качеств я вижу их стоящими куда выше.

Почему произошла некая нравственная переоценка этой профессии? Ведь современные педагоги эрудированнее, у всех высшее образование. Видимо, дело в том, что возрос и общий культурный уровень населения. Если раньше учитель был олицетворением знания и интеллигентности, то сейчас он на общем фоне почти не выделяется. А учитель должен быть по-прежнему в авангарде нашей культуры, и я вижу необходимость подумать о серьезном изменении программы педагогических вузов»¹.

В тяжелом положении оказались также ученые, преподаватели вузов, писатели, артисты и т.д. Вот Арсен Саманчин журналист, представитель, так сказать «четвертой власти», всесторонне развитый, меломан, когда-то летал в «одной стае» даже с Горбачевым. «И всех звал к своей исчезнувшей ныне, не потянувшей рыночной лямки газете «Руханият» духовностью обновить социализм.

¹ Айтматов Ч.Т. Собр. соч. – Т.3. – Стр. 243.

И вот уже нет ни Горбачева, ни Стаин, а он, заблудившийся журавль, продолжает курлыкать о свободе духа, о музыке...

...Вот он сидит и любит публичку шикарнейшего ресторана, ждет выхода на сцену любимой женщины – певицы, которая предала его любовь олигарху Эрташу Курчулу. К нему подходит шеф-директор ресторана и говорит: «Да, вас многие знают, вы известный человек, но об этом как-нибудь в другой раз. Я к вам по другому делу... Не буду кривить душой, вот только что позвонили, поступило указание, чтобы Арсен Саманчин сегодня не присутствовал в зале». Осененный молниеносной догадкой, он подавил в себе взрыв эмоций, не от избытка самообладания, а от ощущения, будто его послали в нокаут, будто перед ним разом рухнуло подрубленное дерево, и почва под ногами с грохотом сотряслась. И эту сокрушительную катастрофу в нем произвела всего лишь одна мысль: «Неужели это она? Неужели она пошла на такое?»

– ...Эй, ты! – он окликнул Ошондою (это кличка шеф-директора) и, когда тот обернулся, злобно бросил ему в лицо: – Ты не думай, что погнал меня в шею – и все! Я этого так не оставлю! У меня тоже есть свои ресурсы. Я журналист, независимый журналист! Запомни!

Это словно подстегнуло Ошондою:

– Что тут запоминать? Подумаешь, нашелся. Да плевать мне, кто ты! От тебя уже женщины шарахаются, метут на сторону.

– А тебе какое дело?

– А такое, что знай свою мусорку. *Журналисты теперь – что свиньи в стойле: как накормишь, так и хрюкают, что в газетах, что на телевидении. Нашелся тоже мне! Если ты через пять минут не провалишь отсюда, пеняй, гад, на себя... У нас есть силы. Все! Больше ни*

слова! (курсив мой – Ж.С.) ... Теперь, стоя, у окна, бессмысленно взирая в дворовую темень, припомнил Арсен Саманчин тот разговор и подумалось ему: вот так, уважаемый «кафедральный выходец», сегодня ты получил еще один «сладкий» урок жизни². Эти алармистские настроения, являются не только настроением Арсена Саманчина. Это – голос всей униженной и оскорбленной части интеллигенции.

В Советском Союзе, как известно, интеллигенция была канонизирована и считалась аристократией духа, а партийно-хозяйственная бюрократия выступала как правящая элита. Её называли и номенклатурой, которая показала, что она очень даже умеет, когда ей выгодно, с новой властью сосуществовать и её обслуживать. Она фактически слилась с властью, став одним из отрядов новой правящей олигархически-бюрократической власти. Если ее считать элитой, то Чингиз Торекулович перевернулся бы в могиле. Ведь элита, по-французски, – лучшие представители общества. В каждом секторе общественной жизни, а также в масштабе всей страны есть люди, которые оказывают мощное влияние на общество не потому, что занимают какую-то должность, имеют какие-то звания, ученые степени или другие регалии, а потому, что они ни при каких обстоятельствах не уронили свою честь и совесть, являлись носителями высших жизненных ценностей и принципов, высшего интеллекта и духа. Русский писатель Ефимов называет таких людей высоковольтными, ученый Гумилев называл их пассионариями. Великие мудрецы прошлого Калыгул, Арстанбек, Молдо Кылыч и др. не были ни ханами, ни генералами, но их влияние на общество было огромное.

² Айтматов Ч.Т. Когда падают горы (Вечная невеста). – Бишкек, 2012. – Стр. 18-34.

Элита классифицируется как «политическая элита», «научно-творческая элита», «военная элита», «спортивная элита» и т.д. И каждая из них имеет свою предысторию, свое базисное сословие, откуда они произошли. Так, современная политическая элита зародилась на базе советской административно-политической номенклатуры, которая выступала в качестве элиты. В раннесоветский период она поистине была инициатором прогрессивных изменений, проводником таких грандиозных модернизаций, как индустриализация и коллективизация, которые по своей значимости не имеет аналогов в мире. Эта когорта политической элиты зародилась во многом благодаря тому, что Сталин, следуя идеям Петра Первого, продвигал людей по иерархической лестнице не по принципу знатности происхождения, а по принципу личной доблести и служебной заслуги. Чем более значимы заслуги перед государством, тем выше получаемая за заслуги должность и выше зарплата. Новый правящий слой, формируемый Сталиным, был связан исключительно с государством и службой. Зарплата сталинских наркомов отличалась от средней по стране на порядки. Столь же значительным был разрыв и в сферах науки, культуры, образования.

Можно сказать, что в этом плане социально-экономические реформы 90-х годов стали революцией даже более глубокой, чем та, что произошла в 1917 году. Потому что тогда на смену царской бюрократии пришла советская номенклатура, формировавшаяся по тому же принципу «привилегии за службу».

Сегодня правящая бюрократия уже не является безраздельно доминирующей политической элитой, как это было в СССР. Раньше в Советском Союзе власть и бизнес были жестко противостоящими друг другу сферами общественной жизни.

Теперь же происходит коммерциализация власти, то есть податное, торгово-финансовое сословие захватило ключевые управленческие функции. Идет жестокая конкуренция за власть между соперничающими торгово-финансовыми, региональными и семейными кланами. Еще с того дня, когда коррупция дошла до «седьмого этажа Белого Дома», власть превратилась в товар, она продается и покупается. Новая порода коммерсантов рядится и в мундиры силовиков, и в костюмы актеров, и в халаты мулл и т.д. Они рассматривают государственную должность как собственный бизнес, как доходное место. И не удивительно, что подбор кадров сегодня поставлен с ног на голову.

В этой связи примечательны размышления А.Саманчина: «Речь идет об общей неотвратимой тенденции — стремлению к богатству и власти. Причем не важно, напрямую владеть властью или иметь возможность купить её, и то и другие сойдет. Я пытался сказать, что для власти нужно богатство, как для дыхания воздух, а богатство требует власти опять же как дыхание — воздуха. Так устроено в жизни. Власть и богатство друг без друга не могут обходиться, а опасность хронической тяги через богатство к властолюбию и наоборот в том как раз и состоит, что цель здесь достигается любым способом и во что бы то ни стало. И тут уж что кому на роду написано: «Кто-то усладу найдет, кто-то с проклятием в могилу уйдет»³.

Формируется своеобразная субкультура, между членами которой выстраиваются коррупционные связи, кумовство, круговая порука. Будь ты хоть золотым лбом по своим человеческим качествам и по талантам, но если твои

³ Там же, стр. 38-39.

таланты нельзя конвертировать в наличные, ты никому не интересен. Говоря о подобном явлении как о злокачественной опухоли, вынужден констатировать: это не аллегория, а реальность. Это стало настолько обыденным, что сейчас никто на это не обращает внимания. Всмотримся в состав нашего правительства и парламента, там немало ведущих, ключевых государственных постов занимают известные олигархи и коммерсанты. И еще говорим, властвующие воруют. И что тут такого? Они изначально именно так понимали свое служение государству. Такой процесс происходит не только в Кыргызстане, но и во многих других республиках постсоветского пространства. Не случайно же президент Атамбаев к ним прямо обращается, просит, умоляет: перестаньте, мол, набивать только свои карманы, а подумайте о народе, об интересах Отечества.

Выдающийся российский журналист, политик В.Третьяков глубоко научно и реалистично раскрывает особенности российского олигархически-бюрократического правящего класса в сравнении советской номенклатурой. Я с удовольствием излагаю его мысли, ибо его оценки почти полностью относятся и к нашей правящей бюрократии.

1. ...Это не просто правящий класс, каким, например, был правящий партийно-бюрократический класс в СССР. Да и советский правящий класс контролировал всю экономику страны и все ее материальные богатства. Но советский правящий класс не мог иметь эти богатства, тем более в неограниченных масштабах, в своей собственности. То есть советский правящий класс был властным, но не был владетельным. А вот правящий класс современной России, который можно назвать олигархо-бюрократическим, является властно-владетельным классом, то есть контролирует, распоряжается и владеет как основным

объемом власти в стране, так и основным объемом ее собственности.

2. Правящий класс современной России не связан какой-либо специальной дисциплиной или какой-либо общенациональной и общеобязательной идеологией, тогда как советский правящий класс был полностью связан партийной (от КПСС) дисциплиной и полностью ограничен коммунистической идеологией, которая, что принципиально, была обязательной как для этого класса, так и для тех, кем они управляли.

3. Правящий класс СССР мог в лице отдельных своих представителей как угодно относиться к остальному обществу, но он никогда не имел политической и моральной санкции противопоставлять себя этому обществу, отбирать у него средства к существованию, полностью игнорировать его интересы и руководствоваться исключительно своими запросами и инстинктами. Этого не позволяла ни коммунистическая догматика, партийная дисциплина, ни практика политического и государственного управления.

4. Правящий класс сегодняшней России, безусловно, в значительной своей части эти интересы просто игнорирует, ибо они противоречат его собственным интересам.

5. Еще одна существенная характеристика современного правящего класса России состоит в том, что в нем очень сильна составляющая, прямо или косвенно связанная с оргпреступностью, ставшей в 90-е годы самостоятельной политической и особенно экономической силой.

6. Наконец, что тоже многократно отмечалось, но от этого повторения не становится менее значительным, легитимность многих представителей нынешнего правящего класса, равно как и его самое ценное достояние, то есть деньги и дети, находятся вообще за пределами России. В силу этого наш правящий класс всегда потенциально скло-

нен к коллаборационизму, и эта склонность чаще, чем того хотелось бы, проявляется в его действиях. Совокупные объемы власти и собственности, которыми реально распоряжается правящий класс всегда, намного превосходят то, что находятся под контролем всего общества, и сопоставимо по мощности с тем, чем оперативно и стратегически может распоряжаться центральная власть⁴.

Элиту разводить невозможно. Число людей, которые называются элитой, всегда ограничено. Ограничено Богом и судьбой, врожденными и приобретенными человеческими качествами. Но вот использовать их образ жизни, масштабы их деятельности, энергетический магнетизм как пример молодежи, чтобы она стремилась и претендовала войти в круг элиты, необходимо.

Если вести речь о каких-то прикладных решениях, то есть смысл говорить, прежде всего, об образовании. Необходимо обращать внимание на талантливых, ярких, нестандартных детей, создавать такие условия, чтобы они находили свой путь в жизни, создавать систему, которая смогла бы довести их от начальной школы и дальше. Это один из очевидных путей формирования элиты.

Необходимо создать систему целевых благотворительных фондов, работающих на эти цели и действующих абсолютно прозрачно. Донорами могут быть и компания, которая рассчитывает получить в будущем хорошего специалиста, и меценат, которому просто нравится то или иное творчество того или иного человека, но очень талантливого. Словом, существующая элита может помочь созданию новой. Это ведь не только вопрос финансирования чего-то, это и вопрос популяризации такой философии, что страной, экономикой, культурой, спортом – неважно

⁴ Цит. по кн.: Сааданбеков Ж.С. Моя жизнь. – Бишкек, 2012. – Стр. 277-278.

чем – должны управлять лучшие. А лучшим может стать каждый.

Вот идет уже третий год как, новый президент республики Алмазбек Атамбаев пытается очистить авгиевы конюшни беглых президентов, подчинить «прихваченное» ими и их семейками государственное имущество интересам народа, искоренить коррупцию и организованную преступность. Насколько это сверхсложная, требующая сверхтерпения работа даст определенные результаты, покажет время. Но для достижения успеха в этой борьбе надо знать признаки и природу «демократической» власти, укоренившейся за последние 20 лет на кыргызской почве.

Во-первых, продолжается имитация институтов государства, замена их эрзацем. Власть сконцентрировалась на фиксации собственного доминирующего статуса, на сиюминутных тактических интересах, игнорируя уроки прошлого. Махровым цветом расцветают взятки, «телефонное право», милицейский беспредел, откаты и воровство из государственного бюджета, кумовство, правила дорожного движения «не для всех», самоуправство чиновников, тотальное игнорирование закона.

Во-вторых, это цена человеческой жизни, которая, как и в средние века, для властей ничего не стоит. В прошлом при возведении хана на трон зарезали в качестве жертвы человека. Чем лучше весь период правления Бакиева, который постоянно сопровождался убийствами противников режима, депутатов, журналистов, даже своих преданных слуг? Зверское убийство М.Садыркулова тому свидетельство. Но самое чудовищное, самое кровавое его деяние – это расстрел участников массового протеста 7 апреля 2010 года, в результате чего погибли около 80, искалечены более полутора тысяч человек. В новейшей истории

человечества – это редчайший случай, когда правящий режим утопил в крови собственный народ.

В-третьих, политическая власть использовалась как средство для приобретения крупного состояния. Семейные правящие кланы действовали, как оккупанты в чужой стране, как государственные рэкетеры, весьма цинично и откровенно. Ими насильно захвачены частные банки, предприятия, пансионаты, обширная сфера недвижимости. Приватизация государственной собственности, особенно стратегически важных объектов проводилась исключительно в интересах семей.

В-четвертых, nepотизм (это раздача власти своим родственникам). На Востоке nepотизм был обыденным, органичным качеством правящих деспотий. Наши беглые правители далеко переплюнули в этом вопросе своих средневековых собратьев. Их дети и родственники в сущности «прихватизировали» всю власть над финансово-экономическими, силовыми и внешне-политическими структурами.

Чингиза Айтматова мучает вопиющая несправедливость, выпавшая на долю народа в эпоху рынка и демократии, наступление которой все ждали с огромной верой и надеждой. Арсен Саманчин говорит: «Невозможно было стерпеть, что топчет тебя ногами воротила из тех, кого нынче называют олигархами. Да пусть наживают себе, сколько хотят, но почему все должны пресмыкаться перед ними, услуживая во всем, в том числе и в злодеяниях, начиная от киллерства и кончая продажей совести? Ему хотелось ответить на удар таким ударом, чтобы звезды посыпались с неба!»⁵ И он принимает решение убить его – олигарха

⁵ Айтматов Ч.Т. Когда падают горы (Вечная невеста). – Бишкек, 2012. – Стр.244.

Эрташа Курчалова. «...Но только Эрташ Курчалов, рядовой артист городского драмтеатра, ничем не выделялся, никто о нем тогда думать не думал. Разве можно было в то время помыслить, что в нем, посредственном актере, таился мощный потенциал шоу-бизнесмена, который делается повелителем всех эстрад и даже стадионов?»⁶

Разумеется, с убийством олигарха не восторжествует справедливость. Но в романе Чингиза Айтматова ребром ставится вопрос: как решить эту воистину фундаментальную проблему – справедливое перераспределение незаконно нажитой узкой кучкой людей собственности?

И, действительно, приватизация 90-х годов была неэффективной политически и социально. Потому не считают её справедливой. А значит, результаты приватизации не признаются нашими согражданами, и в таких условиях перманентный и бесконечный передел собственности неизбежен. Именно несправедливая приватизация 90-х годов является источником сегодняшней всеохватывающей коррупции, что буквально терзает не только Кыргызстан, но и все постсоветское пространство.

Недавно академик Евгений Примаков писал: «Имеет место огромное неравенство в доходах. По данным, приведенным в октябре 2012 года в докладе Global Wealth Report, на долю 1% самых богатых россиян приходится 71% всех личных активов – в 2 раза больше, чем в США, Европе, Китае, в 4 раза больше, чем в Японии. 96 российских миллиардеров владеют 30% всех личных активов российских граждан. Этот показатель в 15 раз выше общемирового»⁷. Какие, согласитесь, ошеломляющие факты! По сравнению с ними наши олигархи, конечно, пиг-

⁶ Там же, стр. 42-44.

⁷ Примаков Е.М. – Российская газета, 18.12.2012.

меи. Но справедливости ради надо отметить, что среди наших – тоже немало достойных людей, которые инвестируют свои активы в экономику республики, постоянно занимаются благотворительной деятельностью. Однако как класс, как спекулятивно-компрадорская буржуазия в любой другой стране они по уровню коррупционности и воровской хватке никому не уступают.

Как утверждают эксперты, более 40% небольшой экономики Кыргызстана сегодня находится в тени. Это же настоящее национальное бедствие! И это является результатом смертельно опасной смычки бизнеса, криминала и власти. Плохо не то, что в стране стало больше богатых. Плохо то, что одурев от миллионов, они теряют чувство меры, стремятся бесконечно обогащаться, не заботясь о благе общества. Они куют свои капиталы в Кыргызстане через непрозрачные аукционы, коррупционные подряды, заказы, льготные тарифы, таможенные поблажки и т.д., а держат капиталы за границей. И налогами кормят Кипр, Сейшельские острова, арабские монархии. Это кощунство и издевательство по отношению к Отечеству и её гражданам.

Похоже, в России почувствовали опасность, исходящую от коррупции, порождаемой теневой экономикой. В этом смысле послание президента РФ было поистине историческим, поворотным. В этом документе нашли отражение давно назревшие чаяния и требования народа: контроль за расходами чиновников, наведение порядка с оффшорами, ограничения прав на зарубежные счета, акции, ценные бумаги и т.д. И что замечательно, по всем этим вопросам в России уже приняты федеральные законы. У нас, в Кыргызстане, к сожалению, эти животрепущие вопросы, пока находятся за пределами внимания властей.

Необходимо восстановить справедливость через легализацию собственности, полученной практически бесплатно

в ходе приватизации. Для этого необходимо последовать примеру Великобритании. Там для бизнеса был установлен *единовременный компенсационный налог* за «шоко-терапию» 1987 года. В соответствии с принятым законом, компании, получившие при Маргарет Тэтчер огромные куски дешевой собственности, внесли в бюджет 25% разницы между ценой приобретения и её рыночной стоимостью в 1997 году. При этом следует подчеркнуть, что легализация (легитимизация) приватизации отнюдь не означает огосударствления экономики и национализации с переходом предприятий под безраздельный контроль никому не подотчетных бюрократов. Напротив, результатом легитимизации станет закрепление класса эффективных собственников, которые в народном сознании будут уже не кровопийцами, а законными владельцами законных предметов. Это – во-первых.

Во-вторых, представляется совершенно справедливым, если и у нас, как в России и Англии, пересмотреть отношение к оффшорам. Раньше, в определенной экономической модели, их использование, может быть, было оправданным. Но как члена ВТО экономика Кыргызстана давно открытая, и данная модель должна меняться. Странно, но юридические конторы Англии, Германии, США знают, кто истинный владелец кыргызских компаний и счетов, открытых в оффшорах, а у нас внутри не разобраться – кто же там настоящий получатель дохода, кто стоит за этими деньгами? Подобное недопустимо.

В-третьих. Капиталы за границей держат не только бизнесмены, но и чиновники. Необходимо принять закон о контроле за их активами. Но при этом надо иметь в виду, что в реестрах есть бабушки, тёщи, дети, на которых записаны гектары земли, автомобили, недвижимость и т.д. в большом количестве. Как правило, они и в глаза

не видели этих богатств. Поэтому правоохранительные органы должны установить источник приобретения и местонахождения этого имущества и в судебном порядке обратить его в доход государства.

Еще в 70-е годы прошлого века Чингиз Айтматов прозорливо предугадывал последствия наступающей губительной идеологии потребительства и мещанства. «А сейчас, — писал он, — к сожалению, и в городе, и на селе, я уже говорил об этом, идет процесс выдвигания на первый план способности достать, обладать, приобрести. Эта способность иногда начинает ставиться выше душевных, человеческих качеств, и как часто почтение к себе внушает тот, кто может распорядиться своей должностью в целях наживы! Кем раньше был, скажем, мясник? Человеком, продающим мясо, и не более того. Он разделявал туши, вы приходили и покупали. Могли сказать ему доброе слово за хорошее обслуживание, могли не сказать. И все. Он зависел от вас, а теперь стало наоборот... Учитель не может выделиться из массы в этом отношении, он не может кому-нибудь что-нибудь достать, устроить на работу, снять с должности, материальных ценностей не производит — всего лишь учит детей. Следовательно, с точки зрения обывателя, внимание и уважение такой человек не заслуживает. Мещанину плевать, что от учителя зависит, строго говоря, наше будущее и что он производит это будущее, формируя взгляды будущего поколения. Мещанина будущее не волнует, ему важно преуспеть сегодня. Мы оказались недостаточно подготовленными в социальном, нравственном и культурном смысле перед лицом резкого роста материальных возможностей, что вылилось в болезнь потребительства среди определенных слоев населения. И как следствие этого — утечка духовности, ослабление идейности, дух приобретательства, на фоне пре-

словутого «я тебе, ты мне» и прочие недуги мещанства вплоть до расхитительства, взяточничества и спекуляции»⁸.

Эти слова Чингиза Айтматова принадлежат как раз к тому периоду, когда Советский Союз, общество к середине 70-х годов, а в некоторых своих составляющих уже и в 60-е годы стало обществом массового потребления. Конечно, уровень потребления был ниже, чем в западных странах, а качество услуг и товаров — существенно ниже, но всё-таки все типичные черты потребительского общества в СССР присутствовали. И это легко подтверждается цифрами и фактами.

Потребительский характер советского общества не декларировался официально, более того — он отрицался официальной идеологией, ибо потребительство считалось пороком, причем пороком присущим именно западному, капиталистическому обществу. Но в своей экономической и социальной политике и партия, и государство учитывали стремление людей ко все возрастающему потреблению материальных благ. Тем более что в партийной догматике коммунизм определялся не только как бесклассовое общество, но и как общество всеобщего изобилия. Одновременно на страницах советских изданий на сей счет велись весьма острые дискуссии: многие публицисты и социологи считали потребительство (называлось это как «вещизм») политической и особенно общественной опасностью, ведущей к бездуховности, утрате морали и эгоизму. То есть по такому затрагиваемому абсолютно всех граждан страны вопросу, как материальное потребление, фактически существовала полная идейная, а следовательно, и психологическая неразбериха: фундаментальная идеология выс-

⁸ Айтматов Ч.Т. Собр. соч. — Т.3. — Стр. 243-244.

тупала в противоречие с идеологией текущей, реальная жизнь и даже реальная государственная политика опровергла и то, и другое. И это только один из примеров раздвоенности советского общественного сознания, раздвоенности, отражавшейся в головах сотен миллионов граждан СССР.

Само собой, на всех угнетающе действовал хронический дефицит значительной части товаров и продуктов, особенно высококачественных и престижных, к приобретению которых с целью поддержания своего социального статуса всегда стремились люди, а также крайне узкий ассортимент этих товаров.

Прошло с тех пор 43 года, т.е. почти полвека, и теперь уже потребительство является и официальной идеологией и повседневной практикой. Спекулянты и мещане того времени в подметки не годятся нынешним сверхбогатым, которые фактически навязывают стране свой образ жизни, свою мораль. Зараза буйного расточительства, как круги по воде, распространяется на все, что липнет к новой касте «избранных». Ею заражена попса, наши гламурные эстрадные и телевизионные знаменитости, молодежь. Наметились устойчивые тенденции к потребительству, сверхбогатые бравируют своей бездуховностью, считая, что все можно купить за деньги – от диплома до благосклонности своей избранницы. Сверкающие джипы раскатывают по разбитым улицам Бишкека, мелькают зазывной рекламой казино и дорогие рестораны, развлекательные ночные клубы и дискотеки – остается только руками развести. В романе «Когда падают горы» пишется: «Оглушающая музыка изливалась над стадионом флиртующим зовом, на сцене сменялись танцы всех хореографических стилей – от балета до припляса, под стать им менялись костюмы и декорации, но, конечно, самой главной приманкой во всей этой динамической сценической

стихии была она, Айдана Самарова! Весь этот рок-концерт был смонтирован и сконцентрирован вокруг нее, звезды! И поистине её чистый, глубокий голос, возносимый динамиками на открытом стадионе до небес, её ладная, высокая, подвижная фигура, её эlegantность без излишней оголенности и то, что рядом, соучаствуя в ее номерах, эротично извивались в ритме музыки девушки и юноши – красотки и красавчики, все это вместе взятое порождало в толпе захватывающее карнавальное возбуждение. Всем хотелось быть на сцене рядом с ней, с Айданой. Весь стадион ликовал, раскачиваясь единым морем вздетых рук. И только он один думал: «Оперная богиня превратилась в шлягерную королеву!» Но никому не было дела до его мысли. Между тем, массовая культура, к которой он интуитивно всегда относился настороженно, шествовала по миру, снова и снова накатываясь на него своими коммерческими океанскими волнами, каждый раз со всевозрастающей силой. И придумался ему неологизм для обозначения массовой культуры, не сходящей с уст глобальных масс-медиа, – оптовая культура, по аналогии с оптовым товаром (Ну, и пожалуйста! Масскультура от этого и глазом не моргнет!)»⁹.

Здесь Чингиз Айтматов наглядно показывает, как масса, не утруждая себя серьезными размышлениями, легко принимает простые лозунги, пошлые потребительские стандарты. В этом плане американская культурная экспансия не имеет себе равных. По-видимому, самое явное и осязаемое глобальное воздействие американская массовая культура оказывает через фильмы и телевизионные сериалы. Американские фильмы приносят до 80% всего сбора мирового кинематографа! Сотни миллионов зрителей смотрят пошлые сериалы типа «Даллас», «Санта-Бар-

⁹ Айтматов Ч.Т. Когда падают горы (Вечная невеста). – Бишкек, 2012 – Стр. 43-44.

бара», «Пляж» и т.д., которые восхваляют американский образ жизни.

Для молодежи новая популярная музыка служит захватывающей средой для подражания и самовыражения. Даже в Индии 9 из 20 дисков были американскими. Телевизионные каналы MTV с ее 33 каналами всемирного вещания, VH1 и детские программы «Nickelodeon» собирают около 1 млрд. зрителей в 164 странах. Примерно 70% интернет-сайтов созданы в Америке, из них 96% – на английском языке. Массовая культура распространяется не за счет навязывания, а за счет подражания – свидетельство того, что массам нравится данная культурная продукция. Еще Диккенс писал: «Миссия Америки – опошлить Вселенную». И ей это удалось. Вселенная опошлена окончательно, и искусство особенно. «Даже самое банальное и непристойное, – писал Ж.Бодриар, – и то рядится в эстетику, облачается в культуру и стремится стать достойным музея. Все заявляет о себе, все самовыражается, набирает силу и обретает собственный знак. ...Раз и навсегда освобожденные от своих взаимных оков красота и уродство как бы разрастаются, становясь более красивым, чем сама красота, или более уродливым, чем само уродство (которое еще обладает эстетической ценностью), а нечто более безобразное, чем просто уродство, – кич, уродство в квадрате, ибо оно никак не соотносено со своей противоположенностью... Освободившись от реального, вы способны создать нечто большее, чем реальность, – сверхреальность. Именно с суперреализма и поп-искусства все и началось – когда обыденную жизнь начали возвышать до уровня иронического могущества фотографического реализма»¹⁰.

¹⁰ Бодриар Ж. Прозрачность зла. – М., 2006. – Стр. 26-30.

Известный философ имеет в виду процесс разрушения западной массовой культуры, которая целиком зависима от капризов рынка, без учета талантов и мастерства художника. Некий англичанин Дэмиан Херст купил за гроши мёртвую акулу и за 5000 фунтов переправил её в Лондон. Он опустил труп в стеклянный куб и залил формальдегидом. В 2004 году этот «шедевр» искусства куплен американским коллекционером за 12 миллионов долларов. Это покупка сразу поставила Херста в ряд самых дорогих художников в истории, наряду с Кандинским, Малевичем и Джаспером Джонсом. Дорого ценится в долларах «Квадрат» Малевича (20 миллионов долларов). В этом «черном квадрате» есть лишь рекламный трюк, но нет мастерства и таланта, нет красоты и эстетической реальности. Есть желание вызвать скандал, шокировать зрителя. Некий Энди Уорхолл нанес на шелк какое-то изображение и на готовый холст...помочился. Ткань со следами урины Уорхолла была продана в Нью-Йорке за 10 миллионов долларов.

«Дельцы, собирающие по своим галереям очевидный хлам, знают, что делают. Ведь существуют критики, которые «подведут» глубокий смысл под этот мусор и выдадут свои оценки за общепринятые истины. А предприимчивые знатоки с тугими кошельками заплатят за ЭТО солидные деньги, памятуя признание Сальвадора Дали, что «мир полон кретинов», и через какое-то время они смогут перепродать «шедевр» раза в три дороже. Какой великий обман! Создать моду можно на что угодно. Как писал в статье «исчерпание культуры» Солженицын: «Сперва вкусы к ним воспитываются (навязываются) самими ухватками подачи, затем производятся «общественные вопросы», обнаруживаются эти же самые «вкусы»... Пошлость искаженного искусства, уже давно псевдоис-

кусства, расширяется, и зрительные восприятия людей захламляют души». В мире искусства абсолютно не имея таланта, достаточно быть умелым дельцом. Сегодня рыночная стоимость подменила художественную ценность – вот в чем главная трагедия европейского искусства»¹¹.

Идеология и политика потребительского общества, агрессивное вторжение массовой культуры пагубно сказывается прежде всего в развитии самой национальной культуры. Из-за острой нехватки средств хиреют сегодня кинематография, оперный и драматический театры, писатели, художники предоставлены самим себе. Культура распадается не через пять-десять лет, а по мере того, как из жизни уходят поколения, которые накапливали её по крохам в течение предшествующих десятилетий. Таких гигантов нашей культуры, как сам Чингиз Торекулович, Толомуш Океев, Асанкан Жумакматов, Калый Молдобосанов, Суйменкул Чокморов, Б.Минжылкыев и других уже нет в живых среди нас. Горестно и обидно, что именно в начале нового века, когда буйно разворачивается в стране массовая культура, судьба разом погасила всех этих светочей национального духа, и все мы как-то осиротели, нация как бы стала на голову меньше.

Несмотря на падение интереса к чтению, дороговизну книг, исчезновение сотен библиотек, мы остаемся читающим и культурным народом. Несмотря на массовое обеднение, концертные залы филармонии и театров все еще заполняет публика, среди которой немало молодежи. В стране, несмотря на резкое увеличение малоимущих, в обедневших семьях остается внутренняя установка на образование. Но, как уже говорилось, высокая нацио-

¹¹ Кончаловский А., Пастухов В. На трибуне реакционера. – М., 2007. – Стр. 65-69.

нальная культура, культура поколения Ч.Айтматова, к великому сожалению, распадается. И надо бы нашим политикам помнить, что возвращаться к айтматовским стандартам культуры придется тем же путем и в течение нескольких поколений. Можно купить голливудский блокбастер, но подлинную национальную культуру за эти деньги не купишь.

Наша начальная, средняя и высшая школы уже показывают признаки деградации не столько потому, что там нет современного оборудования, а потому что уходит поколение учителей и профессуры высшей пробы. Сегодня весьма ослаблены профессиональные мозги и мораль, ибо они в обществе пока не в почете. Наше кино фактически намного отстает от мирового уровня. Не потому что нет денег, а потому что уже затронута корневая система культуры – подготовка кадров. В советское время под контролем было обучение, подготовка каждого композитора, режиссера или балерины в каждом профильном центральном вузе страны. А сейчас кто этим занимается?

В то же время исчезает в обществе трезвая оценка качественного состояния культуры. Комплиментарность, снисходительность и захваливание сомнительных талантов стали повсеместными. В стране немало деятелей культуры, которые кормятся не за счет высоких образцов культуры, а за счет коммерциализации дешевых поделок и контрафакта. И народ приучается воспринимать как наркотик и голую задницу, и грубый мат на сцене, и кровавое насилие на экране, и гоготу над телевизионными хохмами. Качество развлекательных программ катастрофически падает, из культуры вымывается серьезная критика, бывшая составной частью культуры. Провальные спектакли, дешевые шоу, обветшавшие имена не получают объективной оценки. К сожалению, высшая

политическая элита устраняется от оценок культуры, в том числе и от оценок телевидения. Кому-то, наверное, мешает старая дружба, переплетенность политических, культурных и бизнес-элит. Кто-то не хочет портить отношения с кумирами голосующих обывателей. Кому-то из политиков нравится неприкрытая лесть «мастеров культуры». Если с их стороны прозвучит разумная критика, то современные власть имущие сильно раздражаются.

Несмотря ни на что, при советской власти интеллигенция очень много определяла в жизни страны, вызвала уважение. Тогда все-таки лучше было быть культурным, чем некультурным. Сегодня же лучше быть любым, но только не культурным. В итоге получается, что интеллигенция сейчас является самой невостребованной частью общества. Она периодически чему-то противится, чем-то недовольна. Однако никакие выступления интеллигенции, никакие её открытые письма властью не воспринимаются вообще. На интеллигенцию больше не смотрят как на выразителя общественных интересов. Однако, как замечательно выразился российский кинорежиссер Сергей Урусляк, «интеллигенция продолжает оставаться совестью нации. Просто совесть перестала быть, как говорят сегодня, трендом. Совесть – она сегодня как аппендицит, если не болит – пусть будет, заболел – надо вырезать к чертовой матери! С совестью не очень комфортно жить. Она заставляет задавать какие-то вопросы, слушать ответы...»

Если мы не хотим остаться на задворках истории, то мы должны круто повернуть в сторону интеллектуализации нашего народа. Известный российский ученый, демократ Г.Х.Попов совершенно справедливо пишет, что «у нас должен быть не народ рабочих, не народ крестьян. У нас должен быть народ интеллигентов, причем не сред-

них интеллигентов, а действительно умных... Я помню по своей комсомольской, парткомовской работе, непрерывно требовали, чтобы мы обеспечили 50% приема в КПСС рабочих, любой ценой. Интеллигенцию давили всеми силами, не пускали. Нужна совершенно другая политика – политика всяческой, всевозможной, по всем линиям поддержки интеллигенции. Надо поощрять вторые и третьи дипломы, надо платить за стаж, надо обеспечить дешевыми книгами, обеспечить льготные, дешевые цены на все научные журналы и т.д. и т.п... Нам нужен другой вариант демократии. Здесь надо опережать события, надо предлагать новую Конституцию, с новыми национальными условиями, с новыми условиями государства. Во всяком случае, идея: один человек – один голос, идея выбора кого-то является не лучшей идеей. Интеллигенция при такой системе никогда нигде не будет ни в администраторах, ни в депутатах. Надо называть вещи своими именами. Съезд народных депутатов выделил одну треть мест для интеллигенции, минуя всякие выборы. Вернее, выборы шли по другой системе. И в зале присутствовал другой народ. Там было с кем говорить. Нам нужна такая демократия. Может быть, возвращаться к цензам царской России и интеллигенции заранее отдать 50% мест на всех выборах. Ни лимитчики, ни голодные, обездоленные люди не могут формировать нормальные органы государства. Они могут выбрать людей на нижнем уровне управления. Вот община, максимум поселен, здесь они все знают, здесь они сами будут знать, на своей шкуре испытывать результаты своей ошибки и решать вопросы с дровами, водой и т.д. Что касается выше, то должны быть уже другие принципы»¹².

¹² Попов Г.Х. Теория и практика социализма в XX веке. – М., 2006. – Стр. 305.

Жизнь показала и ежечасно показывает, что навязанная извне массовая культура способствует десоциализации, декультуризации и дезинтеграции людей, обрубив их национальные корни, превращает их в беспринципных отщепенцев, не знающих никаких культурных, нравственных и других внутренних ограничений. Масс-культура превращает человека в индивид – атом, который знает только внешние ограничения, связанные с давлением других атомов. В этой роли он не чувствует себя связанным ни традициями, ни моралью, ни какими-либо ценностями. Пустота, пролегла между людьми – изолированными атомами, характеризует каждого из них изнутри. Концепт внутреннего личностного мира, постулируемый каждой национальной культурой, отвергается, отвергаются и высшие коллективные смыслы. Философ Мераб Мамардашвили определял такую ситуацию как вход общества в фазу безнормности. Это когда у человека нет четких представлений о том, что хорошо, а что плохо. То есть в обществе должны быть критерии добра и зла, правда и неправды. В условиях безнормности эти критерии размываются. Почему современные писатели, режиссеры так часто обращаются к прошлому? Да потому, что там эти критерии были! А сегодня нет почвы, на которой может устоять здание романа, фильма и даже, как ни странно, песни. Общественные события, волнения говорят не о глупости недовольных, не об их неблагодарности, а о том, что в обществе созрела необходимость определения критериев. При беседах многие умудренные опытом люди говорят: «Что-то у нас неправильно, надо передоговориться. Надо установить правила». В самом деле, сегодня имеет место сплошная подмена понятий и ценностей. Вчерашний презираемый спекулянт сегодня всеми уважаемый депутат-олигарх. Теперь в одном ряду стоят академик,

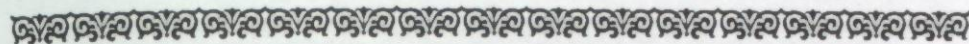
токарь, бандит и проститутка. Суд, происходящий сегодня над олигархами-депутатами, показывает, что общество разъедают не только зажавшиеся людишки, из которых, по народному ощущению, состоит некоторая часть чиновничества, но и полное неверие в будущее. Молодежь откровенно стремится к тому, чтобы обучаться и работать там, где можно распиливать откаты, то есть воровать. Слово «воровать» почти утратило свой негативный смысл! Можно уже говорить об утрате основных инстинктов: как легко молодые мамы убивают или выбрасывают своих детей, подонки не просто обирают людей, а выбирают для этого беспомощных. Если посчитать, сколько в стране беспризорников, сирот в детдомах, стариков и старух в домах-интернатах, наркоманов, клинических алкоголиков, психически больных, преступников-рецидивистов, то условно нормальных-то останется, как говорится, совсем не густо. Как сделать выбор – вопрос вопросов. Сегодня среди молодежи большое расслоение. С одной стороны, стремящиеся к успеху через служебную карьеру, с другой – подъезды, засыпанные шприцами, с третьей – поющие жизненные импотенты, а с четвертой – креативные молодые люди, говорящие: «При первой возможности я отсюда свалю». Если мы не будем учитывать эти тенденции, может произойти то, что называется точкой невозврата.

Прав кинорежиссер Карен Шахназаров: «...Нынешний период очень похож на период «реставрации» посленаполеоновской Франции. Последние 20 с лишним лет Россия занимается строительством инфраструктуры потребления. Посмотрите на все эти бесконечные торговые центры, рынки, бензоколонки, кафе, рестораны и т.д. Все это появилось за два десятилетия. В этом есть как свои плюсы, так и свои минусы. Но строительство этой инфраструктуры – шаг логичный и необходимый. Другое дело,

что строят это все совсем не те люди, которые строили в свое время, скажем, БАМ или осваивали Север. Если хотите, в своем большинстве это не самые честные и порядочные люди. Но инфраструктура потребления — это их территория! Многие страны проходили этот путь. Почитайте Теодора Драйзера и поймете, что в Америке было то же самое. Да, нынешний период нашей истории кажется меркантильным, пустым. Да, он очень неблагодарный для развития искусства. Да, главная цель сегодня — заработать, желательно побыстрее и побольше. Но, как ни странно, в этом тоже есть смысл. Страну надо отстроить. Перескочить этот этап невозможно. Рано или поздно всплеск производства, уверен, случится. Иначе никак».

Да, нет никак сомнений — общество не может и не должно быть однородным. Кто-то готов нести ответственность и за себя и за других, а другой не может обойтись без чужой заботы. Но когда вся страна ждет чьей-то заботы, то ее оккупируют. И неважно, что оккупанты говорят на том же языке. Их устраивает безмолвствующий народ. Только такие общества в современном мире не выживают. Их поглощают более активные, более настырные.

Именно поэтому главная задача национальной элиты сегодня — пробудить страну и общество в созидательном направлении, в ощущении собственной ответственности за свою судьбу.

Глава VIII.

ПЛАНЕТАРНОЕ МЫШЛЕНИЕ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА

Ах, зачем, ах, зачем
Родилась я на свет?
Ах, зачем, ах, зачем
Меня мать родила?

*(из русского
народного фольклора)*

В фантастическом романе Чингиза Айтматова «Тавро Кассандры» космический монах Филофей (Крыльцов) совершает величайшее генетическое открытие: уже в первые недели внутриутробного развития человеческий зародыш способен интуитивно предугадывать то, что ожидает его в грядущей жизни. Через знак-сигнал, изобретенный Филофеем, эмбрион выражает свое негативное отношение к рождению. Этот знак-сигнал проявляется в виде небольшого пигментного пятна на лбу у женщины, вынашивающей такой плод. Это тавро называется «тавром Кассандры».

Эта ошеломляющая фантастика Чингиза Айтматова осталась бы лишь фантастикой, если бы не было она страшной фантастикой самой реальности. И столь же страшная фантастика то, что человечество не осознает, не понимает, что оно само является причиной сокрушающих природных и социальных катаклизмов. Чингиз Айтматов писал: «Человечество давно было озабочено концом света и еще на заре самосознания пыталось предвидеть и даже нарисовать его в Библии — это великий потоп, в других

произведениях – всевозможные стихийные сокрушения, согласно китайской мифологии должен появиться гигантский крокодил, который поглотит солнце и наступит всему конец.

Как бы то ни было, человек был обязан представить исход мира, поскольку наделен был воображением, но и при этом он оставлял себе лазейку, уповая, в частности, на второе пришествие. Но до нас с вами никто и нигде в истории не мог себе представить и никому такое не приходило в голову, что конец света может наступить в результате самоистребления, самоубийства человеческого рода, накопившего в своем арсенале смертоносные средства космического объема. Такое никому не мерещилось в прежние времена. И во втором пришествии, выходит, отпадает необходимость. И действительно, куда и зачем приехать, если случится то, что замысливают люди, возгордившиеся от пресыщения властью, военными достижениями и безнаказанным манипулированием общественным сознанием с помощью господства над массовыми средствами коммуникации. Эти люди ставят себя уже «превыше богов»¹. Здесь ярко проявляется планетарное, общечеловеческое мировоззрение Чингиза Айтматова, его тревоги за судьбы всего человечества. Его особенно тревожит то, что люди забывают о своем единстве; человечество раздирают гражданские, религиозные и этнические конфликты, а глобальные институты оказываются бессильны воспрепятствовать насилию. Мир *de facto* стал единым целым – и с этим согласны все, но это функциональное единство не дополняется организационным. Судя по всему, на пороге XXI века человечество, оставившее позади почти полувековую эпоху «холодной войны», не

готово воспринять новые угрозы и вызовы как сопоставимые по степени серьезности с прежними и относится к ним пренебрежительно. В мире не остается идеи, способной сплотить народы и цивилизации, или опасности, которая вынудила бы их сплотиться. Потребность в подлинном единении ощущают лишь немногие.

Как нередко подчеркивает Айтматов, мир сегодня выглядит более опасным, чем он казался недавно, разбиты надежды, что на руинах биполярного мирового порядка взойдет глобальная общечеловеческая идиллия, а страны будут мирно сосуществовать под эгидой международного права. На заре третьего тысячелетия жизнь на Земле характеризуется не миром, живущим под сенью закона, а откровенным, ничем не ограниченным повсеместным насилием. На смену «холодной войне» пришли террор, борьба с ним и надуманные гуманитарные войны и интервенции в «защиту прав человека». В итоге разрыв между растущим беспорядком и шансами на проведение политики упорядочения мира продолжает расти. Растет также вероятность того, что XXI век будет поражен войнами, тогда как возможности учреждения мирного глобального порядка методами военных интервенций сокращаются. Особую угрозу, по мнению Айтматова, представляет собой политика отдельных великих держав, особенно США, которые пытаются воспользоваться ситуацией для достижения своих национальных интересов. «И об этом, – писал Ч. Айтматов, – мы должны говорить со всей силой, и пусть американцы постигнут, что их правители совершают преступление против самой Америки, прежде всего. Такова логика событий... Вот почему постыдно быть спокойным, беспечным, сторонним наблюдателем, когда на наших глазах совершается «преступление столетия», покушение на человека, на его личность, на его святая святых –

¹ Айтматов Ч.Т. Собр. соч. – Т.3. – М., 1984 – Стр. 260-261.

душу, приготавливающее, таким образом, в его лице врага, ненавистника свободы и гуманизма, внушая при этом жестокость и равнодушие как к своей жизни, так и к жизни других людей. К жизни в целом. Что же может и должна сделать настоящая литература именно теперь, когда гамлетовский вопрос «быть или не быть?» вышел из сферы личных переживаний одного человека, стал настоящей проблемой для всего человечества, ибо речь идет о необходимости сохранить мир на Земле?

Задача литературы – объединять людей. Объединить в стремлении к правде и социальной справедливости, в неиссякаемой и неистребимой любви к жизни, к миру, к будущему, во имя человека, если он, человек в полном смысле этого слова, должен был готов преодолеть любые внешние препятствия и собственное отчаяние, страдание, тоску»².

Наблюдая реалии начала XX века, Чингиз Айтматов все более убеждается в том, что как для современного человечества в целом, так и для большинства составляющих его народов нет большего врага, чем национализм. В XX веке человечество увидело апофеоз государственного безумия. Две великие страны – Германия и Советский Союз – на долгие годы возвели геноцид народов в ранг национальной политики с той единственной разницей, что в первом случае он проводился по этническому, а во втором – по идеологическому и классовому признаку. Не успело человечество победить фашизм в Европе, немногим более гуманные режимы укоренились в большей части отсталых стран Африки, Азии и Латинской Америки. В междоусобных войнах и гражданских конфликтах в периферийных странах в 1955-2000 годах погибло больше

² Там же, стр. 260.

людей, чем в первой мировой войне, а методы и масштабы государственного насилия становятся все более ужасающими. Национализм под прикрытием государственного суверенитета становится главной угрозой выживанию если не всего человечества, то многих из составляющих его народов. И в такой ситуации страстная проповедь планетарного мышления, содержащиеся в публицистике Чингиза Айтматова, представляется нам в высшей степени актуальной и ценной. «Понятие «планетарное мышление» – писал Ч.Айтматов, – само по себе не новое. Оно уже было в трудах ученых разных философских школ, но в литературе в силу специфики самого искусства оно занимает сейчас особое место. Ведь если философское учение рассчитано в основном для узкого круга людей, художественная литература обращена к миллионам. И хотя писатели разных народов уже давно вынашивают мечту о том, чтобы каждый человек обладал планетарным мышлением, видимо, человечество к этому еще не скоро придет.

Суть планетарного мышления заключается в том, чтобы каждый человек думал бы о другом человеке, о людях других стран так же, как о самом себе, чтобы его тревожили и радовали боль и счастье, огорчение и праздники других, чтобы его непрестанно беспокоили вопросы: как жить на этом свете, что сделать, чтобы преобразовать этот мир в лучшую сторону? И чтобы сопрягать эти свои помыслы с желаниями других людей, вовлекать их в благородное дело строительства нового мира.

Торжество планетарного мышления в сознании человечества ознаменуется наступлением той эпохи, когда каждый из нас, поднявшись над государственными, общественными, национальными, языковыми различиями, будет видеть в другом прежде всего носителя идей добра, а не агрессии. Тогда и исполнится наша золотая мечта,

когда если не мы, то наши потомки скажут: «Я – человек планеты, и все люди на этой планете мои братья и сестры!»³

Исходя из этих суждений Чингиза Айтматова можно сделать вывод, что его понимание планетарного мышления почти соответствует понятию космополитизма в самом положительном смысле этого слова. Здесь уместно вспомнить, что, пожалуй, нет ни одной философской концепции, сущность которой была бы извращена в XX веке так, как сущность космополитизма. Немецкий социолог У. Бек на этот счет пишет: «Тот факт, что этот термин оказался забытым, перетерпел немало видоизменений и унижений, превратившись в бранное слово, следует отнести на счет его невольной ассоциации с Холокостом и сталинским ГУЛАГом. В коллективной системе символов эпохи нацизма «космополитизм» был синонимом смертного приговора. Все жертвы запланированного массового истребления изображались космополитами». Неудивительно, что и само слово пало жертвой схожей судьбы. Нацисты говорили «еврей», подразумевая «космополит», сталинисты говорили «космополит», подразумевая «еврей». Вследствие этого по сей день во многих странах «космополитов» ставят в один ряд с проходимцами, врагами и паразитами, которых можно или даже нужно демонизировать, изгонять и уничтожать»⁴. Но именно из-за судьбы, которая выпала в XX столетии на долю космополитической теории, она оказалась в центре внимания на рубеже тысячелетий, когда политическое противостояние «холодной войны» ушло в прошлое, и важнейшим вызовом мировому порядку стали межкультурные и религиозные конфликты, распространение гражданских войн, эт-

нических чисток и геноцида. Сегодня космополитизация стала насущной необходимостью как на международной арене, так и внутри отдельных стран, нарастают разнообразные транснациональные жизненные формы. Люди проводят кампании, борясь за всемирное признание прав человека, право на труд, глобальную защиту окружающей среды, сокращение бедности и т.д. В этом смысле наличествуют зачатки институционализированного космополитизма. Примером могут служить и движение антиглобалистов, и международный (уголовный) суд, и Организация Объединенных Наций. Когда Совет Безопасности принимает резолюцию, она воспринимается так, как будто воплощает волю всего человечества.

Правда, здесь могут возразить: не служит ли космополитизация всего лишь новым обозначением того, что прежде именовали глобализацией? На этот вопрос однозначно имеется отрицательный ответ. Глобализация отстаивает идею всемирного рынка, достоинства неолиберального экономического роста, асимметричные социальные, культурные и морально-нравственные последствия, которые воистину катастрофичны во всемирном масштабе.

Это проявляется прежде всего в невиданной концентрации богатства на одном полюсе и нищеты на другом. Усиливается тенденция к расширению пропасти между «Севером» и «Югом». За 80-е годы число стран, относимых ООН к наименее развитым, возросло с 31 до 47. В 1990 году почти 3 млрд. жителей Африки, Южной Азии, Индии и Китая имели средний годовой доход на душу населения менее 500 долларов США. «Мировая экономика сегодня, – сказал президент Кубы Ф. Кастро, выступая на Международной конференции по финансированию развития в г. Монтеррей 21 марта 2002 года, – это гигантское казино. Анализ сегодняшней действительности по-

³ Там же, стр. 265.

⁴ Бек У. Космополитическое мировоззрение. – Москва, 2008. – Стр. 3-4.

казывает, что на каждый доллар, задействованный в мировой торговле, приходится более ста, используемых в спекулятивных операциях, которые не имеют ничего общего с реальной экономикой. Этот экономический порядок привел к отсталости 75 процентов мирового населения. В этой трагедии нельзя винить бедные страны. Они не завоевывали и не грабили на протяжении веков целые континенты, не устанавливали колониальную систему, не восстанавливали рабство, не создавали современный империализм. Они были жертвами этого. Основная ответственность за финансирование их развития ложится на государства, которые сегодня в силу очевидных исторических причин пользуются плодами тех жесткостей»⁵.

Крайняя нищета в странах третьего мира охватывает уже 1,2 миллиарда человек. Эта пропасть не сокращается, растет. Разница между доходами самых богатых и самых бедных стран, которая в 1960 году составляла 37 раз, сегодня составляет 74 раза. Дошло до такой крайности, что активы трех самых богатых людей мира эквивалентны суммарному ВВП 48 самых бедных стран. В 2001 году число буквально голодающих достигло 826 миллионов человек, неграмотных взрослых – 854 миллионов человек, детей, не получающих школьного образования, – 325 миллионов, людей, не имеющих доступа к дешевым основным медикаментам, – 2 миллиарда, людей, не имеющих элементарных санитарных условий, – 2,4 миллиарда. Не менее 11 миллионов детей в возрасте моложе пяти лет умирают ежегодно от причин, которые можно предотвратить. Не эти ли дети не хотели родиться, не эти ли дети сегодня стонут: «Зачем ты меня, мама, родила, зачем я родился на этот проклятый свет»?

⁵ Кастро Ф.Р. Лучший мир возможен. / Мысль. – № 5, 2002. – Стр. 5-6.

О губительных последствиях глобализации не раз говорил Иоанн Павел II: «Позорно для обществ изобилия современного мира, когда там богатые становятся все богаче, потому что богатство воспроизводит богатство, а бедные становятся все беднее, потому что бедности свойственна тенденция порождать новую бедность. Эта позорная ситуация проявляется не только внутри отдельных стран, но по своим масштабам выходит далеко за их границы. Именно сегодня, в условиях глобализации рынков богатые и развитые страны настроены на всемерное улучшение своих экономических условий, тогда как бедные страны – если они лишены всякой надежды на дальнейшее развитие – погружаются во все более тягостную нищету. ...Дух солидарности – вот что в действительности должно нарастать в мире, чтобы победить эгоизм отдельных личностей и наций»⁶.

Президент Российской Федерации В.В. Путин предложил формулу «социально ответственной глобализации». Эту мысль он подчеркнул в приветствии участникам, организаторам и гостям «Форума-2000»: «На рубеже веков человечество нуждается в серьезном осмыслении мощных глобальных тенденций, проявляющихся в экономике, в сфере культуры и информации. Будущее за теми, кто научится управлять этими процессами, заставит их работать на благо людей. Мы должны позаботиться о том, чтобы глобализация стала социально ориентированной, чтобы народы мира в равной мере могли пользоваться плодами научно-технического и интеллектуального прогресса».

Показательно, что на «саммите тысячелетия», проходившем в рамках последней в XX веке сессии Генеральной Ассамблеи ООН на уровне глав государств и прави-

⁶ Osservatore Romano – 06-07.11, 2000, p.7

тельств, проблемы глобализации оказались едва ли не главной темой. В Декларации саммита подчеркивается: главная задача, стоящая сегодня перед мировым сообществом, — обеспечить, чтобы глобализация стала позитивным фактором для всех народов мира. Пока же, отмечается в этом документе, блага глобализации, распределяются весьма неравномерно, а ее издержки ложатся главным образом на развивающиеся страны. Насколько серьезны эти заявления? Не останутся ли они, как не раз бывало в прошлом, лишь словами, не подкрепленными конкретными делами?

К несчастью, в этом плане мало что меняется. Более того, доминирующие в мировой экономике страны и транснациональные компании всячески стремятся поживиться за счет бедных стран. Вот что пишет бывший премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад:

«Новые капиталисты настаивают на праве капиталов перемещаться где угодно и формировать такие правительства, какие для подобного перемещения требуются. Никто не должен делать ничего, что может помешать передвижению капиталов через границы. Тех, кто противится этому свободному движению капиталов, объявляют еретиками. Бесспорно, свободное движение капиталов может сделать бедную страну богатой. Поэтому многие бедные страны приветствуют иностранные капиталы в виде прямых иностранных инвестиций. И действительно, бедные страны, кажется, процветали при растущем притоке иностранного капитала. Однако развивающиеся страны не подозревали, что капитал так же быстро и свободно может и уходить. Когда это происходит, богатство может исчезнуть за одну ночь.

Сейчас, с приближением XXI столетия мы уже не видим дружелюбного лица капитализма. Девальвация ва-

люют и падение курса акций тогда, когда капитал быстро уходит, приводит к почти полному уничтожению национального богатства многих развивающихся стран. Следом за обрушиванием экономик уходят и политическая стабильность, и благосостояние народов этих стран. Правительства, которые раньше творили чудеса экономического развития, сейчас свергаются и заменяются правительствами, которые не могут предложить ничего лучшего. И тем не менее, капитализм, свободное перемещение капиталов, либерализация и глобализация пропагандируются как новая религия, новая идеология, единственная идеология для всего мира. Попробуйте оспорить это — и вам навесят ярлык еретика. Если новой идеологии мешает демократия, то отбросят и ее. Правительства должны покориться рыночным силам, точнее, богатым с их миллиардами, вложенными в фонды, которые заняты валютными операциями и атаками на фондовые рынки.

Таков мир нового тысячелетия. Развивающиеся страны должны принять это к сведению. Если мы не будем осторожны, если не будем всерьез подходить к задачам по развитию наших стран, то кончим тем, что снова станем колониями»⁷.

Лидеры и других развивающихся стран требуют своей доли от преимуществ, которые несет мировой экономике глобализация. Большинство доходов от нее, по их словам, утекает в богатые промышленно развитые государства.

Так, президент Танзании Бенджамин Мкапа заявил, что пропасть между богатыми и бедными странами продолжает увеличиваться. «Цифровое разделение», то есть неравенство между теми, кто уже входит в мир технологий, и теми, кто еще нет, тоже становится глубже, доба-

⁷ Махатхир Мохамад / Независимая Газета. — 29.12.98.

вил Мкапа. Он призвал остановить тенденцию, ведущую к сокращению доли Африки в общем объеме прямых инвестиций. Кроме того, добавил Мкапа, необходимо как можно скорее принять и выполнить программу мер по снижению долгового бремени беднейших стран.

Министр финансов Индии Яшвант Синкха заявил, что теоретически выгоды глобализации очевидны, однако существующая ныне система несправедлива в целом ряде аспектов. Так, в экологии, по его словам, люди из богатых стран Севера загрязняют окружающую среду куда больше, чем люди развивающегося Юга. Если весь мир будет жить так, как живет городская Америка, то очень скоро, вероятно, просто не будет мира, в котором можно будет жить. А иммиграционные законы, добавил министр, созданы таким образом, что лучшие, самые яркие представители Юга могут эмигрировать на Север. Все, чего просит Юг у Севера, — это справедливость. Юг не просит благотворительности. Мы добиваемся равенства возможностей.

Министр сельского хозяйства Бразилии Маркус Винициус Пратини де Мораес обратился к богатым странам со страстным призывом о либерализации мирового сельского хозяйства. По его словам, Бразилия, ведущий экспортер этой сферы, не может состязаться с фермерами Соединенных Штатов, Европейского Союза и Японии, которые в общей сложности получают по 1 миллиарду долларов субсидий каждый день.

Эти и другие мнения мировых лидеров на практике красноречиво подтверждают, что своими хищническими действиями транснациональные компании (ТНК) в настоящее время контролируют до половины мирового промышленного производства, более половины международной торговли и около 80 процентов мирового банка патентов и лицензий на высокие технологии.

В 1997 году из 150 миллиардов прямых иностранных инвестиций 80 процентов получила верхняя дюжина стран, оставив 30 миллиардов долларов на долю 136 развивающихся стран. Когда дело касается торговли, развивающиеся страны теряют еще больше. Приблизительно 70 процентов благосостояния, полученного в результате либерализации торговли (уничтожение тарифов и национального контроля с целью создать «свободный» рынок товаров, услуг и финансов), обретают богатые страны Севера, а остальное достается на долю Латинской Америки, Китая и стран Восточной Азии.

Появились беспрецедентные возможности делать деньги «из воздуха» с помощью игры на глобальных финансовых рынках, возможности, реализуемые в полной мере. Уже около 4 тысяч частных финансовых структур сегодня специализируется на такого рода спекулятивных операциях. В их руках сосредоточено от 400 до 500 миллиардов долларов, которые в любой момент могут быть брошены на тот участок мирового финансового пространства, где запахло легкой добычей. По оценкам Международного валютного фонда, 5-6 таких спекулятивных структур способны мобилизовать до 900 миллиардов долларов для нападения на ту или иную национальную валюту или фондовый рынок.

Против такого натиска трудно устоять даже крупному государству. Это ввергает экономику в глубокий кризис со всеми вытекающими отсюда социальными и гуманитарными последствиями. Причем такие кризисы распространяются, подобно цепной реакции, на многие страны. В 1998 году Россия, Кыргызстан и другие страны СНГ в полной мере ощутили их последствия. Так, Кыргызстан тогда стал фактически неплатежеспособной страной. Развалилась государственная финансовая пирамида. Потер-

пели крах ведущие коммерческие банки. Рухнул валютный коридор, курс сома в отношении доллара за короткий период упал почти в 40 раз. Многократно возросла реальная тяжесть внешнего долга. С тех пор экономический кризис не раз перерастал в политический, не раз страна была на грани социальных потрясений.

В качестве одной из практических мер по глобальной борьбе с бедностью президент Всемирного банка Джеймс Вулфенсон назвал увеличение до 0,7% ВВП объемов официальной помощи на цели развития, выделяемой странами с высоким уровнем доходов. Это позволило бы ежегодно предоставлять развивающимся странам дополнительно до 100 миллиардов долларов.

Дж.Сорос предлагает выпустить Специальные Права Заимствования (СДР), а богатые страны должны передать в дар свою долю СДР. Есть еще много не менее интересных предложений, выдвинутых гораздо ранее, но, к сожалению, не претворенных в жизнь.

Премьер-министр Малайзии М. Махатхир на различных международных форумах неустанно и настоятельно вносит предложение об обложении развитых стран инфраструктурными налогами, чтобы направить эти средства на строительство железных дорог, воздушных и морских портов, гидроэлектростанций, оросительных каналов. Это подняло бы экономику депрессивных стран, дало бы миллионам людей работу.

Не находят понимания и поддержки вполне разумные предложения антиглобалистов, выступающих за введение в странах-членах ВТО т.н. налога Тобина, когда с каждой финансовой операции будет отчисляться доля процента в пользу бедных стран. Замечательную идею в 2000 году в Давосе выдвинул бывший президент США Б. Клинтон о том, что возможно также помочь странам избавиться от

калечащего бремени долга, чтобы у них было больше денег для инвестиций в своих людей, их будущее.

Но воз, как говорится и ныне там. Количественно разрыв между 10-15% передовых держав и 85-90% стран слаборазвитых выражается в задолженности последних западному сообществу и Японии одного триллиона двухсот миллиардов долларов! Недавно состоявшийся греческий кризис показал, какой чудовищной угрозой являются внешние долги даже для такой, в общем-то, преуспевающей страны.

Между тем, нет сомнения в том, что одним из главных источников терроризма является бедность, вопиющее неравенство и несправедливость как в межгосударственных, так и межличностных отношениях. «АльКаида» — не просто террористическая организация. Это куда страшнее — это массовое движение обездоленных, опасно соединившихся с религией... Это ужасное дитя, родившееся из пропасти между богатыми и бедными.

В романе Чингиза Айтматова «Когда падают горы» наглядно раскрываются механизмы зарождения терроризма. Отслуживший свой срок во время войны в Афганистане Таштанбек (Ташафган) — безработный, бедный, живет в аиле, где «народ бедствовал, даже прежнего маломальского колхозного достатка лишился. Крепостной можно сказать, перебивались кто как мог — тяжким трудом или даже воровством, — и впереди никакого просвета. Говорят: бизнесом занимайся, а где он, тот бизнес — копай картошку, убирай сено, что еще? Зато свобода, мол, есть. Но свобода без достатка тоже ой какое нелегкое, пустое дело. Пока что все беды сельские списывали на переходный период: вот, мол, перешагнем в рынок — и пойдем! Жди! Один дурак даже несусветное придумал: надо, дескать, чтобы и дети рождались рыночные! Куда уж даль-

ше! О каких машинах у сельчан могла быть речь, на ишаках зачастили грузы возить, как в средние века. Хорошо еще маршрутки заезжать стали. А молодежь повально в город подалась, и житье там у нее цыганско-безработное... И вот здесь, в аиле состоялась роковая встреча бывших однокашников Арсена Саманчина и Ташафгана:

– А теперь, Арсен, – нас здесь никто не слышит, потому мы тебя сюда и привели... Не мне объяснять тебе, что такое глобализация и как плясать под эту дудочку каждому из нас, чтобы выжить.

– Не слишком ли ты широко берешь? – заметил Арсен Саманчин. – Глобализация – общемировой процесс. Давай поближе к делу.

– Я как умею, так и понимаю. То, что в мире есть богатеи – их теперь, как ты без меня знаешь, олигархами называют, – не секрет. Как с неба свалились. Ну, Бог с ними, только как понимать, если он стал богом бизнеса, а вокруг многие миллионы, вместе взятые, не имеют и крохи того, чем владеет один? Как с этим смириться? Кровь вскипает.

– Предполагается, что выход в конкуренции, – ответил Арсен Саманчин.

– Конкуренция бывает разная. Если кто-то сильнее и несравнимо богаче, так что нам, сидеть сложа руки? Почему эти арабские охотники, которые к нам прибывают, могут, если захотят, купить всех нас на корню за мелкую монету, а мы рады стараться подгонять им снежных барсов?

– Ты не туда идешь, Таштанбек, конкуренция с производства начинается. Тут важны и технология, и рабочая сила. Смогут ли они обеспечить развитие, чтобы не отставать?

Но Ташафган перебил его:

– Что значит – не туда идешь? Я туда иду, и ты пойдешь с нами. Все! С этого дня ты будешь с нами, если хочешь жить, а мы решили бесповоротно – этих самых арабских принцев мы берем в заложники (курсив мой – Ж.С.). Что уставился? Думаешь, просто так? Ничего подобного!

– Ну, ты даешь! Послать бы тебя к эдакой матери. Что ты мне бред какой-то втюхиваешь? Если в Афганистане научился так языком чесать – то только не со мной. Заткнись, пока не поздно, и забудьте про эту ахирию. И как только такое в голову пришло? Международный скандал хотите учинить? К тому же о других подумайте – вы что, хотите фирму «Мерген» в пропасть столкнуть? Соображать же надо!

– Правильно, надо соображать – международный скандал учинить нельзя, фирму «Мерген» завалить нельзя, а в нищету нас втаптывать можно? Без образования оставлять наших детей можно? Без лечения бросить нас можно? Вот так и получается в жизни: у богатых богатство в океан вмещается, а у бедных бедность в океан не влезет. А насчет традиций это ты ошибаешься, Арсен. Забыл, выходит, что в преданиях рассказывается, как барымта вымогали за заложников... И нечего тут рассуждать! Чтоб упустить свою с неба свалившуюся долю, надо быть последним идиотом. Двадцать миллионов на дороге не валяются!

– На дороге не валяются... Да это же прямой грабеж и бандитизм! Ты куда гребешь, подумай!

– Да ты что!.. У богатых своя глобализация – заграбастать себе на корню все богатства, у нас своя: поделить и свою долю вырвать, где подвернется. И то, что мы, захватив в горах арабов, выдавим из них свою барымту, – наше право»⁸.

⁸ Айтматов Ч.Т. Когда падают горы. – Бишкек, 2012. – Стр. 120-125.

Международный терроризм стал сегодня угрозой глобального масштаба. Появилась новая категория террористов-смертников (это как бы уже родившийся на свет эмбрион — кассандры), использующих в своих злодеяниях религиозный фундаментализм. Страдают или разваливаются целые отрасли экономики (авиаперевозки, туризм, фондовый и страховой рынки), отдельные страны и правительства оказываются под подозрением в поддержке терроризма, что делает их целью возможных военных интервенций. Международное право ветшает, союзы распадаются, возникает потребность в создании новых.

Роман Чингиза Айтматова «Тавро Кассандры» приобретает особую актуальность в связи с другим последствием глобализации, что сегодня буквально сотрясает мир. Вопиющий разрыв в условиях существования населения мира вызвал мощный поток миграции с Юга на Север, с Востока на Запад. Он дополняется гигантской диспропорцией в демографическом развитии населения, катастрофическим сокращением численности населения в западных странах. То есть глобализация сопровождается неслыханной демографической революцией, чреватой перманентными межэтническими и межгосударственными конфликтами и войнами, терроризмом.

«За минувшие пятьдесят с лишним лет население Земли удвоилось — пишет А. Уткин, — достигнув численности свыше 6 миллиардов человек, а Запад, по существу, прекратил даже воспроизведение уже достигнутого уровня своего населения. В 1950 году доля индустриального мира сократилась до 29 процентов от всего населения планеты. В дальнейшем ритм сокращения ускорился: в 1970-м эта доля составила 25 процентов, а в 2000-м — 18 процентов. На рубеже XX и XXI веков на Западе проживала уже только одна шестая часть населения планеты. И уж со-

всем малообещающей является проекция на будущее. В 2050 году, согласно прогнозам, на Западе будет проживать только 10 процентов мирового населения.

Явственно обозначилась тенденция, неведомая в прошлом: Запад стал демографически уменьшаться на фоне роста других регионов. Между 2000 и 2050 годами население Земли увеличится минимум на 3 миллиарда человек. Но при этом население Азии, Африки и Латинской Америки возрастет на 50 процентов, в то время как численность европейцев уменьшится, как минимум, на 100 миллионов человек. По прогнозам на 2050 год, европейское население не превысит (максимум) 600 миллионов человек, а скорее всего опустится до отметки в 556 миллионов. Ныне только одна из пятидесяти североатлантических наций — мусульманская Албания — продолжает демографический подъем, обеспечивающий ее выживание. Из 20 наций мира, имеющих самый низкий уровень рождаемости в мире, 18 (!) находятся в Европе. Между 2000 и 2050 годами население Европы сократится, как минимум, на одну шестую. К середине нынешнего столетия Европа потеряет население, равное населению современных Германии, Нидерландов, Бельгии, Швеции, Дании и Норвегии вместе взятых.

Чуть ли не единственной страной Запада, чье население в ближайшие полвека будет не уменьшаться, а расти, окажутся Соединенные Штаты. Численность американцев с нынешних 280 миллионов жителей, вырастет до 400 миллионов в 2050-м и 570 миллионов в 2100-м. Но при этом радикально изменится этнический характер страны.

На протяжении 1990-х годов, когда Америка так стремительно развивалась макроэкономически, население крупнейшего американского штата Калифорния выросло на 3 миллиона человек, но численность англосаксов за десяти-

летие уменьшилась на 0,5 миллиона. Графство Лос-Анджелес потеряло 0,5 миллиона белых. Теряя по 100 тысяч англосаксов каждый год, увеличивая за десятилетие азиатское население на 42 процента и имея среди лиц моложе восемнадцати лет 43 процента испаноязычных, крупнейший штат Америки движется к превращению в регион «третьего мира».

Если Европа пожелает сохранить свой нынешний уровень населения, к 2050 году она будет нуждаться в 169 миллионах иммигрантов. А если она пожелает сохранить нынешнее соотношение работающих и пенсионеров, то будет нуждаться в 1,4 миллиарда иммигрантов из Африки и с Ближнего Востока. Для многих западных стран массовая миграция представляет собой единственное средство сохранить производительное общество.

Недавно рассекреченный доклад французского правительства приводит весь набор аргументов относительно того, что у Европейского Союза попросту нет альтернативы приглашению в свои страны 75 миллионов иммигрантов. (При этом, предвидя какие серьезные проблемы это породит в создаваемом расовом обществе-гибриде, французские эксперты признают, что не видят иного пути, подлинной альтернативы «взаимному культурному оплодотворению») Разведывательное сообщество США также весьма отчетливо усматривает в демографических проблемах тормоз на пути глобального экономического прогресса. «Европейская и японская популяции быстро стареют, что требует свыше 110 миллионов новых рабочих к 2015 году для поддержания текущего уровня между работающими и пенсионерами». Цифры на 2050 год будут, разумеется, значительно больше.

По мере того, как Запад вымирает, бурным темпом растет бедный мир Азии, Африки и Латинской Америки.

Ежегодно этот мир увеличивается на число населения, соответствующее населению такой весьма крупной страны, как Мексика. К 2050 г. его народонаселение возрастет на сорок сегодняшних Мексик, в то время как Европа по численности своих жителей будет превращаться в менее значительный регион.

Традиционно воспринимаемый как «маленький» Вьетнам превзойдет по населению «большую» Россию. В грядущие двадцать пять лет население Израиля вырастет на 2,1 миллиона человек. За это же время население соседних арабских стран увеличится на 62 миллиона. Сегодня государство Израиль окружают 16 миллионов палестинцев. В 2050 году рядом (и вместе) с 7 миллионами израильтян будут жить 25 миллионов палестинцев⁹.

Итак, глобализация приводит к масштабным миграциям, что накладывает на интенсивное сокращение численности доминирующих, государствообразующих наций. В результате чего в западных странах появляются мультиэтнические и мультикультурные сообщества. Образующиеся группы мигрантов, равно как сообщества коренных жителей ранее покоренных территорий и даже представители национальных автономий, стремятся найти те черты общности, которые помогли бы им выделиться из большинства и ощутить собственную специфику, что, нельзя не признать, является для них чрезвычайно важным. Однако они требуют тех или иных прав не в силу своих особенностей как личностей, а в силу непохожести их «культуры» на культуру большинства. Это бросает западным обществам радикальный вызов, что вызывает острую негативную реакцию, не только коренного большинства, но и лидеров государств и правительств. Так, пре-

⁹ Уткин А. Будущее Запада. / Свободная мысль. – 2003, № 2. – Стр. 53-68.

мьер-министр Великобритании открыто заявил, что мультикультурализм обособил национальные меньшинства, превратив их в своего рода гетто как физически, так и психологически. Политика мультикультурности нас подвела, настало время либерализма с мускулами. Необходим агрессивный либерализм и продвижение ценностей, которые разделяют все члены британского общества. О крахе политики мультикультурализма заявила и канцлерина ФРГ А.Меркель.

Повсеместно на Западе ужесточаются законодательные и организационные меры по отношению мигрантам, особенно нелегальным; появляются радикальные политики, фашиствующие националисты. Уже сейчас в ряде стран как на Западе, так и на Востоке наблюдаются опасные расистско-националистические эксцессы. Все это подчас начинает походить на столкновение западно-христианской и мусульманской цивилизаций (как бы по С.Хантингтону).

Почти во всех произведениях Чингиза Айтматова красной нитью проходит проблема охраны окружающей среды. Он убежден в том, что нынешние природные и технические катастрофы являются следствием человеческой алчности и агрессивности по отношению к природе, что в конце концов приведет к гибели человечества. На своем жизненном опыте, как и все мы, Чингиз Айтматов видел, как деградирует окружающая среда, какая надвигается катастрофа, порожденная рукотворными деяниями человека. Он, вспоминая свою первую поездку в детские годы в Москву вместе с мамой и семьей в поезде, писал: «Огромное впечатление на меня произвело Аральское море. В то время это море-озеро не имело конца и края, оно широко и привольно раскинулось среди бескрайних степей. Я впервые в жизни видел столько воды. Волны озера набе-

гали на самые рельсы... Не отрываясь от окна, мы глядели на волны, белокрылых чаек над водой. Меня тогда поразили бескрайность и величавость Арала. Теперь, когда я проезжаю по тем местам, с горечью вижу, как быстро высыхает и стягивается море»¹⁰. В результате неправильного использования воды рек Амударьи и Сырдарьи, а именно – только для ирригации, для безмерного увеличения площадей хлопчатника, ибо хлопок является существенным элементом современных ракетно-космических технологий, произошла экологическая катастрофа на озере Арал. Обмеление озера из-за недостатка воды обнажило обширные прибрежные территории его акватории. Осадочные соленые отложения озера в результате ветровой эрозии стали переноситься в горы, где они оседают на ледниках, ускоряя их таяние. В последние десятилетия XX века только за 10-12 лет количество оседаемой пыли и соли достигло 90 млн. тонн. Между тем общепризнано, что горы, занимая примерно 25% суши Земли, около 50% населения планеты обеспечивает водными ресурсами. Горы, как образно пишут газеты, являются «водонапорными башнями» земли.

Экономическое развитие государств, благополучие и здоровье наций находятся под постоянной угрозой со стороны природных и антропогенных катастроф. При этом если в прошлом подобные явления были чрезвычайно редки и их последствия ограничивались отдельными районами или регионами одной страны, то к концу XX века ситуация изменилась коренным образом. Природные и техногенные катастрофы приобрели разрушительный глобальный характер как для экономики планеты, так и для её экологии. Так, за последние 40 лет количество только

¹⁰ Айтматов Ч.Т. Детство. – Бишкек, 2011. – Стр. 25-26.

природных катастроф с ущербом более 1 миллиарда долларов каждая возросло в 4,5 раза. Аналогичная тенденция наблюдается и в отношении крупных техногенных аварий. Число таких аварий с ущербом более 67 миллионов долларов каждая с 1970 по 2000 годы возросло более чем втрое. При этом они происходили в 1,7 раза чаще, чем чрезвычайные ситуации природного характера сопоставимой разрушительности.

При сохранении существующих тенденций в 2000-2010 годах экономический ущерб от катастроф может достигнуть в среднегодовом выражении астрономической величины – 150 миллиардов долларов, что в три раза превысит показатель 1990-х годов, тогда как мировой валовой продукт, по прогнозам аналитиков, вырастет лишь в 1,7 раза. Это означает, что мировая экономика в обозримом будущем не сможет восполнять экономический ущерб от бедствий и катастроф, затрачивая все больше ресурсов на преодоление их последствий, а все уменьшающуюся долю оставшихся ресурсов – на воспроизводство материальных благ и поддержание или улучшение качества жизни населения.

Растет численность пострадавшего населения от природных и техногенных катастроф. Только за последнее десятилетие количество пострадавших от этих катастроф в целом мире удвоилось, составив в среднем в год, по разным данным, 188-200 миллионов человек. Это почти в три раза больше, чем в 1970-е годы, и в шесть раз больше, чем количество пострадавших от вооруженных конфликтов за этот же период¹¹.

Все эти бедствия являются следствием бунта человека против мира природы. Сегодня мы являемся свидетелями

тому. В произведениях Чингиза Айтматова месть и протест окружающей среды против человека изображается на стыке фантастики и мифологии, но так соприкасаются с реальной действительностью, что невозможно не поверить. Все мы в разные годы из разных источников СМИ узнавали о странном факте группового самоубийства китов. Чингиз Айтматов раскрывает глубинный смысл этого феномена ошеломляюще радикально. Вот диалог героя романа Борка со своей супругой Джесси. Она спрашивает: «—Это когда они выбрасываются на берег? Ты это имеешь в виду?»

— Да, именно так. Так вот, что заставляет китов полных сил и, надеюсь, умственного здоровья, вдруг ни с того ни с сего, как сговорившись, подплыть ночью к берегу и швырнуть себя на отмель, где воды по щиколотку, на издыхание! И там, не делая даже попытки рвануться назад в океан, киты погибают. Зачем они это делают, отчего, почему?

— Но постой, — перебила его Джесси, увеличено засияв глазами. — Сколько раз об этом писали в газетах. И что, твой австралиец знает, отчего это происходит?

— В том-то и дело. Ведь мы с ним как рассуждали? Что это явление — самоубийство китов — противоречит биологическому закону самосохранения вида. То есть — природе вопреки. Такого нет в животном мире.

— Зато среди людей сколько угодно.

— Это совсем другое. Категорически другое. И не об этом речь. Тут совсем иная картина, Джесси. Ни один ученый не мог объяснить природу этого странного явления. А Киффер (тот австралиец — Ж.С.) вдруг приоткрыл передо мной картину вселенского характера.

— Так в чем же суть его гипотезы?

¹¹ Карякин Ю. Природные и техногенные катастрофы. / Свободная мысль. — 2010, №9. — Стр. 77-80.

– Он пришел к потрясающему выводу. *В акте группового самоубийства китов он видит реакцию мирового разума на земные события* (курсив мой – Ж.С.).

– Ну, это совсем фантастика, Роберт!

– Не скажи, не скажи, дорогая моя... Киты – это живые радары в открытых океанах, это улавливатели подспудных сигналов космоса; быть может именно они, киты, первыми узнают, когда назревает извержение вулканов, и безмолвно режут от напора внутри земной энергии, но должно быть, самое трагическое для них, несокрушимо выносливых в таких штормах и бурях, что не всякому кораблю по силам, *самое страшное для них, когда обрушиваются на них сигналы людских стихий, людских злодеяний, вызывающих непостижимый для нас дисбаланс в состоянии мирового духа. Лишенные дара речи, киты не могут выразить, насколько они страдают за нас, и как это давит, душит, разрывает их изнутри, требуя выхода, требуя разрядки. Ты пойми, как это мучительно! Помнишь, кто-то нам рассказывал, как увидел на улице немую девушку. Мать её убил отец-мерзавец, она, несчастная, бегала, не могла объяснить людям, что произошло, и хотела кинуться под трамвай* (курсив мой – Ж.С.). И вообще, суть всего романа «Тавро Кассандры» – это бунт природы против человека, это предупреждение всему человечеству, если не сделает оно крутой поворот в своем нравственном самосознании и поведении, то конец света очень даже реален. «Ну, вот, – пишет Чингиз Айтматов, – представьте даже схематически. Разве эти нескончаемые войны и так называемые славные, в том числе, все эти революции, бунты, восстания, преступления, жестокость властей, деспотизм учений и идеологий – разве все это, вместе взятое, все, что постоянно корежит, выкручивает жизнь, судьбы, делает

народы постоянно взаимно ненавидящими, людей – алчными существами, разве все это не находит выражение в бессловесном протесте кассандро-эмбрионов, число которых все возрастает? Отказ их от жизни – это и предчувствие конца света»¹².

Если кассандро-эмбрион – знак беды, то в повести «Белое облако Чингисхана» белое облако – это знак благосклонности покровительства Божественного Неба, т.е. Тенгри (Бога Язычества) к Чингисхану. То есть он – проводник воли Неба-Тенгри на земле... «Иначе чем было бы объяснить то, что порой удивляло и его самого – стремительное восхождение, подобное взмывающему соколу, к высотам грозной и головокружительной славы, к повелительству миром мальчишки-сироты из обедневшего рода мелких аратов – киятов, что жили испокон века охотой да скотоводством. Как могло случиться такое небывалое в истории овладение гигантской властью – ведь, в лучшем случае, жизнь могла бы уготовить отчаянному сироте судьбу лихого налётчика-конокрада, кем он и был поначалу. Гадать не приходилось – без промысла Неба-Тенгри однолошадного Темучина никогда не осенило бы знамя с золотыми, огнеизвергающими драконами, и никогда бы не именоваться ему Чингисханом и не воссесть под куполом Золотой юрты!..

И вот подтверждение тому, что все именно так, вот явилось неопровержимое свидетельство, наглядное доказательство Небесного благорасположения к Хагану Азии! Вот оно перед взором, чудесное облако, заведомо предсказанное бродячим прорицателем, который чуть было не поплатился головой за свое юродство. Но слова его сбылись! Белое облако – послание Неба Небесному сыну, знак

¹² Айтматов Ч.Т. Тавро Кассандры. – М., 1995. – Стр. 43-46, 74-75.

одобрения и благословения, провозвестник великих грядущих побед... И потекли дни похода. А белое облако в вышине, никуда не отклоняясь, плавно плыло перед взором Чингисхана, восседавшего на своем знаменитом иноходце Хубе»¹³.

...Случилось так, что доложили Чингисхану о том, что одна из женщин в обозе родила – вопреки строжайшему на то его ханскому запрету¹⁴. Это крайне возмутило Хагана. Надо же, кто-то не внял его воле и посмел свои необузданные плотские страсти поставить выше его великой цели. И Чингисхан решил сурово наказать, казнить ослушников перед всем войском. Сцена казни крайне бесчеловечная и жестокая.

При этом вызывает глубокое восхищение, низкого поклона мужество и преданность Догуланг – матери ребенка. «Укажи, блудница, от кого ты родила? – Именно в этом строю в голове отряда находился сотник Эрдене на своем звездолобом коне Акжудузе. Взгляды Догуланг и Эрдене встретились. В общем гаме и суете никто не обратил внимания, как трудно отводили они глаз друг от друга, как вздрогнула Догуланг... Взяв себя в руки, снова твердо ответила:

– Нет, нет здесь отца моего ребенка!

– Спрашиваю тебя в последний раз. Тебе, глупая по-таскуха, все равно погибать, и выродку твоему не жить! Как тебя понимать все-таки, неужто ты не знаешь, от кого понесла? Может, поднатужишься, припомнишь?

– Не помню, от кого. Это было давно и далеко отсюда, – отвечала вышивальщица.

– Так выходит, как понимать, – на базаре где приспособилась, что ли?

¹³ Айтматов Ч.Т. Белое облако Чингисхана. – М., 1991. – Стр. 49-73.

¹⁴ Там же, стр. 91-92.

– Да, на базаре! – вызывающе ответила Догуланг.

– Торговец или скиталец? А может быть, вор базарный?

И опять взрыв хохота и визг.

– А какая разница, что торговец, что скиталец или вор – самое главное на базаре этим делом заняться!

И тут неожиданно в рядах воинов раздался чей-то голос. Кто-то сильно громко крикнул:

– Это я – отец ребенка! Да, это я, если хотите знать!

...И все поразились: прищпоривая своего звездолобого коня, из рядов выехал вперед сотник Эрдене. И, удерживая Акжудуза на месте, снова повторил громко, оборачиваясь на стремянах к толпе:

– Да, это я! Это мой сын! Имя моего сына Кунан! Мать моего сына зовут Догуланг! А я сотник Эрдене!

...Он шел при полном молчании вокруг, и все видели человека, свободно шедшего на смерть. Дойдя до своей возлюбленной, приготовленной к казни, сотник Эрдене упал перед ней на колени и обнял её, а она положила руки на его голову, и они замерли, вновь соединившись перед лицом смерти»¹⁵.

Страшная, дикая казнь состоялась.

С ребенком осталась рабыня Алтун. На всем необозримом степном пространстве не было ни дымка, ни огонька... Бескрайняя степь да бескрайние небеса, лишь маленькое белое облачко тихо кружило над головой (курсив мой – Ж.С.).

А тем временем... Тревожно и тщетно обозревал Хаган небеса, прислонив дрожащую ладонь к глазам – нет, не задержалось, не отстало в пути белое облачко, не было его ни впереди, ни позади... неожиданно исчезло оно, неиз-

¹⁵ Там же, стр. 100-101.

менно сопровождавшее его бело облачко. Больше оно не появилось ни в тот день, ни на второй, ни на десятый. Облачко покинуло Хагана»¹⁶ (курсив мой – Ж.С.). Логика здесь такова: Чингисхан вторгся в ту сферу, где господствует только само Небо-Тенгри, то есть, запретив деторождение, он оторвался от природы и от Бога, от органических корней и проявил тем самым своеволие. Возомнил он себя богом и потому был покинут и наказан Небом-Тенгри. Едва достигнув берегов Волги, Чингисхан тяжело заболел и возвращается обратно, умирает где-то в пустынях Гоби.

Планета Земля сегодня переживает участившиеся природные и техногенные катастрофы. Интенсивно используя науку, человек выработал для порождения бедствий силу, значительно большую, чем сила природы. Представляется несомненным, что власть человека над окружающей его средой уже достигла той степени, на которой эта власть приведет к саморазрушению, если человек будет продолжать использовать её на службе своей алчности.

Единственный способ положить конец тем бедствиям, о которых мы рассуждаем, – это овладение каждым планетарным мышлением, о чем так страстно проповедовал Чингиз Айтматов. Политики, руководители всех рангов, предприниматели, ученые должны признать человеческую ответственность за сотворение всех этих бедствий. Для того чтобы спасти человечество от грядущих катастроф, необходимо всемирное взаимодействие последователей всех религий и философий. Расточительное, алчное отношение к природе можно преодолеть только в сфере индивидуальной духовной жизни. «Только религиозное отношение, – писал А.Тойнби, – к человеческой жизни и

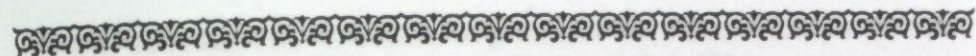
окружающей среде может дать нам возможность признать, как признавали наши предки, что, несмотря на свою исключительно большую власть, человек является частью природы и должен сосуществовать с остальной природой, если природа и человек в его неотъемлемом природном окружении собираются выжить»¹⁷. Развитие такой точки зрения требует того, чтобы все люди произвели коренную ломку в своем отношении к природе в сокровенных глубинах своего собственного существования. Для этого необходимо, чтобы все религии и философии взяли на себя ведущую роль в формировании человеческого, гуманного отношения человека к окружающей его среде.

Надо максимально использовать положительный фактор переживаемого момента, когда во всем мире происходит ренессанс религий, когда массы поворачиваются к ним лицом. Например, в Кыргызстане никогда не было так, чтобы массы, особенно молодежь, становились религиозными. Не случайно, наверное, Чингиз Айтматов устами героя романа «Тавро Кассандры» Р.Борка высказывает в этом смысле сугубо революционную идею: «Что было бы, как обернулась бы жизнь отдельной личности, как сложились бы судьбы людские, если бы каждый человек на земле был волен исповедовать в равной мере все религии, если бы дано было человеку не регламентируемой, свободной причастности – если он, разумеется, религиям в одинаковой мере и с одинаковым «статусом», когда бы он был приверженцем не какой-то отдельной конфессии или секты, исключаящих все остальные верования, а мог бы быть членом ассамблеи мировых религий и был бы признаваем ими всеми без каких бы то ни было оговорок, когда бы он мог считать себя и христианином,

¹⁶ Диалог Тойнби – Икеда. – М., 1998 – Стр. 47.

¹⁷ Айтматов Ч.Т. Тавро Кассандры. – М., 1995. – Стр. 80-81.

и мусульманином, и буддистом, и иудаистом и прочим в этом ряду верований, и каждой религии – его любовь и уважение, а ему – признание его всеми культурами, и он бы свободно принимал их идеи и нормы, но не сектантские, не изоляционистские, а общерелигиозные. Религиозная ассамблейность не ослабила бы идею Бога ни в одной из существующих религий, а напротив, придала бы им свойства универсальности, открытости, динамизма и, самое главное – обнажила бы человеколюбивую основу религий в её исходной сути, в деяниях, а не только в прекрасных теориях...»

Глава IX.

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ И МЫ (вместо эпилога)

Прошло уже пять лет после смерти Чингиза Айтматова. Но горечи и тоски от того, что его нет в живых, в нас не убывает, мы чем дальше, тем глубже ощущаем, что не только для кыргызского народа, но и для всей мыслящей, интеллектуальной части человечества смерть этого человека – неизмеримая потеря. Затянется ли, заполнится ли когда-нибудь брешь, которая образовалась после смерти этого гиганта?

Явление Айтматова, его творчество – это духовный переворот в жизни нашего народа. С тех пор мы ушли в другие измерения, принадлежим не только иной исторической, но и иной духовной эпохе. Благодаря Айтматову кыргызский народ, быть может, впервые более ясно осознал свою идентичность как нации, с удивлением узнал, что в своих недрах есть такие неповторимые, грандиозные личности, как Дюшен, Джамиля, Толгонай, Танабай и Едигей Джангельдин. Чингиз Айтматов не только великий художник, но и великий мыслитель, философ. Это я старался показать на протяжении всей своей книги. Здесь, в заключительной ее части, постараюсь раскрыть лишь некоторые штрихи его неповторимой, яркой личности. Феномен Айтматова – это синтез природного (генетического), социального (особенно его трагического детства) и предопределенности его судьбы.

Чингиз Торекулович Айтматов родился в аиле Шекер, Таласской области в 1928 году. Его отец Торекул был

крупным государственным и политическим деятелем в одном ряду с Ж.Абдрахмановым, А.Орозбековым, А.Садыховым и другими. «Когда я вспоминаю об отце, – писал Чингиз Айтматов, – то память услужливо преподносит мне одну и ту же картину: густые, иссиня-черные волосы с маленьким пучком седины, выцветшая на солнце рубаха, кожаные сапоги с длинным голенищами... Время было тяжелое, многие тогда еще не понимали суть проводимых реформ и потому находились на перепутье. Я видел, как после разговора с моим отцом люди светлели лицами, и казалось, распрямлялись, и с гордостью я думал, что все тяготы жизни могут быть преодолены только с помощью моего отца, умного и не ведающего, что такое усталость...»¹ Из этих воспоминаний Айтматова наглядно просматривается аристократический стержень, благородная порода отца.

Вода течет, как говорится, по тому арыку, по которому текла. Дедушка Чингиза Торекуловича Айтмат был человеком чрезвычайно трудолюбивым, золотых дел мастером, обладателем редкой для того времени профессии закрыщика. Он был первым владельцем знаменитой немецкой швейной машины «Зингер», первым в своем аиле построил мельницу. Хорошо говорил по-русски, участвовал в строительстве маймакского железнодорожного тоннеля, работал даже учителем труда в школе. В 1915 году он устраивает сына Торекула в русско-туземную школу в Аулиате (ныне Тараз). Айтмат знал и чувствовал, откуда дуют ветры цивилизации, по какому руслу истории потеет судьба его семьи. В том, что сын Торекул стал масштабным политическим и государственным руководителем, немалую роль сыграла именно это русскоязычная школа.

¹ Айтматов Ч.Т. Детство. – Бишкек, 2011. – Стр. 23-25.

На Айтматова оказала огромное влияние бабушка, которая души не чаяла во внуке. «Когда я вспоминаю о своем детстве, то в первую очередь на ум приходит светлый образ моей бабушки Айымкан. Она была личностью в полном смысле этого слова и, наверное, поэтому пользовалась любовью и уважением всех жителей аила. На голове у бабушки всегда красовался ак элечек. По обычаям моего народа, такой головной убор имеет право носить самая старшая и уважаемая женщина семьи. Этот элечек ладно сидел на её голове, придавая ей не только своеобразную красоту, но и какую-то недоступность. Будучи неграмотной, бабушка отличалась какой-то природной сметкой и глубоким житейским умом. Отец многому научился у матери и, насколько я помню, всегда гордился ею... Неграмотная женщина, она обладала поистине феноменальным умом и памятью: знала наизусть тьму народных песен, плачей и сказок. Самые сладостные дни моего детства освящены заботами и лаской моей незабвенной бабушки»².

Бабушка каждое лето вывозила его на жайлоо. Мальчик был потрясен величиной, дикостью, непричесанностью гор Ала-Тоо. Народный фольклор, сказки бабушки пали на благодатную почву, на феноменально чувствительную душу мальчика. С бабушкой верили и в приметы, и в гадания, и в пророчества снов, в голоса, раздающиеся с неба и предсказывающие судьбу. То была вера в судьбу – в суд божий. Вглядываясь в мальчика Чингиза, мы видим в нем способность к состраданию, к пониманию боли другого существа, к участию. Он отзывчив, хотя и самолюбив, он весь готов раствориться в жалости к старости, к бедности, к слабости. Но, как правило, сострадание

² Там же, стр. 10-11.

берет верх. Что-то растопляется в нем – и он спешит навстречу призыву близкого, будь то мать, брат, сестры или чужие люди, просящие о помощи.

Мать Чингиза Торекуловича – Нагима апа было дочерью каракольского крупного купца Хамзы Абдувалиева, который в молодости прибыл в Кыргызстан с караванами Шелкового пути и обосновался здесь окончательно. Его торговые связи распространялись не только на Россию, но и на Польшу и другие страны Восточной Европы. В Караколе он создает первый в регионе торговый центр, развивает садоводство и овощеводство. Его жена Азиза была близкой родственницей самого Димаша Ахмедовича Кунаева. В этой семье родилось восьмеро детей, из них самая младшая – Нагима апа. Читая воспоминания о ней Розы Торекуловны Айтматовой, младшей сестры Чингиза Торекуловича, я был до глубины души потрясен: как эта хрупкая, далеко нездоровая женщина смогла справиться с тем невыносимо тяжелым бременем, что свалился на её плечи в годы сталинского террора и отечественной войны. В ту грозную годину она потеряла не только мужа, но фактически всю свою семью – родителей, всех братьев и сестер, которые так или иначе были перемолоты в жерновах репрессивной, бесчеловечной политики большевиков. Представьте себе, грамотная, по-европейски воспитанная женщина, только вчера жившая в московских условиях, в одночасье с четырьмя детьми оказывается в кыргызском аиле где, мягко говоря, совсем не те условия. В книге Розы Айтматовой приводится её диалог с одной соседкой-молодухой, которая её (уже тяжело больную) успокаивает:

– Нет худа без добра. Не всегда же только беды будут вас преследовать. Надеемся на лучшее, – говорит соседка.

– Да, ты права. Приедет Торекул, и все изменится к лучшему. Вот только болезнь очень мучает. Днем еще ничего, работа, домашние хлопоты, боли как-то забываются... А мучения начинаются вечером... Ревматизм, астма вместе всю ночь спать не дают. И иногда, когда не могу, я молю и прошу Бога: милостивый бБоже! Забери мою душу, чтобы утром я не проснулась. Почему столько горя, мучений и страданий навалились на мою голову. Дай мне умереть, чтобы все это не видеть... ..И оглядываюсь, вижу сладко спящих своих детей, и за только что допущенную мысль о смерти испугалась. Каюсь, о, боже, прошу прощения за мою глупость! Прости меня за мое нетерпение, за малодушие перед трудностями, за то, что возжелала своей смерти. Умереть-то – можно умереть. Но что будет с моими детьми? Куда они пойдут, у кого они найдут пристанище? Нет, господи, сохрани меня до прибытия Торекула!

И чувство сиротства, разобщенности в царстве бедности и мглы было для Чингиза неизбежным и сообщило его творчеству характер трагический. Каждый день, каждый час его жизни омрачала память о расставании навсегда с отцом в Москве. Состоянию повседневной жизни отвечала его собственная трагическая судьба: ранняя гибель отца и его брата Рыскулбека. Все это свершалось словно затем, чтобы усилить в его творчестве трагический элемент.

Все эти годы Чингиз Торекулович вместе с матерью мучается её мучениями, болеет ее болями. «События военного времени, писал он, – были чудовищно страшными. Со своими по-детски незащитным внутренним миром я окунулся в самую гущу этих трагических лет, чтобы вынести из них уроки добра и милосердия»³.

³ Там же, стр. 27-29.

Его книги содержат самый достоверный айтматовский портрет, самую глубокую и самую верную айтматовскую характеристику. Это — его сочинения, в которых он отразился весь, каким был в действительности и каким хотел быть! Читая его романы и повести, скажем, трагический «Белый пароход» или одну из самых удивительных книг во всей мировой литературе — «И дольше века длится день», мы невольно вспоминаем, что сказал Пушкин о Байроне: «Он исповедался в своих стихах, невольно, увлеченный восторгом поэзии».

Как всякий настоящий, а тем более великий писатель, Айтматов исповедался в своих произведениях, и, перелистывая томики его сочинений, мы можем прочесть историю его души и понять его как писателя и человека. С возвращением из Москвы в Шекер начинается внутренняя перестройка в Чингизе. Доселе дремавшая воля, находившаяся в беспечном усыплении детства, вдруг оживает. Она обнаруживает себя в способности к стройности, организованности, к сознательно умышленному руководству беспорядком чувств. Нет уже мальчика, есть юноша, заглядывающий в свое будущее, есть человек, который уже готов к выбору. Понятие судьбы отныне будет пребывать с ним. Судьба и рок, должны воплотиться в воле живущего, в его личном стремлении преодолеть свою смертность и исполнить долг. Теперь вся его любовь, вся неистраченная благодарность и сочувствие обращаются к дому, маме, к сестрам и братишке своим, которым он остался за отца, к родным и близким. Расставание с отцом как бы разбудило его душу, отомкнуло ее для отчаянной борьбы за жизнь.

Позже, сочиняя романтические рассказы и повести, он рисовал в своем воображении свободных и гордых героев, людей пылкого сердца, могучей воли, верных клятве,

готовых гибнуть за волю, за родину, за идею, остающихся верными себе. Разумеется, в реальной действительности подобных им не всегда можно было встретить. Но Айтматов сообщал им собственные черты, наделял своими мыслями, своим характером, своей волей. В повседневной жизни, где и совесть, и честь, и свобода, находятся часто в железных оковах, где нередко царят ложь, лицемерие и трусость, ум и сильный характер резко отличаются человека от обыденной толпы. «Да, в этом человеке есть сила духа и могущество воли, которых в вас нет, — писал Белинский, обращаясь к критикам лермонтовского Печорина. — В самих пороках его проблескивает что-то великое, как молния в черных тучах, и он прекрасен, полон поэзии даже и в те минуты, когда человеческое чувство восстает на него... Ему другое назначение, другой путь, чем вам. Его страсти-бури, очищающие сферу духа...» Таков Танабай, таков Едигей Жангельдин.

Чингиз Айтматов был разным и непохожим — и в условиях беспощадной повседневной реальности, и в кругу душевных друзей, и в одиночестве, и в момент романтического вдохновения и в яростном гневе. Вот один факт из его детства. «В феврале 1943 года, — писал Айтматов, — нашу семью постигло большое горе... Поскольку возможности держать в подворье скотину у нас не было, свою единственную корову мы, с разрешения председателя, зимой определяли на постой в колхозный сарай. Нашу корову звали Сукра, и она была кормилицей всей нашей семьи... Я никогда не забуду то раннее утро, когда я, как обычно перед уходом на работу, пришел проведать нашу корову. Обычно в это время спали даже сторожа. Сукры на месте не было, только веревка, который мы привязывали ее, лежала у выхода... Я сломя голову выбежал за околицу, обегал все логии, выпасы, пригорки, но Сукры

нигде не было. Да, и разве так рано корова уйдет сама по себе из кошары?! Мне не хотелось верить в то, что Сукру нашу увели воры, хотя других объяснений уже не было. Я побежал домой, чтобы рассказать маме о пропаже коровы. Казалось, непроглядная ночь сгустилась над нашими головами. Все плакали, не зная, что делать. Для нас как будто наступил конец света. Посудите сами, четверо малых детей, с больной матерью и с её сестрой, которая после ареста мужа и отправки сына на фронт была на нашем попечении...

...Даже сейчас, по прошествии шестидесяти с лишним лет, при воспоминании об этом случае у меня перехватывает горло. Мы, дети военного времени рано повзрослели и взяли на себя бремя многих забот, в том числе и ответственности за семью. Я старался сдерживаться, не показывать младшим и маме своей слабости и слез. Мое неподдельное горе вылилось в твердое решение: во чтобы то ни стало найти вора и убить. С этой мыслью я отправился к трактористу Темирбеку, жившему по соседству с нами: праведный гнев клокотал во мне, я быстрыми шагами шел к Темирбеку, у которого было охотничье ружье.

Он лежал дома больной, с высокой температурой. Оказалось, весть о пропаже нашей коровы дошла до него. Выслушав мою просьбу, он сразу же сказал:

— Конечно, какой разговор! Вон висит на гвозде, и патронташ рядом. Был бы здоров, сам нашел бы подлеца и пристрелил, как собаку! — скрипнул он зубами.

Я вышел из дома Темирбека, перекинув через плечо патронташ с ружьем наперевес. С мыслями о мщении я шел по полям, пытаюсь отыскать следы... Я блуждал по полям, холмам, исполненный праведного гнева.

...То ли оттого, что был весь во власти сладостной мести, то ли по какой другой причине я не сразу заметил

незнакомо́го белобородо́го старца верхом на ишаке. Старец окликнул меня:

— Подожди, сынок?! Ты, что собрался убить кого-то?!

— Да, — буркнул я, обернувшись. — Убью!

Весь вид старца излучал доброту и спокойствие.

— Тогда не торопись, сынок! Послушай меня и расскажи, что случилось, — голос старца звучал тихо.

— Они украли у нас стельную корову. Нас четверо братьев и сестер, я самый старший. Мама и ее сестра болеют.

— Да-а, нехорошо вышло! Очень плохо и страшно! Я понимаю твой гнев. Но выслушай меня. Месть — дело последнее! Пусть эти проклятые воры — трижды преступники, но ты не должен даже допускать мысли об их убийстве!

Я промолчал: хотя в груди все стонало и бушевало. Хотелось закричать, объяснить незнакомцу, а вместе с ней и надежду.

— Я тебя хорошо понимаю, сынок, — вновь заговорил старик. — Ты в отчаянии, и горе тебе кажется безмерным. Послушайся меня, старика, не убивай никого! Гони прочь от себя даже мысли об этом! Возвращайся домой! Этот мир справедлив, и те, кто сделал лихо, обязательно будут наказаны. Поверь мне!

...Странно, но его тихий, проникновенный голос быстро растворил комок в моей груди. Гнев мой стал утихать, и я молча повернул домой. Вдруг горе, которое целый день не находило выхода, рыданиями сотрясло мое тело. Не сдерживаясь, я рыдал во весь голос...

Смелость и решительность в характере мальчика остались закваской, бродилом личности Айтматова. Его соратник, ныне заслуженный зоотехник республики Ильяс Ботбаев вспоминает событие, случившееся на свадьбе Чингиза Торекуловича с многоуважаемой, незабвенной

Керез эже. В разгар свадьбы, говорит Ботабаев, откуда не возьмись, появился вдребезги пьяный гость, угрожая всем большим кухонным ножом в руках, начал размахивать им, даже задел этим ножом кого-то из сокурсников. Все мы забились в угол, не на шутку испугавшись, никто не решился унять этого хулигана. И только сам Чингиз бросился на него, схватил нож прямо за лезвие и вырвал из его рук и свалил его одним мощным ударом кулака... Другой сокурсник Чингиза Айтматова, ныне пенсионер из Талды-Суу Тюпского района Келгенбаев Сабыр вспоминает: «Чингиза любили все мы и даже институтское начальство: в его серьезности, самостоятельности мнений и решительности поведения было нечто не просто привлекательное, но и такое, с чем невозможно было не считаться. К его мнению стали прислушиваться, а потом и обращаться к нему за советами. Вскоре уже Айтматов стал уже серьезным авторитетом для наиболее думающей части своих сокурсников. Я, – признавался Сабыр Келгенбаев, – не ограничился привязанностью к Чингизу, но совершенно подчинился его влиянию. Он, так же как я, безумно любил коней, и мы часами говорили об их психике, повадках. Его влияние, надо сказать, было на меня в то время в высшей степени благотворно. Айтматов во всех отношениях был выше меня по развитости, его начитанность изумляла меня».

Страсть и пламя горцев Ала-Тоо, слияние с красотой гор и степей, свойственные своему народу, его свободолюбие и великодушие – все это в сердце Айтматова, в водопаде его чувственного эмоционального мира. «Из московского детства мне хорошо запомнился наш поход с отцом в дом кино, – вспоминает Айтматов, – где демонстрировался один из лучших фильмов тех лет – «Соловей-соловушка». В фильме рассказывалось о любви красивой девушки и парня... Трагическая любовь, слезы девушки, ее

печальные песни оставили неизгладимое впечатление в моей детской душе. Тем более, что в то время кинофильмы больше напоминали театральные спектакли. Прямо в зале я зашелся в плаче. Отец не знал, что делать: и досмотреть ему хотелось, и успокоить меня не мог, несмотря на все старания. И все же мы досмотрели фильм до конца. Отец по пути домой молчал, а я шел и думал о полюбившихся мне героях, переживая за них, глаза мои от слез опухли и покраснели. На расспросы мамы отец в сердцах пожаловался:

«И чего наш старший сын такой чувствительный?! Фильм на всех произвел большое впечатление, но никто не плакал так, как Чингиз» (курсив мой – Ж.С.).

...Однажды наши соседи подрались между собой. Отец и сын. Дрались они с ожесточением, молча и страшно. Я вначале окаменел от увиденного, потом дико закричал и побежал домой. Мой отец, не поняв, что случилось, побежал в сторону дерущихся мужиков. Наверное, он подумал, что это они избили меня. Когда же соседи, присутствовавшие при драке, объяснили ему, в чем дело, он возвратился домой и с порога сердито бросил матери:

– Что за сын у нас растет? Эти два придурка дерутся, а наш сын истошно кричит и плачет от ужаса. Как так можно?

Мама, как всегда, начала меня защищать, говоря, что доброта и умение сопереживать – хорошие качества⁴ (курсив мой – Ж.С.).

И неудивительно также, что Айтматов чрезвычайно музыкален, что опять-таки обнаруживается в его сочинениях. Немного было в мире писателей, умевших передавать тончайшие душевные состояния, пластические образы и живой разговор посредством музыкальных фраз,

⁴ Айтматов Ч.Т. Детство. – Бишкек, 2001.

звучание которых составляет неизъяснимую прелесть, заключенную в музыкальности каждого слова и в самой поэтической интонации.

Вот как описывает Айтматов хор церковной капеллы: «В той тишине как бы медленно тронулась с места божественная воздушная колесница со сверкающими ободами и спицами и покатила по незримым волнам за пределы зала, оставляя за собой долго не стихающий, всякий раз вновь возрождающийся из неисчерпаемых запасов духа торжественный и ликующий след голосов.

...Его, придуманного, недостижимого и не отделимого от духа, – ведь лишь из этого могло возникнуть такое непередаваемое истовое пение. И в этом была сила их искусства сильного лишь страстью, упоением, могуществом исторгаемых звуков и чувств, когда заученные божественные тексты лишь предлог, лишь формальное обращение к нему, а на первом месте здесь дух человеческий, устремленный к вершинам собственного величия.

Я не понимал и, по правде говоря, не очень желал понимать, что происходило со мной в тот час, что приковало мои мысли и чувства с такой неотразимой силой к этим десятерым певцам, с виду таким же, как и я, людям, но гимны, которые они распевали, словно исходили от меня, от моих собственных побуждений, от накопившихся болей, тревог и восторгов, до сих пор не находивших во мне выхода, и я постигал благодаря искусству этих певцов изначальную сущность храмового песнопения – этот крик жизни, крик человека с вознесенными ввысь руками, говорящий о вековечной жажде утвердить себя, облегчить свою участь, найти точку опоры в необозримых просторах Вселенной»...⁵

⁵ Айтматов Ч.Т. Плаха. – М., 2012. – Стр. 63-65.

Далее устами героя романа «Плаха» Авдия Каллистратова он пишет, что «я слушал певцов, и меня вдруг посетило озарение, мне открылась суть прочитанного однажды грузинского рассказа «Шестеро и седьмой». В годы гражданской войны, семеро грузин, среди них один чекист, потерпев полное поражение в бою, покидают родину – Грузию навсегда. «Мы ничего не уносим с собой, даже песчинки с грузинской земли. Родину невозможно унести, можно унести только тоску, если бы родину можно было перетаскивать с собой, как мешок, то цена ей была бы грош. Так выпьем напоследок и споем напоследок наши песни». ...И песня полилась сама по себе, как пробивается вдруг родник среди камней на горном склоне, и всему, что будет соприкасаться с его водой на всем пути – тому цвести и умножаться. И тихо завели они песню отцов, и тихо нарастала она, гортанно журча, как родник со склона, – все семеро превосходно пели, слажено, каждый по-своему и в свою силу, и песня разгоралась, подобно костру, вокруг которого они стояли...»⁶ (курсив мой – Ж.С.).

Советский литератор В.Коркин задал следующий вопрос Айтматову: «И вы верите, что появится новый Шекспир?»

– Такой вопрос в свое время я задал Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу. Меня удивила и восхитила его мысль о том, что в современном мире гораздо больше шансов для новых Шекспиров, ибо никогда человечество в своем развитии не достигла такой универсализации духа, и поэтому, когда появится такой великий художник, он сумеет выразить, как музыкой, весь мир в одном себе... (курсив мой – Ж.С.). Разговор этот происходил на ходу, и лишь

⁶ Там же, стр.75.

позже, наедине с собой, я понял значение сказанного: Шостакович ждал от литературы всеохватного, «музыкального» обобщения жизни»⁷.

Чингиза Айтматова похоронили в комплексе «Ата-Бейт», где вместе с сотнями репрессированных и расстрелянных славных сынов Кыргызстана покоится и его отец Торекул Айтматов (я не могу без трепета и содрогания вспоминать – когда произошло их перезахоронение, Чингиз Торекулович сам нашел и своими дрожащими руками держал личное удостоверение отца). «Даже внезапная смерть, – пишет академик А.Эркебаев, – как бы в миниатюре повторяет его жизненный путь: он заболел в Татарстане – на исторической родине своей матери, умер в Германии – европейской стране, близкой к Бельгии, где он долгое время был послом Кыргызстана, и похоронен согласно его воле в родном городе Бишкек, в комплексе «Ата-Бейт», рядом со своим отцом.

Горько, но факт: руководство страны слишком поспешно отозвало его из Бельгии, предварительно не создав для великого человека необходимых условий для спокойной жизни и творческой работы, послав вместо него туда – в столицу Европейского Союза и НАТО – неизвестного даже у нас заурядного чиновника. В организации похорон писателя тоже бросались в глаза грубые упущения; скажем, как было бы хорошо, достойно памяти Айтматова, если бы соответствующую комиссию возглавил сам президент республики и пригласил лично своих коллег из тюркоязычных государств. Уверен, что некоторые из них, к примеру, Нурсултан Назарбаев, Ислам Каримов и Абдуллах Гюль, непременно откликнулись бы на такое приглашение из уважения к великому писателю. Однако этого

не случилось: комиссию возглавил не президент и даже не премьер-министр. Далее, академик Эркебаев совершенно правильно отмечает, что «неадекватным величине фигуры Айтматова оказался и указ президента об увековечении памяти великого писателя, обнародованный в день его восьмидесятилетия, 12 декабря 2008 года. Во-первых, он явно опоздал. Опять сравним: указ президента России в отношении Александра Солженицина был издан моментально, в дни похорон. Во-вторых, перечень мер, содержащийся в указе, вовсе не соответствует действительно масштабу личности и достоинства Чингиза Айтматова.

Спрашивается: почему нельзя было назвать именем писателя одну из самых высоких вершин страны (ведь сам Айтматов – духовная вершина современного Кыргызстана), одну из площадей – хотя бы Старую площадь, один из районов – например Первомайский, где долгое время жил и работал писатель, одну из центральных улиц – к примеру, Чуйский проспект, аграрный университет, где он учился в свое время, национальную библиотеку – ведь это храм знаний и книг, олицетворяющий духовный облик Айтматова? Кстати, в этот день ни один из первых руководителей Кыргызстана не счел нужным присутствовать на торжественном вечере в филармонии, посвященном 80-летию писателя. Да и сам вечер прошел весьма уныло. Таковым оказалось, к сожалению, в конечном итоге отношение властей страны к Чингизу Айтматову и его памяти»⁸.

Социологическая пара категорий «власть – общество» антиномчны, между ними больше противоборства, чем гармонии. Айтматов, конечно, отвергает сакральный характер власти, но в то же время не считает её абсолютным

⁷ Айтматов Ч.Т. Собр. соч. – Т.3. – М., 1984. – Стр. 162.

⁸ Эркебаев А. Год без Айтматова. / Комсомольская правда. – 11-18.06.2009.

«злом», ибо общество, народ тоже не ангелы белокрылые, более чем достаточны у них и недостатки, и пороки. Беспощадно критикуя деспотизм, тиранию и тоталитаризм, он в то же время верит, что можно преобразовать власть, сделать её истинно народной, демократичной. Как известно, Айтматов от души поддерживал и горбачевскую перестройку, и демократические начинания Акаева. Но, как известно, глубоко разочаровался в обоих этих проектах. Тем не менее, Айтматову чуждо голое, ханжеское отрицание всякой власти, он не только верит в созидательный, организационный потенциал власти, но и тесно сотрудничал с ней, способствовал успехам экономического и культурного строительства страны. С его подачи, например, власти согласились назвать аэропорт города именем «Манас», Центральную площадь — именем «Ала-Тоо». Будучи председателем Союза кинематографистов Кыргызстана, он оказал огромное влияние на становление национального кино — «кыргызского чуда». В стране не было ни одного крупного проекта, начиная от строительства центра столицы и кончая строительством дороги Бишкек — Ош, в котором он прямо или косвенно, конструктивно не принял бы участие. Словом, в процессе взаимодействия пары категорий «власть — общество» у Айтматова действительно налицо равновеликое отношение к ним, что проявляется как раздвоение личности, что в своеобразной форме подмечено академиком А.Эркебаевым: «...Возник очень интересный феномен — так называемая двойственность, амбивалентность Айтматова: с одной стороны, в своих художественных произведениях, публицистике, беседах и статьях он страстно обличал недуги и преступления социализма, а в последнее время и бичи дикого капитализма, с другой стороны, в своей практической деятельности он всегда ладил и сотрудничал с

официальной властью, получая вполне заслуженно все мыслимые и немыслимые почести, награды и премии СССР и Кыргызстана. То есть Айтматов не стал таким «бунтующим человеком», выражаясь словами Альбера Камю, как Андрей Сахаров или Александр Солженицын в СССР, как Вацлав Гавел в Чехии и другие диссиденты-интеллектуалы... Вообще по характеру своему он был умиротворителем, посредником, созидателем, обновителем и реформатором, а не разрушителем и революционером. Именно потому, что он не порывал связи с официальной властью и не превратился в мятежника-диссидента»⁹.

Все это верно, но, бывало, что он в вопросах власти проявлял огромное мужество. Речь идет о том, что Айтматов в свое время не дал согласие на просьбу группы депутатов выдвинуть его кандидатуру на должность президента республики. Время было такое, что интеллектуалы, видные деятели науки и культуры были востребованы тогда для власти. В Армении президентом стал видный физик Тер-Петросян, в Азербайджане — писатель А.Эльчибей, в Кыргызстане — академик А.Акаев. Не воздержался от соблазна власти даже О.Сулейменов — личность несравнимо крупнее и дальновиднее, чем все выше названные фигуры, в свое время также активно борясь за президентское кресло.

А вот Айтматов отказался. Свои гражданские и творческие принципы поставил выше первого властного поста — президента республики. Здесь очень кстати привести следующие слова А.Солженицына: «Мы так безнадежно расчеловечились, что за сегодняшнюю скромную кормушку отдадим все принципы, душу свою, все усилия наших предков, все возможности для потомков — только бы не

⁹ Там же.

расстроить своего утлого существования. Не осталось у нас не твёрдости, ни гордости, ни сердечного жара. Мы даже всеобщей атомной смерти не боимся, третьей мировой войны не боимся (может, в щелочку спрячемся) – мы только боимся шага гражданского мужества! Нам только бы не оторваться от стада, не сделать шаг в одиночку – и вдруг оказаться без белых батонов, без газовой колонки, без московской прописки»¹⁰.

И тогда, и сегодня многие судачили и судачат, что, мол, Айтматов побоялся ответственности, предпочел мещанский комфорт, личное спокойствие сложностям государственной верховной власти. Но ведь замечательно же, если человек, сомневаясь в своих силах и возможностях, своевременно отказывается от предложенной должности, а не алчно хватается за нее и впоследствии позорится на весь мир, не оправдав доверие народа.

Наш святой долг перед светлой памятью Чингиза Торекуловича Айтматова – претворить в жизнь его заветные мечты. Он мечтал, чтобы Кыргызстан стал суверенной и влиятельной страной, сохранил свою национальную и духовную идентичность, чтобы кыргызский народ не растерял себя как нацию. К сожалению, мы еще не стали такой страной, таким народом. Нас, как и прежде, раздирают межэтнические, родоплеменные и межрегиональные противостояния, для нас характерно патологическое отчуждение между элитой и народом, властью и теми, кем эта власть правит. Для того чтобы все перечисленные и не перечисленные тяжелейшие проблемы решить, нужна тотальная мобилизация всего народа. Причем мобилизация не лагерная, а творческая, которая востребует интеллектуальные ресурсы миллионов наших сограждан на

¹⁰ Солженицын А.И. Жить не по лжи! / Российская газета. – 07.08.2008, № 167.

базе общенационального единства. Люди, привыкшие к тому, что власть от них бесконечно далека и что они сами ни за что не отвечают, а так называемой элите на них наплевать, должны вновь почувствовать, что Кыргызстан – наша общая страна, которая думает и заботится о всех, кто в ней живет, и за которую они тоже в ответе. А это достигается, в первую очередь, качественным изменением принципов государственной и социальной политики, углублением демократических методов управления страной.

В центре внимания Чингиза Айтматова всегда находились проблемы развития национальной культуры в самом широком смысле этого слова. Он предвидел, что глобализирующийся мир стирает преграды для движения идей, людей, товаров, денег. Все более прозрачными становятся физические границы и таможенные барьеры, теряют свое прошлое значение армии. Основой единства страны становится именно культура: язык, традиции, литература и искусство, вера (религия), ценностные ориентации. Люди не хотят жить по чужим, пусть и самым замечательным лекалам. В то же время создание единой нации остается для нас чрезвычайно актуальной идеей. Но это отнюдь не означает, что игнорируется стремление кыргызского народа к национальной государственности. Очевидна невозможность создания замкнутой, изолированной, абсолютно самостоятельной кыргызской культуры. Развитие общения, интеграционные процессы, многовековые традиции культурного, научного, торгового, экономического и т.п. взаимодействия со странами современной Евразии, особенно с Россией, не оставляют разумной альтернативы для другого пути интеграции.

У Чингиза Айтматова особую тревогу вызвало широко-масштабное наступление ценностей западного потребительского общества. И сегодня стала очевидной иллюзорность

концепции потребительского общества, которая была широко распространена с 60-х годов прошлого столетия. К XXI веку мир на деле убедился, что идеология потребления оказалась губительной. Она породила массовое социальное иждивенчество не только в развитых странах мира, даже у нас она является одной из главных причин затянувшегося кризиса. Мы никогда не догоним развитые страны по уровню потребления материальных ресурсов. Нам не нужна никакая «догоняющая» экономика, мы должны создавать экономику знаний. Именно поэтому Айтматов считал образование самоценностью. Сегодня в образовательной системе Кыргызстана недостаточно внимания уделяется практической стороне учебного процесса, слабо учитываются индивидуальные особенности учащихся. Остро стоит вопрос недостаточности таких приемов духовно-нравственного воспитания детей, подростков и молодежи, которые бы нацеливали на решение индивидуальных задач их взросления и успешной социализации.

По существу весь учебно-воспитательный процесс базируется на устаревших методиках. Такая важная составляющая учебно-воспитательного процесса, как исторические знания, абсолютно не настроена на решение задач становления личности, гражданина и патриота. В школьных курсах есть все: и программы основ военной подготовки, и проекты обеспечения безопасности жизни и т.п., оставшиеся во многом реликтами советской системы образования. В то же время нет инновационных курсов, которые необходимы учащимся уже сегодня. Крайне неудовлетворительно идет процесс оптимизации вузов. В республике действуют около 100 вузов. Многие из них не обеспечивают надлежащего качества выпуска специалистов. Они по существу помогают людям получить высшее образование, которое им никогда не понадобится в их

профессиональной сфере. Порождать у молодежи стремление к подобного рода «достижениям» – вещь, не укладывающаяся в парадигму экономики знаний. Более того, противоречащая ей.

Айтматов был, наконец, убежденным сторонником формирования сильного гражданского общества и считал, что основой такого общества должна стать честность. Сегодня особенно остро чувствуется общественный запрос на искренность, прозрачность политики, на то, чтобы декларации политика действительно отвечали его реальным взглядам и практическим планам. К сожалению, многие представители нынешней правящей олигархически-бюрократической власти являют нам прямо противоположный пример. Здесь между словами и делами, как правило, пропасть; разным обещаниям, предвыборным и не предвыборным, вообще никто не придает особого значения; полностью уничтожено понятие «репутации» как таковое.

Сегодня систему руководящих кадров разъедает коррупция. Единственный выход – перестать искусственно поддерживать на плаву подмоченные на практике репутации. Переходить от общекомандной ответственности к ответственности личной. Применительно к высшим эшелонам исполнительной власти речь должна идти о жесткой ротации кадров на основе четких критериев результативности работы. Необходимо вооружаться динамической моделью (ее называют системой сдержек и противовесов), которая требует большей смелости, умения управлять, готовности нести ответственность за свои решения, и главное – неизбежно ведет к постоянной ротации власти.

Наша духовная и интеллектуальная история XX и начала XXI века определяется феноменом Чингиза Айтматова, который остается в мировой истории культуры открывателем неизведанных глубин духовного мира человека.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
<i>Глава I.</i> МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА	5
<i>Глава II.</i> «...НАЙТИ ЧЕЛОВЕКА В ЧЕЛОВЕКЕ»	26
<i>Глава III.</i> ОДИНОЧЕСТВО ЛЮБВИ	49
<i>Глава IV.</i> СЕМЬЯ – КОЛЫБЕЛЬ ЛЮБВИ И СОВЕСТИ	81
<i>Глава V.</i> «ЛЮДИ ИЩУТ СУДЬБУ, А СУДЬБА ЛЮДЕЙ»	109
<i>Глава VI.</i> Ч. АЙТМАТОВ И КЫРГЫЗСКИЙ НАРОД	139
<i>Глава VII.</i> ТРАГИЗМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ В ЭПОХУ РЫНКА И ДЕМОКРАТИИ	173
<i>Глава VIII.</i> ПЛАНЕТАРНОЕ МЫШЛЕНИЕ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА	201
<i>Глава IX.</i> ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ И МЫ (вместо эпилога)	233

Выражаю искреннюю благодарность
академику, президенту НАН Кыргызской Республики
ЭРКЕБАЕВУ А.Э.,
экс-премьер-министру Кыргызской Республики
МУРАЛИЕВУ А.М.,
полпреду Правительства Кыргызской Республики
в Иссык-Кульской области
КАПТАГАЕВУ Э.С.,
академику, вице-президенту НАН КР
АКМАТАЛИЕВУ А.А.,
директору института философии и политических
исследований, член-корреспонденту НАН КР
ТОГУСАКОВУ О.А.
за ценные советы, помощь и поддержку
в издании данной книги.

1. ВВЕДЕНИЕ 1

2. ФИЛОСОФИЯ АЙТМАТОВА 2

3. ФИЛОСОФИЯ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА 3

4. ФИЛОСОФИЯ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА 4

5. ФИЛОСОФИЯ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА 5

6. ФИЛОСОФИЯ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА 6

7. ФИЛОСОФИЯ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА 7

8. ФИЛОСОФИЯ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА 8

9. ФИЛОСОФИЯ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА 9

10. ФИЛОСОФИЯ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА 10

Жумагул
СААДАНБЕКОВ

**ФИЛОСОФИЯ
ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА**

Редактор: *О. Бондаренко*
Техредактор: *Ш. Мамыраниева*
Корректор: *Г. Кубатбекова*
Компьютерная верстка: *М. Матраимов*

Подписано в печать 10.11.2013. Формат 60x84¹/₁₆.
Объем 16,0 физ. печ. л. Тираж 1000 экз.

Отпечатано
в Издательско-полиграфическом комплексе
«ПРИНТ-ЭКСПРЕСС»
г. Бишкек, ул. Куренкеева, 89а.

**СААДАНБЕКОВ
ЖУМАГУЛ
СААДАНБЕКОВИЧ**

Известный ученый, политик, дипломат, общественный деятель, был в советское время учителем сельской школы и партийным работником: заведующим отделами, секретарем столичного Бишкекского (г.Фрунзе) горкома Компартии Киргизии, инспектором, заведующим Идеологическим Отделом ЦК Компартии Киргизии, избирался депутатом двух созывов Верховного Совета Киргизской ССР, председателем комитета Верховного Совета Кыргызской ССР по науке, образованию и культуре, Заместителем председателя Совета Республик Верховного Совета СССР, назначался председателем Госинспекции при Президенте Кыргызской Республики, губернатором Иссык-Кульской области, ректором Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики.

С 1998 года находился на дипломатической работе: Чрезвычайным и Полномочным Послом Кыргызской Республики на Украине, а в 2001-2007 гг. Чрезвычайным и Полномочным Послом Кыргызской Республики в Республике Казахстан.

Кандидат философских наук, доктор политических наук, доцент. Является автором более 300 научных статей, а также монографий: «О сельской интеллигенции» (1974 г.), «Сумерки авторитаризма: закат или рассвет?» (2000 г.), «Авторитаризм и демократия на Востоке» (2003 г.). «Нурсултан Назарбаев: Законы лидерства» - (2005 г.), «Моя жизнь» (2010 г.). Лауреат международной Сократовской премии «Имя - в науке».